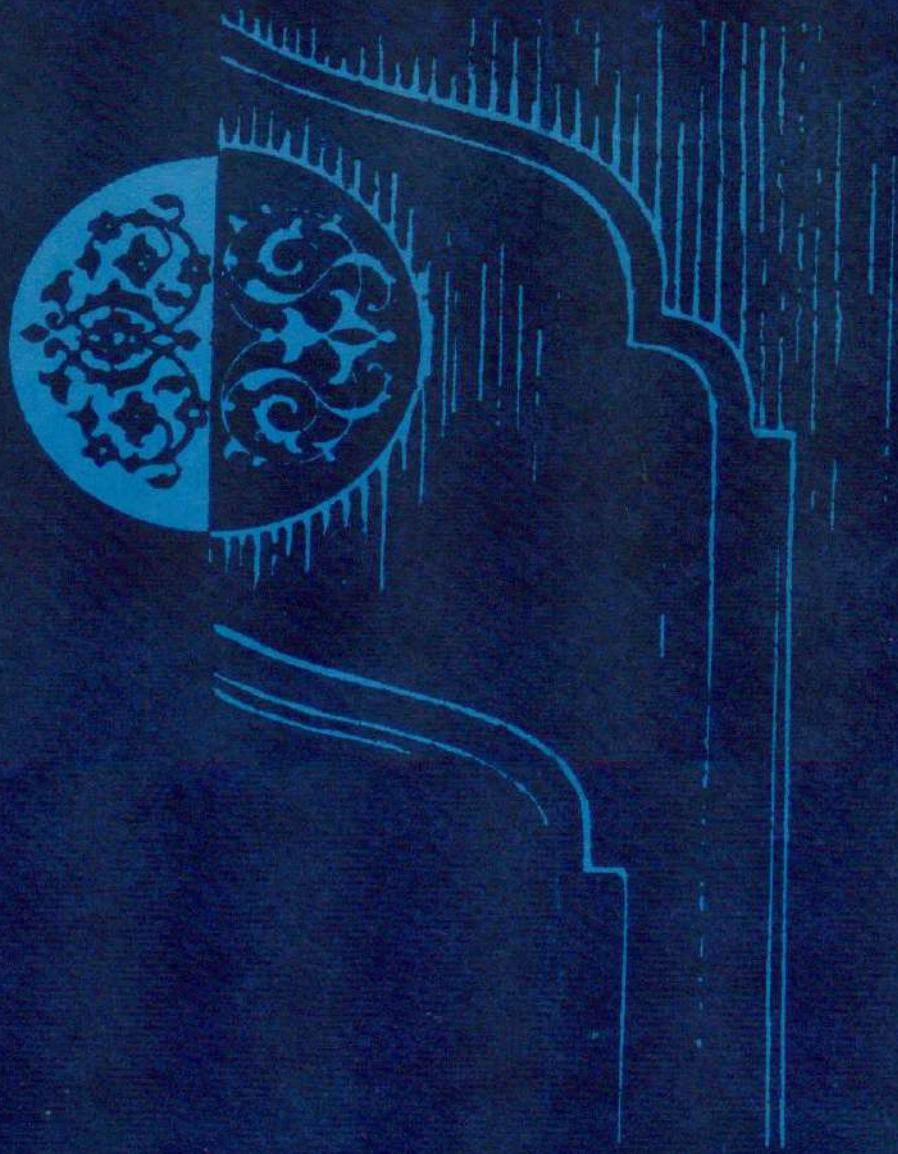
Дж. М. МУСТАФАЕВ

СЕВЕРНЫЕ ХАНСТВА АЗЕРБАЙДЖАНА И РОССИЯ

/ КОНЕЦ XVIII · НАЧАЛО XIX В /



Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası Tarix İnstitutu
TARİX INSTITUTU

АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası
A.A.Bakıxanov adına Tarix İnstitutu
TARİX İNSTİTUTU

Дж. М. МУСТАФАЕВ

СЕВЕРНЫЕ ХАНСТВА АЗЕРБАЙДЖАНА И РОССИЯ

(конец XVIII—начало XIX в.)

Баку — «Елм» — 1989

Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası
A.A.Bakıxanov adına Tarix İnstitutu
TARİX İNSTİTUTU

Печатается по постановлению
Научно-издательского совета
Академии наук Азербайджанской ССР

Редактор **Ф. Алиев**

Мустафаев Дж. М.

Северные ханства Азербайджана и Россия (конец XVIII —начало XIX вв.). — Баку: Элм, 1989. — 128 с.

В книге на основе анализа многочисленных архивных материалов впервые освещена внутриполитическая обстановка Азербайджана на рубеже XVIII—XIX вв., раскрыта возросшая роль Азербайджана в восточной торговле России. Дана новая трактовка отдельных моментов политических связей Азербайджана с Россией, отношений азербайджанских ханов к походу русских войск в 1796 г. Именно в этот период исторически сложившаяся русская ориентация в Азербайджане достигла кульминации в своем развитии, что в начале XIX в. привело к присоединению северных ханств Азербайджана к России.

0505040000-73
М---------- 52-58
655(2)-89

© Издательство «Элм», 1989 г.

Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası
A.A.Bakıxanov adına Tarix İnstitutu
TARİX İNSTİTUTU

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение 4

Глава I. ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЕВЕРНЫХ ХАНСТВ АЗЕРБАЙДЖАНА НА РУБЕЖЕ XVIII-XIX вв. 10

Экономическое состояние страны 10

Внутриполитическая обстановка 16

Глава II. ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ СЕВЕРНЫХ ХАНСТВ АЗЕРБАЙДЖАНА С РОССИЕЙ 22

Глава III. ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ СЕВЕРНЫХ ХАНСТВ АЗЕРБАЙДЖАНА С РОССИЕЙ 37

Заключение 57

Примечания 59

Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası
A.A.Bakıxanov adına Tarix İnstitutu
TARİX İNSTİTUTU

ВВЕДЕНИЕ

Одной из важных проблем советской историографии является всестороннее исследование исторических корней дружбы народов СССР, их взаимоотношений, особенно предпосылок присоединения всех наций и народностей Советского Союза к России.

В период качественного обновления нашего социалистического общества особое значение имеет изучение истоков братской дружбы, экономического и политического сотрудничества азербайджанского народа с великим русским народом, который «не считаясь с трудностями и лишениями, оказывая бескорыстную помощь другим народам страны в отстаивании их революционных завоеваний, внес неоценимый вклад в преодоление отсталости бывших национальных окраин»[1].

Важной вехой в истории азербайджанского народа, положившей начало новому этапу его развития, стало присоединение Северного Азербайджана к России, сыгравшее важную роль в его социально-экономическом и культурном прогрессе. В годы революции азербайджанский народ рука об руку с русским народом боролся против царизма, за социализм и равенство всех народов. После победы Великого Октября и установления в Азербайджане Советской власти азербайджанский народ, как и другие братские народы Советского Союза, начал создавать «современную промышленность, национальные кадры рабочего класса и интеллигенции, развил национальную по форме, социалистическую по содержанию культуру»[2].

Коммунистическая партия и Советское правительство уделяют большое внимание интернациональному воспитанию трудящихся на современном этапе. В этом деле немаловажное значение имеет исследование дружественных связей азербайджанского и русского народов в прошлом. Конец XVIII — начало XIX в. богаты фактами, свидетельствующими о тесных взаимоотношениях Азербайджана с Россией. Именно в этот период исторически сложившаяся русская ориентация в Азербайджане в своем развитии достигла кульминации. Прогрессивные деятели Азербайджана на всех этапах истории с надеждой и верой обращали взор в сторону великого северного соседа — России, выступали за всемерное укрепление всесторонних политических экономических и культурных связей, видели в дружбе и братстве народов источник общественного прогресса.

В 90-е годы XVIII в. Азербайджан, представлявший собой ряд раздробленных феодальных государственных образований - ханств, дважды подвергался разорительным нашествиям со стороны Ирана. Чтобы отстоять свою самостоятельность, большинство азербайджанских ханов в поисках защиты от агрессии Ирана ориентировалось в своей политике на сильного северного соседа — Россию. В это же время лояльное отношение русских войск к местному населению во время их пребывания в Азербайджане в 1796 г. способствовало росту авторитета России и среди народных масс. В этой связи изучение азербайджано-русских взаимоотношений на рубеже XVIII—XIX вв. приобретает особую актуальность, а разработка отдельных аспектов данной проблемы внесет свои коррективы в историю Азербайджана и заполнит имеющийся в азербайджанской историографии пробел.

Истории Азербайджана XVIII в. и взаимоотношениям его с Россией посвящено несколько монографических исследований[3], среди которых следует выделить капитальный труд Гаси Абдуллаева «Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения его с Россией». Много различных вопросов, связанных с историей Азербайджана XVIII в., нашли свое отражение в трудах, относящихся к истории сопредельных стран[4].

Отдельные вопросы исследуемой темы затронуты в трудах И. П. Петрушевского, В. Н. Левиатова, А. И. Иоаннисяна, Н. А. Смирнова, Ф. М. Алиева, А. Ф. Фадеева, О. П. Марковой, А. Ш. Мильмана, Х. М. Ибрагимбейли, Г. А. Галояна[5] и др. В этих работах изучены социально-экономическое положение Азербайджана, состояние городов, восточная политика России, развитие русско-иранской и русско-азербайджанской торговли, дипломатические отношения

азербайджанских ханств с Россией, соперничество между Россией и Ираном за овладение Закавказьем, в том числе Азербайджаном.

Азербайджанскими историками проделана определенная работа в деле изучения истории и экономики отдельных ханств и городов, их взаимоотношений с Россией. Исследование этих вопросов мы находим в работах М. Альтмана, С. Б. Ашурбейли, М. М. Мустафаева, Н. А. Исхаги, Г. А. Далили, Р. Д. Сулейманова и др.[6], в основу которых положен богатый фактический материал.

Тем не менее, следует констатировать, что при наличии такого количества работ по истории Азербайджана и его взаимоотношений с Россией на рубеже XVIII—XIX вв. все еще имеется ряд не рассмотренных и не освещенных в достаточной мере вопросов в этой области. Так, в целом не изучена внутриполитическая, обстановка северных ханств Азербайджана последнего десятилетия XVIII в., нельзя считать удовлетворительной и степень разработки азербайджано-русских взаимоотношений этого периода, хотя отдельные аспекты этой проблемы представлены в работах Ф. С. Асадова, М. М. Багировой и М. Искендеровой[7]. Если учесть, что последнее десятилетие XVIII в. было кануном присоединения Северного Азербайджана к России, то станет ясным, какое значение имеет детальное изучение этого периода. Не были предметом специального изучения и торгово-экономические связи Азербайджана с Россией данного исторического отрывка времени, носившие более стабильный характер. В 90-е годы XVIII в. Азербайджан все еще оставался раздробленной страной. Междоусобные распри, продолжавшиеся на протяжении второй половины XVIII в., в рассматриваемый нами период не утихали. Феодальные междоусобицы наносили огромный вред производительным силам страны, разоряли хозяйство.

В настоящей книге ставится задача на фоне политической раздробленности Азербайджана путем анализа, сопоставления и обобщения отдельных фактов охватить исследованием все вопросы азербайджано-русских взаимоотношений, вскрыть их основные тенденции. При рассмотрении азербайджано-русских взаимосвязей особое внимание было уделено изучению торгово-экономических отношений, которые имели огромное значение во всех взаимоотношениях. Чтобы иметь ясное представление о динамике развития азербайджано-русских торговых отношений изучаемого периода, в работе охарактеризовано общее положение торговли в бассейне Каспийского моря того времени.

В работе большое место отводится анализу азербайджано-русских политических отношений на рубеже XVIII—XIX вв. Имея важное стратегическое значение, Азербайджан издавна приковывал к себе внимание относительно сильных соседних государств. На своем многовековом опыте азербайджанский народ не раз убеждался в том, что ирано-турецкое владычество несло с собой голод, разруху, разорение. И напротив того, в памяти населения прикаспийских областей хорошо сохранились 20—30-е годы XVIII в., когда благодаря присоединению к России хозяйство названного региона постепенно восстановилось[8].

После образования на территории Азербайджана небольших феодальных государств в форме независимых ханств, в середине XV111 в. азербайджано-русские отношения существенно изменились. Если до этого торгово-экономические связи Азербайджана с Россией осуществлялись в составе Иранского государства, то теперь, будучи освобожденными от иранского владычества, азербайджанские правители вели самостоятельную внешнюю политику. Со второй половины XVIII в. русское правительство начало развивать не только торговые, но и политические отношения с азербайджанскими ханствами[9]. Образование объединения северо-восточных ханств Азербайджана в 60—80-х годах под предводительством Фатали хана создало еще более благоприятные условия для развития азербайджано-русских отношений, способствуя усилению русской ориентации в Азербайджане.

Если основные вопросы азербайджано-русских взаимоотношений по 80-е годы XVIII в. освещены в отдельных работах советских историков, то последующий период не был еще предметом специального исследования. Именно в это время в азербайджано-русских отношениях наблюдались весьма серьезные сдвиги. В 1797—1801 гг. Карабахское, Дербентское, Кубинское, Талышское и Бакинское ханства Азербайджана были приняты под покровительство России. В работе делается попытка изучить все стороны взаимоотношений северных ханств Азербайджана с Русским государством. При этом

основное внимание уделяется тем аспектам в процессе формирования азербайджано-русских взаимоотношений, которые в начале XIX в. привели к присоединению Северного Азербайджана к России.

Фактографической основой настоящего исследования послужили материалы, собранные автором из различных архивов страны. Ценные материалы по изучаемой теме собраны в Центральном государственном военно-историческом архиве (ЦГВИА) — в фондах № 41, Военно-учетного архива (ВУА); в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) — в фондах № 276 (фонд Коммерц-коллегии), 1261 (фонд Воронцовых), 1406 (фонд Ермоловых); в Архиве внешней политики России (АВПР) — в фонде «Сношения России с Персией (СРП); в Государственном архиве Астраханской области (ГААО) — в фондах № 1, 435 и 476. Кроме того, были использованы материалы Центрального государственного исторического архива Азербайджанской ССР (ЦГИА АзССР) и Научного архива Института истории Академии наук Азербайджанской ССР (НАИИ АН АзССР).

Среди архивных документов следует особо выделить материалы из ЦГВИА СССР, характеризующие, в частности, азербайджано-русские политические отношения. Эти материалы весьма разнообразны; здесь хранятся переписки русских чиновников и дипломатов; обращение отдельных азербайджанских ханов к русскому правительству с просьбой о покровительстве; рапорты военных лиц и консулов о политическом положении в бассейне Каспийского моря. Особую ценность представляют материалы, относящиеся к походу русских войск в Азербайджан в 1796 г. Большинство из них собрано в 41 фонде указанного архива и вводится в научный обиход впервые. В этом фонде, особенно в делах под номерами 614а и 629, хранятся рапорты Екатерине II главнокомандующего походом В. А. Зубова, его переписка со своим братом П. А. Зубовым, начальником русских войск на Кавказской линии генералом И. В. Гудовичем, разные ведомости о численности войск, рапорты начальников отдельных отрядов генералов С. Булгакова, Г. Рахманова и И. Савельева[10]. Здесь хранятся также дневниковые записи В. А. Зубова, которые отражают несколько месяцев похода. В этих записях, хотя они не свободны от тенденциозности и искажений, дана краткая суть приказов и распоряжений В. А. Зубова, приводится также содержание писем Мустафа хана шемахинского, Гусейн Кули хана бакинского, Салим хана текинского, Ибрагим хана карабахского и Мир Мустафа хана талышского, адресованных главнокомандующему русских войск[11].

Изучение архивных документов ЦГВИА, а также сопоставление их с опубликованными источниками позволило нам более точно описать некоторые детали похода русских войск. Благодаря этим документам нам удалось уточнить число русских войск, принимавших участие в походе, и выяснить причины, способствовавшие ухудшению отношения некоторых азербайджанских ханов к факту появления русских войск в Закавказье.

Материалы ЦГАДА в основном характеризуют состояние азербайджано-русской торговли. В этом плане для нашей темы особую ценность представляют официальные ведомости Астраханского портового и Кизлярского пограничного таможенных управлений. Ведомости Астраханской портовой таможни содержат в себе документы торговых сделок за несколько лет морской торговли России со странами Востока, в том числе и с Азербайджаном[12]. С их помощью можно определить не только перечень ввозимых и вывозимых товаров и количество пошлинных сборов, но и годовой товарооборот России с Азербайджаном. Известно, что в 90-е годы XVIII в., в связи с сильной конкуренцией европейских товаров, проникавших в Иран через Персидский залив и Турцию (Алеппо и Смирна), позиция русского купечества там сильно ослабла. Однако благодаря Волжско-Каспийскому пути, удобному географическому положению Азербайджана и России, их торговые связи в это же время еще более укрепились. Именно эти моменты торговых оборотов России с Азербайджаном хорошо отражены в указанных документах. Примерно такой же характер носят и материалы Кизлярской пограничной таможни[13].

При разработке отдельных вопросов данной темы немаловажную роль сыграли материалы, извлеченные автором из фондов ГААО. В фондах этого архива собраны разные

сведения о состоянии торговли в отдельных городах Азербайджана, обращение отдельных азербайджанских ханов к астраханским губернаторам и кавказским наместникам[14]. Большую ценность имеют документы, рассказывающие о стоимости шелка-сырца и шелковых товаров[15]. Любопытными являются документы, свидетельствующие о разрешении сроком на четыре года вывоза из России в Закавказье и Иран таких запрещенных товаров, как, например, олово, сталь и железо[16]. Кроме того, здесь хранятся контракты, по которым азербайджанские купцы брали русские корабли на откуп[17].

Весьма важные фактические материалы об азербайджано-русских политических отношениях собраны в фондах АВПР. Большинство их представляет собой прошения азербайджанских ханов, обращенных к русскому правительству, о покровительстве, ответы на них[18], которые еще раз свидетельствуют об усилении русской ориентации в Азербайджане[19].

Немало интересных сведений содержат материалы НАИИ АН Азербайджанской ССР, собранные И. А. Гусейновым, Э. Б. Шукюрзаде, Г. Б. Абдуллаевым, Ф. М. Алиевым и другими в различных архивах страны. Использованные нами документы архива Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР (Архив ЛОИИ АН СССР) также хранятся в НАИИ АН Азербайджанской ССР. Они отражают политические и экономические вопросы азербайджано-русских взаимоотношений, хозяйственную и социально-экономическую жизнь Азербайджана. Нами использованы также материалы из ЦГИА АзССР.

При написании работы был также исследован широкий круг опубликованных источников[20]. В связи с походом русских войск в Азербайджан в 1796 г. русское правительство уделяло большое внимание изучению истории, этнографии, экономики прикаспийских провинций. Во время похода отдельные чиновники России, получившие официальные поручения правительства, собирали материалы разного характера по Азербайджану и Дагестану. В них нашли отражение хозяйственно-экономическое положение Азербайджана в 90-е годы XVIII в., его внутренняя и внешняя торговля, политическая история отдельных ханств, сведения о составе и числе их войск и пр. Большая часть этих материалов опубликована в сборнике «История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.»[21].

Интересные сведения о развитии азербайджано-русских взаимоотношений встречаются в двухтомном сборнике «Архив Государственного совета». В первом томе приводятся протоколы заседаний Государственного совета, на которых обсуждались рапорты главнокомандующего русских войск на Кавказе генерала И. В. Гудовича о принятии отдельных азербайджанских ханств под покровительство России. Для нашей темы особенно ценен отчет русского консула в Баку Михаила Скибиневского Государственному совету в 1798 г., который опубликован во втором томе сборника. Отчет представляет большой фактический материал о состоянии азербайджано-русской торговли в прибрежных городах Азербайджана и Ирана, перечень привозимых и вывозимых товаров, анализируются причины, препятствовавшие нормальному развитию торговли[22]. Отчет М. Скибиневского ценен еще и тем, что в нем приводятся весьма важные цифровые данные о торговых оборотах Баку, Сальян, Ленкорани и Энзели, которые не нашли отражения в таможенных книгах. Отчет М. Скибиневского еще в 1815 г. был опубликован в астраханском журнале «Восточные известия» с некоторыми изменениями без указания автора под названием «Описание российской торговли, в Персии проводимой»[23].

В многотомном сборнике «Полное собрание законов Российской империи» опубликованы такие важные правительственные документы, как «Манифест» о выступлении русских войск походом в Азербайджан[24], доклад Коммерц-коллегии о взимании с восточных купцов пошлины только золотыми и серебряными монетами[25], жалованные грамоты о предоставлении русского подданства Шейх Али хану кубинскому[26], Гусейн Кули хану бакинскому с приложением письма вице-канцлера Куракина[27] и др.

Отдельные вопросы азербайджано-русских взаимоотношений на рубеже XVIII—XIX вв. нашли свое отражение в «Актах Кавказской археографической комиссии», где приведены тексты писем азербайджанских ханов, рапорты русских военных чиновников

Кнорринга, Коваленского, Цицианова и др. Следует отметить, что большинство документов АКАК составлены царскими чиновниками и не свободны от тенденциозности.

В сборнике документов «Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии» на первый взгляд собраны материалы только о Грузии. Однако здесь имеются сведения и по истории Азербайджана, в частности о нашествии Ага-Мухаммед хана в Закавказье.

К числу опубликованных источников относятся воспоминания и письма участников похода 1796 г.: жены русского офицера В. Бакуниной[28] и армянского архиепископа И. Аргутинского[29].

В монографии использованы труды таких русских дореволюционных кавказоведов XIX в., как П. Буткова[30], Н. Дубровина[31], В. Потто[32]. Участник похода 1796 г. П. Бутков в своей работе большое место отводит освещению вопросов политической истории Азербайджана и азербайджано-русских отношений. В книге Н. Дубровина широко использованы архивные документы, на основе которых автор довольно пространно описывает поход русских войск в Азербайджан, ход русско-иранской войны, связи азербайджанских ханств с Россией и т. п. Повторяя Н. Дубровина, В. Потто уделяет значительное внимание изучению истории военных действий русских войск на Кавказе в период русско-иранских войн.

Однако в трудах названных авторов наблюдается субъективный односторонний подход к фактам, порой грубое искажение исторической действительности, довольно тенденциозный взгляд на политику царизма в Закавказье. В их работах отсутствует освещение социально-экономических вопросов; не затрагиваются такие узловые проблемы, как состояние торговых отношений. Мнение В. И. Ленина о классовой ограниченности и тенденциозности домарксовской историографии вполне применимо к работам названных кавказоведов. В. И. Ленин писал: «Домарксовская «социология» и историография в *лучшем* случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса»[33].

В работе использованы материалы из некоторых периодических дореволюционных изданий: «Русская старина», «Кавказская старина», «Кавказский сборник», «Отечественные записки», «Библиотека для чтения», «Русский архив» и т. д., где были помещены статьи, отражающие различные аспекты истории Закавказья, в том числе Азербайджана в изучаемый период.

При исследовании данной темы были использованы также произведения азербайджанских историков-хронистов XIX в. А. Бакиханова[34], Мирза Адигезал-бека[35], Мирза Джамала Карабаги[36], Керим ага Фатеха[37] и Хаджи Сеид Абдулгамида[38]. В произведениях этих авторов в основном описывается политическая история как отдельных ханств, так и Азербайджана в целом. Для нашей темы весьма полезным оказались те факты и сведения азербайджанских историков, в которых описано внутреннее положение азербайджанских ханств на рубеже XVIII—XIX вв.

Исследуемая нами тема затронута и в работах советских историков, среди которых следует, в частности, отметить указанную монографию Г. Абдуллаева «Азербайджан в XVIII веке и взаимоотношения его с Россией». В ней автор рассматривает социально-экономическую историю Азербайджана в XVIII в., показывает исторические условия образования самостоятельных азербайджанских ханств, широко освещает возникновение государства в северо-восточном Азербайджане под эгидой Фатали хана кубинского. В работе на основе многочисленных архивных материалов также много внимания уделяется азербайджано-русским экономическим и политическим отношениям, усилению русской ориентации среди народных масс Азербайджана. Однако следует отметить, что хронологические рамки данной книги доходят до 80-х годов XVIII в., а что касается последующего периода, то, по словам самого автора, это является «задачей ближайшего будущего»[39], которую мы решили выполнить.

Непосредственное отношение к нашей теме имеет труд В. Н. Левиатова[40], где освещены политическая и экономическая история Азербайджана в XVIII в. и его взаимоотношения с сопредельными странами, в том числе с Россией. Он богат

фактическим материалом и представляет собой большой интерес. Однако отсутствие архивных документов несколько принижает общее ее значение, а порою приводит к ошибочному толкованию в ней отдельных моментов азербайджано-русских связей. Особенно это касается отношения азербайджанских ханов к походу русских войск в 1796 г. в Азербайджан, о чем мы расскажем в III главе настоящей работы.

Некоторые узловые вопросы азербайджано-русских отношений разработаны в монографии О. П. Марковой[41], написанной на основе многочисленных архивных материалов и зарубежной литературы. Автор рассматривает отношения России с Закавказьем, в том числе с азербайджанскими ханствами, на фоне обострившейся международной обстановки. В работе большое внимание уделено освещению азербайджано-русских торговых отношений.

Особенно полезным для нашей темы в исследовании О. П. Марковой оказались цифровые данные о состоянии азербайджано-русской торговли в 70—80-х годах XVIII в., извлеченные автором из фондов ЦГАДА. Данный фактический материал позволил нам сравнить товарооборот Азербайджана с Россией в последнем десятилетии XVIII в. с предыдущими годами и показать возрастающую роль Азербайджана в восточной торговле России.

При изучении взаимоотношений Бакинского ханства с Россией в исследуемый период важной для нас была книга С. Ашурбейли «Очерки истории средневекового Баку», где много места отведено изучению истории взаимоотношений Бакинского ханства с соседними ханствами Азербайджана, раскрыта роль бакинского порта в восточной политике России.

Хозяйственная жизнь Азербайджана в конце XVIII в. представлена в работе Г. Далили[42]. Здесь впервые исследуется история южных ханств Азербайджана во второй половине XVIII в., приводятся интересные данные о политической и экономической жизни этих ханств.

Наряду с перечисленными первоисточниками и исследованиями нами использован и ряд других материалов, многие из которых известны в историографии, поэтому мы на них подробно не останавливаемся.

В заключение считаем своим долгом выразить благодарность доктору исторических наук, профессору Ф. М. Алиеву и сотрудникам отдела истории связей Азербайджана с Россией и народами Кавказа Института истории АН АзССР за ценные советы, данные при подготовке монографии к печати.

Глава I

ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЕВЕРНЫХ ХАНСТВ АЗЕРБАЙДЖАНА НА РУБЕЖЕ XVIII—XIX вв.

Экономическое состояние страны

В конце XVIII — начале XIX в. в Азербайджане, представлявшем классический образец феодальной раздробленности, господство феодальных социально-экономических отношений, как и в предыдущие времена, тормозило развитие производительных сил. Все эти факторы препятствовали созданию, как единого экономического центра, так и экономическим связям между отдельными районами страны. Кровопролитные феодальные войны, которые «продолжались в течение всего средневековья»[1], подрывали основу экономики и торговли.

Натуральное хозяйство тормозило и развитие товарно-денежных отношений. Ремесло и сельское хозяйство в основном носили потребительский характер, их продукты предназначались в большинстве своем для удовлетворения нужд местного населения. Определение В. И. Лениным характера докапиталистической деревни России вполне можно применить и к Азербайджану, «...докапиталистическая деревня представляла из себя (с экономической стороны) *сеть мелких... производителей, раздробленных и своим обособленным хозяйничаньем, и массой средневековых перегородок между ними, и остатками средневековой зависимости»*[2].

ВАзербайджане уровень производительных сил был низким; сельскохозяйственная техника, требовавшая от крестьянина больших физических затрат и других средств, была примитивная. Основными сельскохозяйственными орудиями азербайджанского крестьянина являлись хыш (соха) и котан (плуг). В условиях слаборазвитой оросительной системы засуха представляла для сельского хозяйства настоящее бедствие. Кроме того, тяжело отражались на хозяйственной жизни страны частые иноземные вторжения, прямым результатом которых были уменьшение размеров посевных земель, разрушение оросительных каналов.

Однако с возникновением независимых и полунезависимых ханств в хозяйственной жизни Азербайджана наблюдалось некоторое оживление. В 60—80-е годы XVIII в. в связи с образованием объединения северо-восточного Азербайджана под главенством Фатали хана кубинского создались более благоприятные условия для восстановления и развития ремесла и сельского хозяйства, усилились торгово-экономические отношения с Россией. В некоторых ханствах Азербайджана, особенно северо-восточных, стало возрождаться хозяйство, восстанавливаться города и оросительная система.

Как известно, в советской исторической литературе вторая половина XVIII в. в Азербайджане характеризуется как период экономического подъема[3]. Видный советский востоковед И. П. Петрушевский по этому поводу писал: «На первый взгляд период ханств может показаться временем хозяйственного упадка. Такое мнение было бы неправильно. Экономику второй половины XVIII в. следует сравнивать не с экономикой XVII в., а с экономикой периода войн и междоусобиц 1711—1747 гг.; этот последний период и был временем глубокого упадка. По сравнению с этим периодом вторая половина XVIII в. обнаруживает скорее черты некоторого относительного подъема»[4]. В то же время этот подъем, носивший временный характер из-за ряда внутренних и внешних факторов, не мог продолжаться долго. К последнему десятилетию XVIII в. в хозяйственной жизни страны вновь просматривается некоторый застой. После смерти Фатали хана кубинского объединение северо-восточных ханств быстро распалось, междоусобицы, наносившие огромный вред экономике вновь стали постоянным явлением в политической жизни Азербайджана. Проводя большую часть своего времени в военных походах, завербованный ханами азербайджанский крестьянин не имел возможности заниматься хозяйством. Так, участник похода русских войск в Азербайджан в 1796 г. майор А. Серебров отмечал, что военные действия, возобновлявшиеся в основном весной в разгар посева или разведения тутового шелкопряда, наносили большой ущерб крестьянскому хозяйству. В отношении Шемахинского ханства он писал: «Все неприятели нападают на них умышленно в то самое время, когда разводима должна быть

шелковица, а сим образом и отнимают у них время для произведения сего прибыльного промысла»[5].

В 90-е годы XVIII в. хозяйственная жизнь страны, пожалуй, особенно сильно пострадала от иранской агрессии. В результате разорительных походов Ага-Мухаммед-хана в Азербайджан в 1795 и 1797 гг. был разорен ряд городов и сел, а население угнано в плен. Чтобы спасти свои семьи и имущество, жители Азербайджана часто скрывались в труднодоступных горах, будучи тем самым оторванными от земли. В середине 90-х годов XVIII в. в Карабахе свирепствовал голод[в], что явилось следствием не только трехлетней засухи, но и опустошительного похода Ага-Мухаммед-хана в 1795 г.

И все же, несмотря на сложную обстановку, азербайджанский народ продолжал создавать свои материальные блага. Как и прежде, в хозяйственной жизни Азербайджана ведущее место принадлежало сельскому хозяйству, которым занималось подавляющее большинство населения. Плодородная почва и благоприятные климатические условия способствовали развитию здесь земледелия, где основное место отводилось разведению зерновых культур. Во всех ханствах Азербайджана, за исключением Бакинского, преобладало зерновое хозяйство. «Дербентское владение, — сообщалось в источнике, — изобилует хлебопашеством, состоящим в пшенице, ячмене, сорочинском пшене и прочем»[7]. Зерновое хозяйство было также развито в Казахском и Шамшадильском султанствах[8]. В Карабахском, Гянджинском, Шекинском, Шемахинском, а также Кубинском ханствах развивалось товарное земледелие. Что же касается Бакинского ханства, то здесь наблюдается иная картина. Каменистая почва и отсутствие системы искусственного орошения в восточной половине ханства требовали много сил для обработки земли. Здесь применялась трехпольная система, согласно которой, по сведениям современника, обрабатываемая земля делилась на три части: в первой засевали пшеницу, во второй — ячмень и хлопок, а третью часть оставляли дикой. Через три года меняли места посева[9]. Несмотря на огромный труд крестьян, в этой части Бакинского ханства случались частые неурожаи. Поэтому здесь жители питались в основном за счет привозного хлеба из Кубинского и Талышского ханств.

Наиболее благоприятной для земледелия была северо-восточная часть Бакинского ханства. Здесь через протекавшую р. Сумгаит были прорыты оросительные каналы, вокруг которых засевали пшеницу, ячмень и получали в довольном количестве урожай[10].

Отметим, что в мирное время плодородная азербайджанская земля давала хороший урожай зерновых. Например, в 1795 г., когда Кубинское ханство не подвергалось военному разорению, пуд пшеницы там продавался по 67 к.[11]. Если учесть, что в 1797 г. пуд пшеницы в Грузии стоил 2 — 2,50 р.[12], в Карабахе одна четверть — 45 р. ханскими деньгами[13], то станет понятно, насколько урожайность зерна была высокой в указанный период в Кубинском ханстве. Поэтому и цена на хлеб снизилась.

В климатических условиях Азербайджана огромную роль играла искусственная оросительная система, которая здесь применялась еще с древнейших времен. Как и прежде, так и в описываемый период особенно густая сеть оросительных каналов была в Карабахе. Древние оросительные каналы, от которых ханы получали немало доходов, были восстановлены во время правления Панах хана и Ибрагим хана[14].

Искусственное орошение широко применялось и в Сальянском округе, где «из рукавов реки Куры к садам и по полям, распашным по сухости земли, во многих местах проведены водяные каналы», из которых поливали землю[15]. В Гянджинском ханстве во владении Джават хана имелось 10 каналов[16].

Другим важным занятием населения Азербайджана было скотоводство, все еще сохранявшее полукочевой характер. Важными скотоводческими районами Азербайджана являлись Кубинское, Нахичеванское, Ардебильское, Карадагское, Карабахское и другие ханства, где наличие зеленых пастбищ у подножья гор способствовало разведению крупного и мелкого рогатого скота. В Бакинском ханстве и в Сальянах разводились особые породы баранов. Карабахское ханство славилось своими лучшими породами лошадей. Слава о них распространилась по всему Ближнему и Среднему Востоку[17]. Карабахская низменность и Муганская степь были лучшими зимними пастбищами — кишлаками. Здесь

зимовали со своими стадами полукочевые племена шахсеванов, карадагцев, ардебильцев и т.д.

Наряду с земледелием и скотоводством значительную роль в хозяйственной жизни Азербайджана играли садоводство и бахчеводство. В Кубинском ханстве выращивались гранаты, миндаль, инжир, слива, яблоки, груши, виноград, арбузы, дыни и пр.[19]. «Сады ордубадские, — отмечал И. Шопен, — почитаются лучшими в области, и произрастающие в них виноград, аль-бухара, гранаты и айва превосходны»[20]. Примечательно, что садоводство и бахчеводство были развиты во всех ханствах Азербайджана. Лучшие сорта винограда выращивались в Шемахинском ханстве, а приготовленные из них вина по своему качеству не уступали европейским. В Тебризе выращивалось 66 сортов винограда[21].

В Азербайджане выращивались и технические культуры. Важное значение имело культирование марены, которая употреблялась в качестве красителя и была распространена в горных районах Кубинского ханства[22]. В низменных частях население занималось хлопководством. Наряду с этим в Бакинском и Кубинском ханствах культивировался шафран. По сведениям источника, он производился в большом количестве и в окрестностях Дербента[23]. М. Биберштейн указывает, что шафран, кроме потребления местными жителями, «в значительном количестве» экспортировался в соседние владения[24] В Талышском ханстве возделывался чалтык - рис, который занимал важное место в пище местного населения.

Самое значительное место в хозяйственно-экономической жизни Азербайджана, пожалуй, занимало шелководство. В зависимости от местных условий можно сказать, что шелк производился во всех ханствах. По сведениям Стевена, путешествовавшего по Азербайджану в начале XIX в., лучшие сорта шелка производились в Ширване, Шеки, Гяндже, Шамшадиле и Казахе[25].

Важным шелководческим центром являлось Шемахинское ханство. Любопытно, что лучший кавказский шелк долгое время назывался шемахинским[26]. В 70-е годы XVIII в. на территории Шемахинского ханства существовало около 1500 шелкоткацких станков[27]. Как писал современник, несмотря на большие трудности в развитии шелководства из-за междоусобных войн, жители Шемахинского ханства «упражняются беспрестанно в сем ремесле»[28]. В Шемахинском ханстве производилось шелка в четыре раза больше, чем в других ханствах. В Шемаху за шелком приезжали каждую весну многочисленные купцы из России, Ирана, Турции, Индии и Западной Европы.

В значительном количестве шелк производился в Нахичеванском ханстве, особенно в Ордубаде[29]. Производство его находилось на высоком уровне и в Ше-кинском ханстве. Во владении Мухаммед Гасан хана шекинского были 222 шелковичных сада[30]. Шелководство было развито также в Талышском ханстве, которое, однако, сильно пострадало от непрестанных нападений иранских полчищ в 90-е годы XVIII в. Во время первого похода в 1795 г. иранские войска вырубили здесь все тутовые деревья[31].

Одной из прибыльных отраслей хозяйства продолжало оставаться рыболовство, которое было развито в Бакинском, Кубинском, Шекинском и Гянджинском ханствах. Рыбные промыслы в Баку и Сальянах отдавались на откуп в основном русским купцам. Изобилие ценнейших сортов рыб, в особенности в Каспийском море и р. Куре, давало огромные прибыли[32]. В Шекинском ханстве ловля рыбы была связана с принудительными работами крестьян. Каждая семья, проживавшая в деревнях вдоль берега р. Куры, обязана была вылавливать рыбу и продавать ее только откупщику. Никто, кроме откупщика, не имел права покупать рыбу у населения[33].

В изучаемый период важное значение, особенно в городах, приобретало ремесленное производство. Ремесленники в основном сосредоточивались в так называемых аснафах—цехах.

Шемахинское ханство продолжало выделяться как центр производства шелковых тканей. Несмотря на неоднократное разорение в течение XVIII в., по меткому выражению С. Броневского, «древний дух торговли и рукоделия не совсем погас»[34] в Ширване. По

словам же современника А. Сереброва, население этого ханства «в зимнее время упражняется в разном тканье шелковых материй. Обыватель каждый фабрикант и ткач»[35]. Разные сорта шелковых тканей, особенно, такие как дараи, мови, канаус, атлас, тафта, бархат пользовались большим спросом не только на рынках Закавказья, России, Ирана, Турции, но и Западной Европы. Большинство же названных шелковых тканей еще в XVI—XVII вв. крупными партиями вывозилось в Россию[36]. Производство тканей было развито и в Шекинском ханстве. Шекинский шелк по своему качеству не уступал шемахинскому[37].

Одним из распространенных ремесел в Азербайджане было ковроткачество, которым занимались в основном женщины. Оно развивалось в Кубинском, Карабахском, Тебризском, Урмийском ханствах. Изделия азербайджанских мастеров были известны далеко за пределами страны.

К числу развитых промыслов относилось и гончарное производство, изделия которого предназначались в основном для домашнего обихода. В скотоводческих районах имелись благоприятные условия для развития кожевенного производства. Из кожи производили одежду, обувь, а также конское снаряжение. Большой славой пользовались и азербайджанские оружейники. В сел. Лаич Шемахинского ханства, кроме медной посуды, изготовлялись и разные виды оружия. Оружейное дело было развито и в Кубинском ханстве, где в деревнях Ерфи и Кулых изготовляли сабли, кинжалы и пр.[38]. В период ханства в Тебризе существовали две оружейные мастерские, в одной из которых производили порох, а в другой — оружие[39]. Близость железных рудников способствовала распространению производства металлических изделий и в Гянджинском ханстве[40]. В городах и крупных сельских местностях Азербайджана работали также кузнецы, ювелиры, медники, мыловары, портные, ткачи, красильщики, плотники, каменщики, пекари и др.[41].

Для развития отдельных отраслей ремесла важное значение имели полезные ископаемые, которыми были богаты недра Азербайджана. На территории Гянджинского ханства добывались железо, медь, свинец, кварц[42]. Техника добычи железных руд находилась на низком уровне и требовала от рудокопов немало сил. В пределах Кубинского ханства находились золотые, серебряные и свинцовые рудники, которые в свое время были завалены еще Фатали ханом кубинским и поэтому оставались неиспользованными[43]. На Апшеронском полуострове, в Сальянах и Нахичеванском ханстве добывалась соль. Нахичеванские соляные промыслы удовлетворяли нужды не только местных жителей, но и обеспечивали Карабахское, Гянджинское, Макинское ханства[44]. Нахичеванская соль обходилась дешевле бакинской и сальянской и продавалась по более низкой цене — по 3 к. за батман[45].

Важное место среди природных богатств Азербайджана занимала нефть, которая добывалась на территории Бакинского ханства. Особую ценность представляла белая нефть. По свидетельству русского путешественника С. Гмелина, в 70-е годы XVIII в., если батман черной нефти продавался по 5 к., то белой — по 30 к. Основными рынками сбыта бакинской нефти являлись Иран, Турция и Россия.

Несмотря на множество препятствий, порождаемых междоусобными войнами в Азербайджане, между ханствами продолжала развиваться торговля. Совокупность имеющихся данных позволяет сделать вывод, что крупным торговым центром в этот период являлся Баку, который находился в тесных торговых отношениях со всеми северными ханствами Азербайджана. Бакинская торговля осуществлялась сухопутно и морем. Перевозкой товаров местного назначения занимались мелкие морские суда — сандалы и киржимы[47]. Бакинское ханство из-за климатических условий и специфики почвы не могло обеспечить себя собственными сельскохозяйственными продуктами и чувствовало особую нужду в привозном хлебе. В обеспечении Бакинского ханства сельскохозяйственными продуктами определенную роль играло Талышское ханство, которое взамен получаемых нефти и соли через Ленкоранский порт экспортировало муку, медь, масло, сыр и пр.[48]. Из Кубинского ханства в Баку привозили пшеницу, ячмень, марену, ковры, суконные шали, дрова и строительные материалы[49].

В рассматриваемый период в торгово-экономическом отношении выделялось Шемахинское ханство, которое по своему географическому положению находилось в центре северо-восточных азербайджанских ханств, привлекало внимание купцов из разных провинций. Наиболее тесную связь Шемахинское ханство поддерживало с Бакинским ханством. По данным источника, шемахинские купцы экспортировали в Баку в основном шелк, шелковые ткани, а

также рис, марену, хлопчатобумажные и шерстяные изделия. Взамен они получали здесь нефть, соль, шафран, товары русского и европейского происхождения.

Два раза в году в Сальянах проводилась оживленная торговля типа ярмарки. Весною и осенью каждого года, перед отправлением русских рыболовецких судов в Астрахань сюда привозили товары из разных ханств. «В сие время, — писал А. Серебров, — происходят обширные торги»[50]. Торговля Нахичеванского ханства в основном носила транзитный характер и была связана с Тифлисом и Тебризом. В начале XIX в. годовой оборот внутренней торговли Нахичевани составлял примерно 160 тыс. р[51].

Во внутренней торговле азербайджанских ханств особое место принадлежало русским, а в некоторой степени и иранским привозным товарам, которые поступали в Азербайджан через Дербент, Баку, Сальяны и Нахичевань, а затем местными купцами развозились по всем ханствам.

Большим препятствием в развитии ремесла и торговли были не только феодальные междоусобицы и иностранные нашествия, но и пошлинное обложение и откупная система. Пошлина взималась со всех товаров, предназначенных для продажи. При этом одни и те же товары могли облагаться пошлинами несколько раз. Очень интересные данные имеются по этому поводу у Н. Шаврова, который на примере Гянджинского ханства писал, что с шелковых товаров пошлина взималась следующим образом: при продаже шелковых тканей с каждого вьюка взималось по 1р. 30 к., а с шелка-сырца — по 5 р. Однако купцам не всегда удавалось сбыть свои товары на месте, и они вынуждены были вывозить их в другие города. При этом выплачивалась повторная пошлина. Кроме того, купцы каждый раз должны были платить мизанный (весовой) сбор. При переправе через р. Куру с купцов, товаров и вьючных животных взимался особый сбор[52]. Таким образом, купцы еще до продажи своих товаров 4—5 раз выплачивали разные сборы.

Развитию торговли и ремесла мешало имевшееся различие мер и весов, а также монетной системы, имевших место не только в отдельных ханствах, но и внутри одного и того же ханства. Так, в Шекинском ханстве существовали три вида весов — тагара: городской тагар, ханский тагар и деревенский тагар. Городской тагар, равный 15 пудам, применялся в г. Шеки при продаже и покупке пшеницы. Ханскими татарами принимали податную пшеницу. Деревенский тагар употреблялся в деревнях[53].

Торговля и ремесло были в основном сосредоточены в городах, которые, несмотря на некоторое оживление в 60— 80-х годах XVIII в., в рассматриваемый период переживали некоторый упадок. Что же касалось тех городов, которые подверглись нападениям иранских войск в 1795—1797 гг., то они находились в полуразрушенном состоянии. После первого нашествия войск Ага-Мухаммед-хана в 1795 г. был разрушен гор. Новая Шемаха — Ахсу, о котором М. Биберштейн писал следующее: «Мы застали город в... жалком состоянии и жителей, живших под защитой лачуг, наполовину сохранившихся»[54].

В рассматриваемый период почти все азербайджанские города в архитектурном отношении повторяли друг друга: для оборонительных целей вокруг каждого города были сооружены крепостные стены, которые, в свою очередь, были окружены глубокими рвами. Исключение составлял г. Баку, защищенный двойными стенами[55].

В период ханств городское население было незначительным. При этом надо отметить, что о численности городского населения в конце XVIII — начале XIX в. не имеется точных сведений. Приводимые в источниках цифры очень противоречивы. Ф. Симонович, прибывший в 1796 г. в Азербайджан, писал, что в г. Кубе было 600 домов[56]. Если взять в среднем по 5 душ в каждом доме, то получается 3000 чел., однако это мало вероятно и не подтверждается другими источниками. В рапорте В. А. Зубова, относившемся к тому же году, говорится, что в Кубе насчитывалось до 2000 домов и 7000 жителей[57], что является более верным. Противоречивые данные имеются и о численности населения г. Баку. Генерал Г. Рахманов, вступивший в 1793 г. во главе русских отрядов в Баку, пишет, что в городе «домов более тысячи, жители разных наций, то есть: (азербайджанцы), армяне и грузины тысяч до четырех»[58]. Это явно преувеличено, ибо, как явствует из другого источника — «Описание Ширвана», относящегося к 1796 г., в г. Баку имелось азербайджанцев до 580 домов, прочих домов около 40[59], что подтверждается

сведениями майора А. Сереброва[60]. По нашему мнению, данные последних источников более достоверны, так как они собирались официальными чиновниками, получившими специальное задание собрать сведения об экономическом положении страны, о дорогах и городах, в том числе и городском населении. В этом отношении вполне справедливо мнение исследователя Ф. М. Алиева, который, на основании другого источника, утверждает, что в изучаемый период в Баку проживало более 3000 жителей[61].

По данным источника 1795 г., в Дербенте имелось более 10 тыс. жителей[62], в Новой Шемахе насчитывалось около 4000—5000, в Нахичевани — 5470[63], в Шеки — 6000, в Шуше — более 10 тыс. населения[64].

По своему социальному составу население городов было неоднородно. Здесь жили семьи ханов, беков, духовенства, служилые люди ханской администрации, купцы, ремесленники и пр. Как жители сельских местностей, так и горожане несли некоторые подати и повинности.

Каждое ханство являлось обособленным феодальным государством, имело свой административно-управленческий аппарат. Во главе каждого ханства стоял хан, который был полновластным правителем и управлял своими владениями самостоятельно. Основная функция ханского правительства состояла в защите интересов господствующего класса — феодалов-землевладельцев и в захвате чужих земель.

Во многих ханствах Азербайджана существовал диван, т. е. совет при хане. В диване обсуждались и решались вопросы войны и мира, раскладка и повышение податей, гражданские и судебные дела. Решающий голос здесь принадлежал хану.

После хана вторым лицом в ханстве был везир, который являлся ближайшим советником хана. После везира следовали серкар, ведавший финансовыми делами ханства[65], эшикагаси, управляющий личным хозяйством хана, хазинаагаси, ведавший расходами ханской казны, амбардарагаси — содержатель ханских складов, амир-ахур — главный конюший, ведавший пастбищами и запасами корма и пр.[66].

В административном отношении почти каждое ханство было разделено на ряд магалов. В Шекинском ханстве имелось восемь, в Гянджинском ханстве — пять, в Карабахском — двадцать один, в Кубинском —-восемь, в Талышском — шесть[67], в Нахичеванском — пять магалов[68]. Каждый магал управлялся наибами или магалбеками, избиравшимися из числа крупных феодалов. В Нахичеванском ханстве правители магалов назывались мирбольюками[69]. В обязанности магалбеков и наибов входили раскладка податей и повинностей, ведение финансовых дел в магале, решение мелких споров и пр. В подчинении наибов находились сельские старшины — кетхуды, которые избирались сельскими обществами и утверждались ханами. Следует отметить, что все перечисленные должности, хотя и не были наследственными, но могли быть передаваемы от отца к сыну, при этом требовалось лишь утверждение ханов.

В свою очередь, города также были разделены на кварталы — махалле. Города управлялись ханскими чиновниками в лице калантара, калабека, эссесбаши и т. д., в обязанность которых входили защита городов от внешних нападений, соблюдение общественного порядка внутри города, охрана базаров.

На защите интересов господствующего класса стояли судебные органы. В рассматриваемый период было три вида судебных органов: диван, шариатский и аснафский суды. В диване рассматривались особо важные вопросы, касавшиеся интересов государства, шариатский суд во главе с казием разрешал все споры и тяжбы, вопросы о разделе имущества, о наследстве, бракосочетании и пр. В аснафских судах рассматривались вопросы о нарушениях цеховых уставов, споры членов цеховых организаций, жалобы покупателей и т. д.

Для обеспечения как внутренней, так и внешней безопасности в ханствах имелись вооруженные силы. По требованию хана каждый наиб и предводитель кочевых племен должен был выставлять определенное число воинов. Основное ядро ханских войск составляли маафы. По данным опубликованного архивного документа, в случае войны кубинский хан мог собрать 10 тыс., бакинский — до 2000, шемахинский — до 4500, шекинский — до 10 тыс. вооруженных людей[70]. Ханские войска были вооружены саблями, ружьями и пушками разного калибра.

Внутриполитическая обстановка

После смерти Фатали хана кубинского созданное под его началом государство северо-восточного Азербайджана постепенно стало распадаться. Некогда присоединенные к Кубинскому ханству силой оружия другие ханства стали бороться за свою независимость. Одним из первых против кубинского господства выступили сыновья бывших шемахинских ханов. В этом им помогли и противники объединительной политики Фатали хана Ибрагим хан карабахский, Мухаммед Гасан хан шекинский, Умма хан аварский и Али Султан джангутейский[71]. В источниках этот факт освещается по-разному. По одним данным Мухаммед Гасан хан шекинский, узнав о смерти Фатали хана, напал на Шемаху. Находившийся в городе старший сын Фатали хана Ахмет хан был не в состоянии сопротивляться, бежал в Кубу и там объявил себя ханом[72]. В Шемахинском ханстве на престол вступил Манаф хан[73]. Спустя 15 дней сыновья бывших шемахинских ханов Агаси хана и Мухаммед Сеид хана, которые находились в Карабахе, с помощью войск Ибрагим хана карабахского заняли Шемаху, умертвили Манаф хана. Старший из них Аскер бек был объявлен шемахинским ханом[74].

Несколько иначе описывается это событие у А. Бакиханова. Так, он указывает, что «Магомед Гасан хан шекинский по старой вражде стал вооружать против него (Ахмед хана кубинского. — *Дж. М.)* ширванцев и, собрав войско, с Аскер беком, Касим беком, Мустафа беком, возвратившимися из Турции в Карабах, и Манаф беком, сыном Гаджи Магомет Али хана шемахинского, пришел в Ширван»[75]. А. Бакиханов также утверждает, что Мухаммед Гасан хан после изгнания Ахмет хана разделил Шемахинское ханство между сыновьями «саркарского дома» и Манаф беком»[76]. Таким образом, в Новой Шемахе — Ахсу была утверждена власть Манаф бека, а на остальной территории — власть сыновей Агаси хана и Мухаммед Сеид хана[77]. «Спустя неделю, — продолжает А. Бакиханов, — серкерцы овладели городом Аксу и убили слабого и неспособного Манаф хана; старший из них Аскер, сын Магомед Саид хана был провозглашен ханом всего Ширвана»[78].

Как позволяют считать данные архивных документов, в описываемый нами период Мухаммед Гасан хан Шекинский был отнюдь не во вражде, а в дружеских отношениях с Ибрагим ханом карабахским. Известно, что оба хана, будучи явными противниками Кубинского ханства, были заинтересованы в его ослаблении. Об этом пишет и С. Броневский, который отмечал, что при жизни Фатали хана Ибрагим хан карабахский хотел отнять у него Шемахинское ханство и установить власть сыновей шемахинских ханов[79]. Эти факты дают основание полагать, что названные ханы, общими усилиями стремясь разделить Шемахинское ханство между собой и тем самым ускорить процесс его подчинения, преследовали и другие цели.

Как было отмечено, двоевластие в Шемахинском ханстве продолжалось недолго. Объединив все территории Шемахинского ханства под своей властью, Аскер хан стал самостоятельным правителем, что вызвало недовольство Мухаммед-Гасан хана шекинского, который не хотел терять своего влияния на Шемахинское ханство. В связи с этим он решил помириться с Ахмет ханом кубинским и объединенными силами напасть на Шемаху, на что последний охотно согласился[80]. Вскоре союзные войска окружили г. Ахсу[81]. Однако долгая осада не принесла успеха, и союзники вынуждены были отступить[82]. Спустя некоторое время Ахмет хан кубинский через посредничество джангутейского владельца Аджи Ахмета помирился с Аскер ханом[83].

Как свидетельствуют источники, в 90-е годы XVIII в. в Шемахинском ханстве сложилась состоящая из влиятельных феодалов сильная группировка, во главе с Юзбаши беком аузским и Омар султаном саадаринским[84]. Именно при их содействии в Шемахинском ханстве за короткий срок были свергнуты с ханского престола несколько правителей. Так, Аскер хан, правивший всего полтора года, был сменен Касум ханом, также продержавшимся у власти недолго[85]. Это А. Бакиханов объясняет недовольством шемахинской знати его действиями[86]. На Шемахинское ханство стал претендовать Мустафа бек, сын Агаси хана. Чувствуя опасность своего положения, Касум хан призвал на помощь из Дагестана 300 чел. наемного войска во главе с Шахбаз беком, сыном тарковского шамхала.

Несмотря на помощь наемных войск из Дагестана, Касум хану не удалось удержать власть в своих руках. В союзе с Мустафа беком против него выступил и текинский Мухаммед

Гасан хан[88], видимо, все еще претендовавший на Шемахинское ханство и искавший удобного случая для приведения его в зависимое положение. В начале 1792 г. Мустафа бек, собрав трехтысячное войско и получив подмогу от упомянутого шекинского хана — 4000 чел., подошел близко к Шемахе[39]. Заранее подкупленные караульные открыли ворота города и беспрепятственно впустили Мустафа бека в город. Потерпев поражение, Касум хан со своими приближенными бежал в Кубинское ханство[90].

Придя к власти, деятельный и предприимчивый Мустафа хан, чтобы избавиться от претензий шекинского хана, решил в 1793 г. вместе с Сурхай ханом казикумыкским и арешским султаном Шихабеддином с трех сторон напасть на Шекинское ханство. Однако их попытка оказалась тщетной.

Как было сказано, после смерти Фатали хана его сын Ахмет хан был объявлен кубинским ханом. Потеряв Шемахинское ханство, он оказался перед угрозой лишиться и Сальян. Местные феодалы, пользуясь занятостью нового кубинского хана шемахинскими делами, выгнали его наместника — наиба Кубад-султана из Сальян и провозгласили правителем Мухаммеда не то сына[91], не то племянника[92] некогда владевшего Сальянами Ибрагим хана. Однако малолетний сын Фатали хана Шейх Али, который в это время находился в Сальянах, с помощью русских, занимавшихся рыбным промыслом, разбил Мухаммеда и восстановил власть прежнего кубинского наиба Кубад-султана[93].

Преемникам Фатали хана все труднее стало держать в повиновении подвластные им владения. Особенно сильное противоборство оказывало Бакинское ханство. Почти на всем протяжении последнего десятилетия XVIII в. шла упорная борьба с бакинскими ханами, которые под тем или иным предлогом отказывались уплачивать кубинским владетелям дань, установленную еще при Фатали хане за охрану границ ханства от нападений соседей.

Первое разногласие между упомянутыми ханами произошло в начале 1791 г. Идя навстречу одному из бакинских феодалов — Мухаммед Кули аге, который претендовал на ханскую власть, Ахмет хан напал на Баку и хитростью овладел городом[94]. Бакинский Мирза Мухаммед хан был взят в плен и отправлен со своим семейством в Кубу. Однако и новый бакинский правитель Мухаммед-Кули хан, достигнув своей цели, тоже отказался от уплаты дани[95].

В марте 1791 г. Ахмет хан умер, и тринадцатилетний Шейх-Али был объявлен кубинским ханом. По настоятельной просьбе прежнего бакинского Мирза Мухаммед хана и прежде всего из-за стремления привести Бакинское ханство вновь в зависимое положение "Шейх-Али хан прибегнул к оружию. В конце июня того же года, взяв с собой Мирзу Мухаммед хана, Шейх-Али хан подошел к Баку и осадил его. Осажденные оказали упорное сопротивление[96]. Тогда Шейх-Али хан вынужден был обратиться за помощью к генералу В. И. Гудовичу. В отправленном к нему письме кубинский правитель оправдывал свои притязания на Бакинское ханство, называя Мухаммед-Кули хана своим уклонявшимся от повиновения подданным[97]. Забегая вперед, отметим, что осада крепости Баку продолжалась около двух месяцев. Большую помощь осажденным оказали находившиеся в Баку с торговыми операциями русские купцы. Один из русских подданных, астраханский купец Артемий Авшаров сам лично достал бакинскому хану 10 пудов пороху, «склоняя тамошнего хана не мириться с Ших Али ханом»[98]. Кроме того, русские купцы уверяли хана в том, что если он обратится к В. И. Гудовичу, то сможет получить военное подкрепление. По предложению купцов, Мухаммед-Кули хан отправил письмо к В. И. Гудовичу. Однако русские военнослужащие были недовольны поступком своих купцов. Несмотря на неоднократное обращение капитан-лейтенанта Мюллера к русским купцам о том, чтобы они не вмешивались «между воюющими сторонами и тем не навлекали всей торговле вреда», русские купцы продолжали оказывать бакинцам помощь[99].

В своем письме к В. И. Гудовичу Мухаммед-Кули хан, называя себя законным правителем Бакинского ханства, просил помощи против Шейх-Али хана[100]. Как было сказано выше, еще раньше В. И. Гудович получил письмо Шейх-Али хана тоже с прошением о помощи, но уже против бакинского хана. В связи с этим он дал распоряжение командиру Каспийской эскадры Шишкину, изучив обстоятельства, «сделать несколько выстрелов по городу Баку»[101]. Спустя 14 дней после этого он, получив письмо Мухаммед-Кули хана, сразу же отменил свое распоряжение, но было уже поздно. По приказу Шишкина капитан-лейтенант Мюллер 25 августа 1791 г. подверг обстрелу город в течение двух часов[102], в результате чего Мухаммед-Кули хан признал себя побежденным, обязавшись делить доходы Бакинского

ханства с Мирза Мухаммед ханом и ежегодно уплачивать дань Шейх-Али хану в размере 24 тыс. р.[103].

В 1792 г. Мухаммед-Кули хан умер, и бакинским ханом по настоянию Шейх-Али хана был объявлен Мирза Мухаммед хан, который вскоре был свергнут с престола своим племянником Гусейн-Кули ханом. Новый хан лишил Мирза Мухаммед хана не только доходов, но и отказался от уплаты дани кубинскому Шейх-Али хану. Развернувшаяся борьба за власть между Шейх-Али ханом и Мирза Мухаммед ханом, с одной стороны, и Гусейн-Кули ханом, с другой, возобновилась и продолжалась в последующие годы[104].

Одновременно Шейх-Али хан вел активную борьбу и с Шемахинским ханством. Касум хан шемахинский, свергнутый Мустафа ханом, пользовался покровительством Шейх-Али хана и просил у него помощи для восстановления своих прав на ханский престол, обещая уплату дани.

Как свидетельствуют источники, Шейх-Али хан готовился к походу в Шемаху очень серьезно. Так, прапорщик Сергей Хастатов, присланный генералом В. И. Гудовичем в Баку для сбора сведений о политической обстановке в бассейне Каспийского моря, в своем рапорте из Баку от 23 февраля 1793 г. доносил, что «дербентский Ших Али хан имеет намерение идти для покорения города Шемахи, для чего и войска все находятся в готовности»[105]. По сообщению же русского чиновника Матвеева, исполнявшего обязанности русского консула в Баку, Шейх-Али хан склонил на свою сторону и некоторых дагестанских феодалов, обещавших выступить с ним в союзе против Шемахинского ханства[106]. Достаточно сказать, что общая численность войск только Шейх-Али хана доходила приблизительно до 16 тыс.[107]. В этом походе[108] активное участие принял и Мухаммед-Гасан хан шекинский[109].

В начале 1795 г. Шейх-Али хан и Мухаммед-Гасан хан с двух сторон напали на Новую Шемаху. Осажденные оказали им упорное сопротивление. В течение 25 дней союзники держали город в осаде, но безуспешно. Тогда они решили перекрытием воды в город вынудить их сдаться. В это время пошел сильный дождь, расстроивший ряды войск союзников и оказавший большую помощь осажденным. Как говорится в источнике, используя такую благоприятную возможность и «быв томимы жаждою», шемахинцы сделали вылазку и напали на лагерь войск Мухаммед-Гасан хана. Внезапная вылазка завершилась успешно. Шемахинцы разбили шекинские войска и взяли 400 чел. в плен. После этого они разбили и войска Шейх-Али хана[110].

П. Бутков пишет, что «следствием сих удач был мир, заключенный союзниками в мае 1795 г.»[111]. Несмотря на одержанную победу, по заключенному договору Мустафа хан должен был платить ежегодно дань Шейх-Али хану в размере 10 тыс. р. Соглашаясь на это условие, Мустафа хан, видимо, знал, что Кубинское ханство еще сильно и поэтому хотел застраховать себя от последующих нападений Шейх-Али хана. Кроме того, Мустафа хан взял на себя обязанность помирить Шейх-Али хана с Гусейн-Кули ханом бакинским. Осенью 1795 г. при его посредничестве кубинский владетель помирился с Гусейн-Кули ханом на условиях разделить доходы Бакинского ханства на три части: одну — бакинскому хану, другую — Мирза Мухаммед-Кули хану, а третью — Шейх-Али хану[112].

С усилением иранской угрозы с юга, со стороны Ага-Мухаммед хана Каджара[113] междоусобная борьба несколько утихла. В это время азербайджанские ханы больше думали о безопасности своих границ, нежели о расширении своей территории путем захвата соседних земель. Однако, несмотря на угрозу извне, в отдельных ханствах, в частности Шекинском, борьба за ханскую власть, начавшаяся еще в середине 80-х годов XVIII в., продолжалась. После прихода к власти Мухаммед-Гасан хан стал преследовать своих братьев Фатали-бека и Селим-бека. Выколов глаза Фатали-беку, он избавился от одного претендента. Что же касается Селим-бека, то он бежал от преследования своего брата в Джары[114], ожидая благоприятного случая для захвата ханской власти.

Известно, что после разорения Тифлиса (1795 г.), грозный завоеватель Ага-Мухаммед хан решил зимовать в Муганской степи. Некоторые азербайджанские ханы, в том числе и Мухаммед Гасан хан шекинский, ради спасения своего ханства от разорения, высказали ему свою покорность и приняли участие со своим войском в походе иранских войск в Шемахинское ханство[115].

Воспользовавшись отсутствием Мухаммед Гасан хана, Селим-бек с помощью джарцев и аварцев занял Шеки. Узнав об этом, Мухаммед Гасан хан, получив от Ага-Мухаммед хана подкрепление, поспешил в свое ханство, однако в сражении около сел. Гейнюк он был разбит

своим братом Селим-беком[116]. После этого Мухаммед Гасан хан вновь обратился за помощью к Ага-Мухаммед хану, но последний был сильно разгневан этим поражением, так как в этой битве погибло очень много иранских войск, выступивших на стороне шекинского правителя. По его приказу иранский полководец Девели Мустафа хан выколол глаза шекинскому хану и отправил его в Тебриз[117].

После этого Селим-хан стал правителем Шеки. Чтобы избавиться от претендентов на ханство, он убил семерых малолетних сыновей своего брата Мухаммед-Гасан хана[118]. Кроме того, чтобы укрепиться на ханском престоле и заручиться поддержкой сильного союзника, он породнился с Ибрагим ханом карабахским. В начале 1796 г., сразу же после ухода войск Ага-Мухаммед хана из Азербайджана, разгорелась борьба за Гянджинское ханство. Как справедливо отмечает О. П. Маркова, «самый больной вопрос внутренних отношений в Закавказье — вопрос о подчинении Гянджи, теперь вновь обострился»[119].

Как известно, гянджинский Джават хан был одним из немногих сторонников Ага-Мухаммед хана в Закавказье, помогавшим во время его похода в Тифлис войском и продовольствием. Этот акт вызвал сильное негодование у соседних владетелей, особенно у Ибрагим хана карабахского и картли-кахетинского царя Ираклия II. «Джават хан... дурным поведением и жестокостью, — писал А. Бакиханов, — вооружил против себя народ и соседствовавших владетелей»[120].

Инициатором наступления на Гянджу выступил Ибрагим хан карабахский. В своем письме к Ираклию II он писал: «Гянджа есть общий наш враг... нужно сему делу нам положить конец»[121]. Воспользовавшись развернувшейся внутри Гянджи борьбой за ханскую власть между появившимися на арене двумя претендентами — Рагим ханом, братом Джават хана и шамшадильским Али Султаном, в феврале 1796 г. трехтысячное грузинское войско под командованием царевичей Александра и Давида осадило Гянджу. Однако вскоре грузинское войско, плохо вооруженное и ощущающее сильную нехватку в продовольствии, разбежалось, и в мае месяце в нем осталось только 100 чел.[122]. В марте к Гяндже подошли объединенные силы Ибрагим хана и Омар хана аварского. С другой стороны, город обложили войска джарцев и Рагим хана[123]. Общее число войск, осадивших Гянджу, доходило приблизительно до 15 тыс.[124].

Несмотря на превосходство сил, союзникам не удалось взять город штурмом. Гянджинская крепость была хорошо укреплена, и они вынуждены были перейти к длительной осаде, продолжавшейся около четырех месяцев[125]. За это время союзные войска ограбили селения Гянджинского ханства, переселили четыре деревни из окрестностей Гянджи в Шамшадиль, угнали большое количество скота. По свидетельству русского офицера майора Вердеревского, в городе свирепствовал сильный голод, в результате чего умерло 5000 чел.[126].

Однако ни сильный голод, ни превосходство сил противника не мешали гянджинцам стойко обороняться. Только пронесшийся слух о том, что царь Ираклий с семитысячным войском выступает в поход на Гянджу, вынудил Джават хана начать переговоры с Ибрагим ханом. В результате этих переговоров он обязался платить карабахскому хану 10 тыс. р. в год и отдать в залог сестру и сына. Кроме того, Джават хан раздал воинам Омар хана аварского по 40 р. каждому, вернул Ираклию II 400 пленных грузин и взял обязательство выплачивать ему ежегодно по 15 тыс. р. дани[127]. Таким образом, Джават хану удалось сохранить власть в Гянджинском ханстве дорогой ценой.

К концу XVIII в. международное положение осложнилось, но в Азербайджане все еще продолжались междоусобицы. В это время среди азербайджанских ханств выделяется своими военными действиями Шемахинское ханство, правитель которого Мустафа хан после смерти Ага-Мухаммед шаха (1797) развернул активную борьбу за расширение своей территории. Первым делом он привел в зависимое положение Шекинское ханство, использовав при этом отстраненного от власти шекинского Мухаммед Гасан хана. Ослепленный Ага-Мухаммед шахом Мухаммед-Гасан хан после смерти иранского правителя искал ^{3} пути для — восстановления своих прав на Шекинское ханство. Поэтому он обратился за помощью к своему недавнему врагу Мустафа хану шемахинскому, обещая при этом выдать за него замуж свою дочь. Это дало повод Мустафа хану вмешаться в дела Шекинского ханства. Собрав многочисленное войско, шемахинский хан вторгся в пределы Шекинского ханства. Не имея возможности сопротивляться, Селим хан бежал в Карабах к своему родственнику Ибрагим хану[128]. Став вновь шекинским правителем, Мухаммед Гасан хан снова попал в зависимое положение от Мустафа хана[129]. В начале XIX в. отношения Мустафа хана с Мухаммед-Гасан ханом ухудшились, в связи с чем шемахинский хан намеревался заменить его Селим ханом.

Узнав об этом, Мухаммед-Гасан хан покинул Шеки, распустил свои войска и сдался на милость Мустафа хана. В это же время с помощью местных феодалов в Шеки была установлена власть другого брата Мухаммед-Гасан хана — слепого Фатали хана, который правил всего 3 месяца и был смещен Селим ханом[130].

В 1799 г. Мустафа хан завладел Сальянами, которые долгое время находились во владении кубинских ханов[131]. Этому благоприятствовало и недовольство населения политикой Шейх-Али хана кубинского. Так, Шейх-Али хан, прибыв в Сальяны во главе четырехтысячного войска, сильно притеснял местных жителей, которые после его возвращения в Дербент обратились к Мустафа хану. С их помощью шемахинский хан легко завладел Сальянами и назначил туда своего наиба[132].

Одновременно с Сальянами в зависимость от Шемахинского ханства попало и Бакинское ханство[133], где по-прежнему шла острая борьба за ханскую власть. В 1797 г. после долгих переговоров власть вновь была разделена между Гусейн-Кули ханом и Мирза Мухаммед ханом[134]. Раздробленное на две части Бакинское ханство легко попало под влияние Мустафа хана шемахинского. Бакинский Гусейн-Кули хан обязался выплачивать ему ежегодно «товарами и деньгами до ста двадцати тысяч рублей»[135].

На исходе XVIII в. Кубинское ханство переживало трудные дни. Раздираемое внутренними противоречиями оно в результате близорукой политики Шейх-Али хана потеряло свое прежнее могущество. Постоянные войны с соседними правителями отрицательно влияли на экономику и торговлю. Междоусобицы тяжелым бременем ложились на плечи трудового народа. Хан почти не занимался благоустройством своего ханства[136]. Кроме того, население Кубинского ханства страдало от сильного притеснения наемных войск, содержащихся Шейх-Али ханом для отражения нападений Сурхай хана казикумыкского. В Дербенте усилилась сепаратистская тенденция местных феодалов, поддерживаемая некоторыми дагестанскими владетелями. В результате недовольства дербентского населения Шейх-Али ханом в 1799 г. Дербент стал самостоятельным ханством, правителем которого стал младший сын Фатали хана Гасан-ага. Во время пребывания русских войск в Азербайджане в 1796—1797 гг. он был назначен кубинским ханом на место бежавшего Шейх-Али хана. С уходом русских войск Гасан хан скрывался от преследований своего брата в Дагестане и ждал удобного момента для взятия Дербента в свои руки. В мае 1799 г. он с помощью южнодагестанских феодалов был провозглашен дербентским ханом[137].

Собрав сильное войско, Шейх-Али хан двинулся на Дербент. Однако двенадцатидневная осада города не принесла ему успеха[138]. Вскоре после этого он через посредничество дагестанских феодалов вынужден был помириться с Гасан ханом и признать его права на Дербент[139].

Таким образом, на рубеже XVIII—XIX вв. под властью Шейх-Али хана осталось только Кубинское ханство. Однако он не смирился с создавшимся положением и вел непрестанную борьбу за возвращение потерянных земель. В 1802 г. после трехлетнего пребывания у власти в Дербенте умер Гасан хан. Воспользовавшись этим, Шейх-Али хан снова присоединил Дербентское владение к Кубинскому ханству, а Бакинское ханство и Сальяны решил поставить в прежнее зависимое положение. Для покорения или хотя бы ослабления власти Мустафа хана шемахинского кубинскому владетелю понадобилась поддержка извне, так как трудно было рассчитывать на свои собственные силы в покорении Шемахинского ханства. Вскоре на совместное выступление дал согласие Хамбутай казикумыкский[140]. Для осуществления своих целей Шейх-Али хан пригласил в Дербент также претендента на ханскую власть в Шемахе Касум хана, жившего в Дагестане после свержения[141]. Кроме того, Шейх-Али хана поддержала оппозиция против Мустафа хана в самом ханстве. Среди оппозиции имелись и такие крупные феодалы, как Аджи Юзбаши аузский, лишенный Мустафа ханом своих владений. План нападения Шейх-Али хана был прост: объединенными силами напасть на Шемаху, низвергнуть Мустафа хана и провозгласить Касум хана шемахинским правителем, который обещал за это уступить ему Сальяны и восстановить Аджи Юзбаши аузского в прежнем владении. Тогда, думал Шейх-Али хан, нетрудно будет покорить и Бакинское ханство[142].

Военные приготовления Шейх-Али хана вызвали сильное беспокойство у шемахинского хана и вынудили его принять срочные меры. С помощью Алибек-ага, сына бывшего дербентского Магомет-Гусейн хана, он решил отвлечь внимание своего противника и ослабить его силы[143]. Алибек-ага был отправлен в Табасаран с тем, чтобы, связавшись с недовольной Шейх-Али ханом частью феодалов Дербента, перехватить власть в свои руки. Однако

своевременно осведомленный о планах ставленника шемахинского хана, Шейх-Али хан переселил подозреваемые в содействии Алибек-ага 43 семьи из Дербента в Кубу[144], и, таким образом, предотвратил угрожавшую ему опасность.

В описываемый период обострились политические неурядицы между Шемахинским и Карабахским ханствами. Селим хан шекинский, находившийся в Карабахе, все время подстрекал Ибрагим хана к войне против Мустафа хана за его покровительство Магомет-Гасан хану. Кроме того, Ибрагим хан отказался выдать свою дочь за Мустафа хана, некогда обещанную ему, и отправил ее в гарем иранского правителя Фатали шаха. В результате отношения между ними еще более ухудшились.

Таким образом, в начале XIX в. среди северных ханств Азербайджана ясно выделились две враждующие группировки, одна из которых сложилась вокруг Шемахинского ханства и в которую вошли Бакинское и Шекинское ханства. Другую группировку возглавил Ибрагим хан карабахский, к которому, кроме лишенного власти Селим хана шекинского, примыкали иногда Шейх-Али хан кубинский и Мир Мустафа хан талышский.

Как видим, на рубеже XVIII—XIX вв. на территории Северного Азербайджана не было военно-политического единства. Постоянная вражда между отдельными ханствами ослабляла их и создавала благоприятные условия для происков внешних врагов.

Глава II

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ СЕВЕРНЫХ ХАНСТВ АЗЕРБАЙДЖАНА С РОССИЕЙ

История азербайджано-русских торгово-экономических, а также политических отношений во второй половине XVIII в. вплоть до 80-х годов на основе богатых архивных материалов довольно подробно разработана Г. Б. Абдуллаевым в работе «Азербайджан в XVIII веке и взаимоотношения его с Россией». Отношения же, сложившиеся в последующих десятилетиях, имеют исключительно важное значение в истории Азербайджана. Именно на рубеже XVIII—XIX вв. в Азербайджане значительно упрочилась давно наметившаяся русская ориентация. Данная работа ставит своей целью до некоторой степени восполнить существующий пробел.

Рассматривая пути развития азербайджано-русской торговли в изучаемый период, следует обратить внимание сначала на общее положение дел в бассейне Каспийского моря. Начавшееся со второй половины XVIII в. перемещение центра русской торговли по Каспийскому морю из центрального Ирана на север в Азербайджан, в последние десятилетия почти завершилось. Русские консулы и купцы постоянно били тревогу по поводу того состояния глубокого упадка русско-иранской торговли, которое объяснялось рядом экономических и политических причин.

Если во время правления Керим хана Зенда в Ираке, особенно в его центральной части, наблюдались более благоприятные условия для торговли, то после его смерти (1779 г.) условия изменились из-за разгоревшихся с новой силой междоусобиц, так как они обычно сопровождались частыми грабежами и притеснениями русских купцов. Притеснение последних еще более обострилось с приходом к власти Ага-Мухаммед хана. Во время правления этого узурпатора не только в центральных, но и в северных провинциях Ирана русские купцы и консулы не имели даже минимальных условий для своей деятельности, что порой приводило к прекращению всяких торговых операций русских купцов. Французский миссионер Оливье, посетивший |Иран в 1795 г., писал по этому поводу: «Торговые отношения с Россией пресечены войной; все связи с другими европейскими державами, исключая Турцию, разорваны. Теперь для Персии важнейшая земля по торговым связям есть Ост-Индия»[1]. Прибыв в порт Энзели, русские купцы из-за грабежей и чрезвычайных пошлин не могли проникнуть в центральные провинции Ирана[2]. Даже в самом Энзели не было благоприятных условий для развития русской торговли и деятельности русских консулов. В результате в начале 90-х годов русские консулы переехали в Азербайджан, а большинство «капиталистых» купцов покинуло иранские пределы. В статье В. Зубова «Общее обозрение торговли с Азией» говорится, что «беспрерывные, так сказать, грабежи в сих областях принудили знатнейших купцов с их капиталами удалиться в Индию, Турцию и в другие безопасные места»[3].

Другим важным фактором, обусловившим перемещение центра русской торговли из Ирана в Закавказье, являлась сильная конкуренция европейских товаров в указанном регионе. Английская и голландская Ост-Индская торговая компания снабжала Иран в изобилии мануфактурными изделиями и успешно конкурировала с русским торговым капиталом. Как видно из данных источника, «англичане, голландцы и французы от давних уже времен весьма важный торг на персидском морском заливе через Ормус и Гамрон в Персию с великою прибылью производят»[4]. Еще при Керим хане Зенде англичане имели свои торговые фактории в Ширазе и Бендер-Бушире. Кроме того, европейские товары поступали на иранский рынок через Эрзерум, Эривань и Тебриз[5]. В этой торговле наряду с англичанами активно участвовали также купцы из Ирана и Турции, являвшиеся в большинстве случаев агентами Ост-Индской компании[6].

Привозимые купцами Ост-Индской компании товары из Европы были разнообразны. Русский консул Скиличи в конце 80-х годов XVIII в. сообщал, что как «багдадские купцы, так и сами персияне привозят всякие товары, состоящие в разных европейских сукнах... шелковых материях, бархате, английских и французских часах, кошенильном семени, ароматных специях И железных вещах и мелочных товарах»[7]. Русские товары не выдерживали никакого сравнения с высоким качеством дешевых европейских изделий, в результате чего экономические позиции

русских купцов в Иране сильно ослабели. В конце XVIII в. русско-иранские торговые отношения в сравнении с закавказскими являлись ничтожными.

В отличие от Ирана, в Закавказье, особенно в Азербайджане, наблюдались более благоприятные условия для развития торговли. Выгодные морские порты и караванные пути тесно связывали Россию с Азербайджаном, большинство азербайджанских ханств имели дружественные отношения с Россией. Помимо этого, монополизируя иранский шелковый рынок, Ост-Индская компания потеряла свой интерес к азербайджанскому шелку, что, естественно, укрепило экономические позиции России в этом регионе.

Сложившаяся на юге Каспийского моря политическая и экономическая ситуация, усиление «каджарской опасности» помешали не только развитию русско-иранских торговых отношений, но привели также к сильному ослаблению экономических связей азербайджанских ханств с Ираном. Сравнивая вывоз Бакинского порта в Астрахань и Энзели, можно наглядно проследить наибольшую стабильность торговых связей Азербайджана с Россией, нежели с Ираном. В 1793 г. из Баку в Астрахань было вывезено товаров на 255 тыс. р., а в Энзели всего на 32 тыс. р.[8]. Можно привести еще один пример из официальных ведомостей Астраханской таможни, доказывающий возрастающую роль Азербайджана в торговле с Россией в бассейне Каспийского моря: в 1791 г. товарооборот Астраханского порта с Ираном составил 246 100 р. 80 к., а с азербайджанскими городами — 458973 р. 90 к.[9], т. е. почти в два раза больше.

Ослабление русско-иранских торговых связей, и напротив, оживление русско-азербайджанского торгового диалога, подтверждает и тот факт, что в 90-е годы XVIII в. русские консульства находились на территории Азербайджана. Упадок русской торговли в Иране и постоянные войны Ага-Мухаммед хана вынудили консула Скиличи в 1788 г. выехать из Энзели в Астрахань. Для выполнения консульских дел в Иране оставался актуариус Савва Матвеев[10], но и он по тем же причинам в начале 90-х годов покинул пределы Ирана и прибыл в Бакинский порт[11]. В 1793 г. С. Матвеев был заменен новым консулом — Михаилом Скибиневским, местопребыванием которого стал г. Баку. Как выясняется из отчета нового консула, он был принят бакинским Гусейн-Кули ханом доброжелательно. «Хан и бакинские старшины имели к нему отменное уважение и весьма ласково с ним обращались»[12]. Однако по сведениям самого же М. Скибиневского, его требования выполнялись бакинским ханом медленно, «или не в полной мере»

Наконец, местом для жительства консула был избран остров Сары, вблизи Ленкорани, который был занят русскими в середине 1794 г. Консул покинул этот остров только в 1798 г. по просьбе нового иранского правителя Фатали-шаха и переехал в Энзели[13]. Но в 1800 г. консул М. Скибиневский вернулся в Баку.

Остановимся теперь на рассмотрении основных торговых путей и торговых центров, которые имели важное значение в русско-азербайджанских торговых отношениях.

В экономических связях России со странами Востока, в том числе и Азербайджаном, огромная роль принадлежала Астрахани. Географическое положение этого города было очень выгодно, так как, находясь в устье р. Волги, город имел сообщение с центром России и Нижегородской ярмаркой. С другой стороны, Астрахань являлась важным связующим звеном между Россией и восточными странами[14]. Сюда приезжали со своими товарами купцы из Бухары, Хивы, Ирана и далекой Индии, из Дагестана и Закавказских стран.

Во второй половине XVIII в. Астрахань превратилась в важный торгово-экономический центр. По словам современника, здесь находились 175 разных мануфактурных предприятий и два банка, ссудный банк, -учрежденный в 1764 г., и торговый банк армян, учрежденный в 1769 г.[15] В городе имелись три гостиных двора, где шла оживленная торговля между иностранными и местными купцами. Купцы из Азербайджана обычно останавливались в Гилянском гостином дворе. В архивных документах часто встречаются имена азербайджанских купцов, живших и торговавших в Астрахани. Для наглядности приведем данные из одного архивного документа, в котором приводятся имена этих купцов: из Гянджи — Мухаммед-Асан; из Дербента —Кебалаи Агарза; из Тебриза — Ага Али-Акпер, Ага Расул, Мешади Абдул-Али; из Шемахи — Ага Абдулла Ага-Асан; из Баку — Мухаммед-Али; Зейналабдин и др.[16]. Один из тебризских купцов, проживавших в Астрахани, Ага-Усейн заявил, что он уже девятый год проживает в Астрахани и торгует разными товарами, присланными ему из разных городов Азербайджана и Ирана[17].

Астрахань находилась на пересечении двух торговых путей. Сухопутная караванная дорога, проходящая через Кизляр, связывала ее с морскими путями и глубинными городами Азербайджана и Ирана. Город Кизляр был основан в 1718 г. на р. Терек[18]. Здесь находилась

пограничная таможня и комендантское управление. Город играл важную роль в транзитной торговле России в основном с Закавказскими странами и Дагестаном. Преимущество сухопутной дороги, проходившей через Кизляр, состояло в том, что она действовала круглый год, тогда как Астраханский порт в зимнее время замерзал.

Кроме горских народов, сбывающих свои товары в Кизляре[19], торговлю по кизлярской дороге активно вели русские, азербайджанские, грузинские, дагестанские купцы. Привозимые товары из России через Кизляр и Дербент развозились в Шемаху, Шеки, Кубу, Гянджу, Карабах, а также в Грузию.

Однако сухопутная дорога имела и свои минусы. Медленное передвижение из-за частой непогоды[20], грабительские набеги разбойников и междоусобные войны препятствовали развитию торговли. К тому же следует добавить, что по сухопутной дороге можно было возить товаров намного меньше, нежели морем. Так, например, в 1797 г. торговый оборот России с Ираном и Закавказьем через Астраханский порт составлял 764937 р. 62 к., тогда как сухопутная торговля через Кизляр не превышала 113350 р.[21].

Видимо, исходя из этого торговля России с восточными странами, в том числе и с Азербайджаном, осуществлялась в основном морским путем. Морская перевозка товаров проводилась крупными партиями и обходилась гораздо дешевле, нежели сухопутная. Торговые корабли из Астрахани в Баку приходили всего за пять дней, в результате чего перевозка товаров за каждый пуд в среднем составляла не больше 60 к[22].

Следует заметить, что в развитии торговли в бассейне Каспийского моря роль торгового флота России была исключительной. Экономически отсталые азербайджанские ханства, во-первых, не были в состоянии Создавать свой торговый флот; во-вторых, по заключенному соглашению, подписанному в 1782 г. начальником Каспийской морской экспедиции графом Войновичем и Фатали ханом кубинским, местные правители не имели права держать в Каспийском море не только суда, но и местные кирджимы и сандалы. В противном случае они могли быть истреблены русскими военными судами. По этой причине к русским берегам по Каспию прибывали только русские корабли.

Как и прежде, в 90-е годы XVIII в. перевозка товаров в Астрахань по Каспийскому морю осуществлялась в основном на русских судах. Сандалами и кирджимами местные купцы все же начали пользоваться, но на них они плавали на короткие расстояния вблизи берега. Нанимая же русские суда на определенный срок, азербайджанские купцы занимались перевозкой товаров по всем портам Каспийского моря. В архивных фондах, а также в донесениях русских консулов имеются многие факты, свидетельствующие об этом. Так, в прошении астраханского купца Григория Исаакова говорится, что дербентский житель Имам-Кули бек взял у него судно на откуп на шесть месяцев[23]. Очевидец свидетельствует, что «купцы бакинские издревле пользовались наймом судов российских для отвоза товаров»[24]. В консульском донесении указывается, что русские судовщики «по прибытии в Баку отдают свои суда на откуп бакинскому хану и другим»[25].

Передача русских судов на откуп оформлялась официальными документами-контрактами. Суда отдавались на откуп на различные сроки, что подтверждают имеющиеся в ГААО оригиналы различных контрактов[26]. Ниже приводим один из характерных контрактов, заключенный 1 декабря 1795 г. между Семеном "Золотаревым и Маркаром Давыдовым на один год. В 1-контракте, в частности, говорится: «Отдал я, Золотарев, на откуп ему Давыдову… мое судно шкоут «Санкт Иоаким» ныне находящимися к мореплаванию морскими припасами, прикащиком и нанятыми мною, Золотаревым, всеми работными людьми сроком на один год с положением на тот откуп... отдать мне, Золотареву, икры мешочной тысячу пудов»[27]. Однако, если на Сальянских рыбных промыслах, куда направлялся Давыдов, «лову рыбы не будет», то он имел право заниматься перевозкой товаров и платить найм деньгами 2250 р.[28]. Далее обе стороны договорились о том, что если отданное на откуп судно «востребуется до годичного термина в казенную какую надобности», тогда Золотарев не получит деньги за найм, а Давыдов не имеет права требовать другое судно. В конце говорится: «Сей контракт в вышеописанной силе одобрил кубинский (житель) Мамед Аджи Мусаев, и во всем быть ответным, в чем и подписуюсь персидским письмом»[29]. Из других документов узнаем, что некий судовладелец Г. Исааков отдал свое судно Имам-Кули беку на откуп на основании контракта на шесть месяцев за 2500 р.[30].

Как указывалось выше, наряду с русскими купеческими судами, в транспортировке товаров участвовали и местные суда. В источниках говорится, что все сельскохозяйственные

продукты из Ленкорани доставлялись в Баку ленкоранскими киржимщиками[31]. Например, консул М. Скибиневский доносил, что «из Баку на киржимах привозят в Сальяны нефть и соль»[32].

Однако царское правительство все еще продолжало ревниво относиться к появлению на Каспийском море других судов. «По существующим трактатам на море Каспийском должен господствовать исключительно флаг Российский»[33]. Искусственное торможение царским правительством расширения судоходства в прикаспийских областях сильно препятствовало развитию торговли. Любопытно отметить, что даже отдельные представители русских властей на Каспийском море вынуждены были констатировать бессмысленность этого запрета. В августе 1791 г. капитан Шишкин в своем рапорте к генералу И. В. Гудовичу писал: «Необходимость заставила все народы, живущие подле воды, иметь по возможности и по обстоятельствам для своих нужд суда; сего естественного права нельзя отнять у наших соседей»[34].

Несмотря на всякие запрещения, местные жители продолжали строить свои суда. В конце XVIII — начале XIX в. на Каспийском море появились три судна местных жителей, «строением и величиной походящие на российские купеческие суда»[35]. Дальнейшее расследование показало, что «эти суда принадлежат энзелийскому жителю Зарб-Алию, талышскому Сеид-Хасану и бакинскому Мелику; на которых перевозят нефть, пшено, дрова и другие товары»[36].

Будущее показало неправомочность введения в 1782 г. русским правительством запрета на плавание местных судов по Каспию. Поэтому 16 апреля 1802 г. царское правительство приняло решение не препятствовать свободному плаванию других судов на Каспии[37]. Принятие такого решения объясняется и тем, что торговый флот России не был в состоянии удовлетворить требования по каботажу. В предписании правительства генералу Кнорингу по этому поводу записано: «...истребление их киржимов. — *Дж. М.)* тогда бы только могло быть для России выгодно, когда бы транспорты сии можно было производить собственными нашими судами»[38].

Безусловно, все эти причины не оправдали слабого развития морской торговли на Каспии. Одним из основных препятствий являлась малочисленность торговых судов, занимавшихся перевозкой товаров по Каспийскому морю. В 80-е годы XVIII в. Россия имела на Каспийском море всего 57 торговых кораблей[39]. Кроме того, кораблекрушение было частым явлением в XVIII В., в результате чего многие суда находились в аварийном состоянии. Имеется много архивных документов, свидетельствующих об этом[40]. Анонимный автор Х1Х в. связывал это с неправильной постройкой судов, их непрочностью, с одной стороны, а также плохой подготовкой мореходов, которые не имели элементарных знаний[41]. А все это вместе взятое оказывало отрицательное влияние на развитие морской торговли и приводило к дороговизне перевозок.

Перейдем теперь к рассмотрению вопроса о значимости городов Азербайджана в торговом диалоге с Россией. Одним из основных торговых центров на севере Азербайджана был г. Дербент. В некоторых источниках торговое значение этого города умаляется. Например, русский консул М. Скибиневский в своем отчете в 1798 г. пишет, что «торги в городе (в Дербенте. — *Дж М.)* незнатны»[42]. Он объясняет это тем, что в дербентской торговле в основном участвовали дагестанские народы, которые, по его определению, «мало продают своих, а еще меньше покупает привозимых товаров»[43].

Однако имеющиеся документы, особенно данные Астраханской и Кизлярской таможен, позволяют не согласиться с этим мнением и утверждать обратное. Более достоверные данные позволяют констатировать, что Дербент в изучаемый период являлся одним из важных торговых центров «не только на Кавказе, но и на Ближнем и Среднем Востоке»[44]. Это подтверждают и высказывания современников. Так, Ф. Симонович, побывавший в Дербенте в 1796 г., пишет, что «хан дербентский годового денежного дохода от пошлин и рахтарных дворов, лавок, фабрик, с привозных товаров и прочего собирающего с города Дербента, получает серебром его деньгами на 20 тыс. и более рублей»[45].

И в торговом отношении Дербент занимал выгодное географическое положение. Караванный путь, проходивший вдоль Каспийского моря, пересекался в Дербенте с морским. В торговле Дербента, кроме азербайджанцев, также активно участвовали дагестанские народы — даргинцы, лакцы, агульцы, лезгины, табасаранцы и пр. В одном из источников, относящимся к началу XIX в., говорится, что дагестанские народы ежегодно «доставляют в Дербент сукно,

известное под именем лезгинского, бурки, овчины, масло, мед, ковры, паласы — всего на 10 тыс. р. серебром»[46].

Как свидетельствуют источники, дербентские купцы торговали как сухопутно с Кизляром, так и по морю с Астраханью[47]. Через Дербент шла торговля с Кубой, Шемахой, Шеки, Баку, а также северными иранскими городами[48]. Азербайджанские, русские, грузинские и армянские купцы, покупая товары в разных районах Азербайджана, привозили их в Дербент, а оттуда отправляли их сухопутно в Кизляр или морем в Астрахань[49]. По данным таможенных ведомств можно определить количество вывозимых товаров через Дербент в Россию, хотя эти данные являются неполными и не могут претендовать на точность из-за широкого распространения контрабандной торговли. Так, в 1791 г. вывоз из Дербента в Россию по морю составлял примерно 27 300 р. 64 к.[50], а сухопутный вывоз равнялся 54789 р. 90 к.[51]. Кроме того, из Дербента товары вывозились и в северные иранские города. В 1793 г. из Дербента было отправлено в Энзели только марены на 30 тыс. р.[52].

Привозимые из России в Дербент товары, как по морю, так и сухопутно, были разнообразны. Русский консул М. Скибиневский, описавший состояние торговли в северо-восточном Азербайджане, перечисляя привозные в Дербент товары, пишет, что «из России в Дербент привозят сукна, краски, кошениль, ароматы, сахар, шелковые и хлопчатобумажные товары, писчую бумагу, мягкую рухлядь, юфть, товары домашнего обихода и пр.»[53]. Общая стоимость этих товаров, привозимых через Астраханский порт в 1791 г., составляла 11 850 р. 73 к.[54].

Как видно из данных таможенных книг, годовые обороты сухопутной торговли Дербента с Россией несколько раз превышали результаты морской торговли. Тем не менее, справедливости ради надо отметить, что дербентский порт из-за мелководья и подводных камней не был удобен для стоянки торговых судов. Погрузка и выгрузка их продолжалась долго и медленно. Именно по этой причине торговые корабли заходили в Дербентский порт реже, и местные купцы предпочитали отправлять свои товары в Астрахань через Баку[55].

В азербайджано-русских отношениях роль Бакинского порта была очень велика. Почти во всех источниках этому порту придается большое значение. «Бакинская гавань, — говорится в одном источнике, — будучи закрыта со всех сторон, доставляет судам довольно безопасное и удобное место»[56]. По данным другого источника, относящегося к началу XIX в., «круглым счетом в год приходит на бакинский рейд из России и Персии около 200 судов и немного более отходит»[57].

По сравнению с другими портами Каспийского моря — Астраханью и Энзели Бакинский порт имел свои преимущества. Так, если Астраханский порт в зимнее время закрывался на полгода, то Бакинский порт в любое время года был пригоден для принятия судов. Из-за подводных камней морские корабли не могли заходить в Астраханский и Энзелийский порты и были вынуждены принимать свои грузы в открытом море. Бакинский порт же был очень выгоден для стоянки морских кораблей. Как указывает современник, в Бакинском порту «корабли могут стоять в 7 саженях глубины»[58].

Баку находился в центре азербайджано-русской и русско-иранской торговли. Об обширной торговле Баку с другими азербайджанскими городами, а также с Ираном П. Бутков писал: «Сюда стекается великое множество торгующих из Мазандарона, Гиляна, с Ленкоранского берега, из Ширвана и Адербиджана. Весь Ширван все произведения свои доставляет в Баку»[59].

В конце XVIII — начале XIX в. роль Бакинского порта в торговле с Россией особенно возросла. Эго было связано с рядом политических, а также экономических факторов. Как было сказано выше, с приходом к власти Ага-Мухаммед хана сфера деятельности русских купцов в Иране резко сократилась. В связи с этим в правящих кругах России появилась мысль о том, чтобы превратить Баку в центр русской торговли с восточными странами. Ярым сторонником этого был В. Зубов, который изложил свою мысль в статье «Общее обозрение торговли с Азией». Сравнивая Баку с другими портами Каспийского моря, он указывает, что «для российской торговли… Баку есть единственное удобное и выгодное место»[60]. Далее он говорит, что если перестроить Бакинский порт «надлежащим образом» и принять меры к личной и имущественной безопасности купцов, тогда, несомненно, Баку станет крупным торговым центром. «Напротив, — говорит автор, — Мазандаранский и Гензелинский (Энзелийский. — *Дж. М.)* порты сами собою уничтожаются, как уже ненужные, и все произведения провинции сих на киржимах станут доставляться в Баку»[61].

Баку являлся не только крупным торговым центром, но и важнейшим транзитным пунктом. «Большая часть отпускных товаров из Астрахани, — пишет С. Броневский, — идет в Баку, оттуда отвозится далее в Ширван, Адербиджан, Гилян и Мазандаран»[62]. В Баку привозили товары не только из России и всех областей Закавказья, но и из Ирана. Как видно из донесений консулов и других современников, в Баку отправляли из Шемахи и Шеки шелк-сырец, шелковые ткани, фрукты, вино, из Тифлиса красный мед и в небольшом количестве серебро; из Энзели и Мазандарана шелковые ткани, занавески, покрывала, шали, ковры, башмаки, рис и фрукты; из Сальян — бязь[63], из Кубы и Ленкорани — пшеницу, ячмень, марену, ковры, суконные шали, стройматериалы, дрова, уголь и пр.[64]. Все эти товары, привозимые в Баку, кроме продуктов и стройматериалов, целиком отправлялись в Астрахань.

Помимо привозимых товаров, Баку торговал и собственными: нефтью, солью и шафраном. Главным потребителем бакинской соли являлось Шемахинское ханство. Нефть и шафран, наряду с Ираном и городами Закавказья, экспортировались в Россию.

Чтобы иметь ясное представление об удельном весе бакинского порта в русской восточной торговле, следует сравнить его торговый оборот с Энзелийским портом, который в то время считался самым крупным в Северном Иране. Правда, приведенные данные официальных ведомостей относятся только лишь к первой половине 90-х годов XVIII в. и нельзя поручиться за полноту и точность; но с помощью этих цифр можно определить общую тенденцию, которая наблюдалась в русской торговле бассейна Каспийского моря в последнем десятилетии XVIII в. Так, если за три года (1789— 1791) торговый оборот Астраханского порта в Баку составлял 1579260 р. 57 к., то за это же время торговля Энзелийского порта с Россией не превышала "М 600 р. 46 к [65], т. е. почти в три раза меньше. Приведенные данные еще раз подтверждают, что Бакинский порт играл важную роль в торговле России с восточными странами.

Мы далеки здесь от намерения умышленно умалить торговое значение Энзелийского порта. Все имеющиеся данные показывают, что Энзели в рассматриваемый период являлся важным торговым центром в Северном Иране. По данным консульских донесений, он был тесно связан с Индией, Средней Азией, Багдадом, Турцией, с внутренними областями Ирана и в некоторой степени с Закавказьем. Торговый оборот города выражался внушительными цифрами. В 1793 г. он доходил до 3 млн. р.[66].

Другим важным торговым центром Азербайджана, имевшим тесные связи с Россией, являлись Сальяны. В конце 60-х годов XVIII в. Сальяны стали местом пребывания русских консулов[67]. Интересные сведения о торговле в 90-е годы в Сальянах приводит майор А. Серебров. Он пишет, что два раза в году — весною и осенью здесь проводится оживленная торговля. Обычно в это время из Сальян отправлялись в Астрахань русские рыболовные суда. Это становилось известно в соседних провинциях, «для того отовсюду привозят множество товаров»[68].

Привозимые в основном из Шемахинского ханства, Гянджи и Муганской степи товары из Сальян отправлялись на киржимах в Баку, а оттуда на русских кораблях в Астрахань. В торговых связях Сальян особое место принадлежало торговле рыбой, икрой и клеем. Известно, что здесь находились богатые рыбные промыслы, которые долгое время отдавались на откуп русским купцам. С 1792 гр. эти промыслы были взяты на откуп отставным майором Ворвацием. Он провел здесь перестройку, увеличил число ватагов, в результате чего производительность рыбных промыслов еще более увеличилась[69]. По данным официальных источников, в 90-е годы XVIII в. перевозкой сальянской рыбы, икры и клея в России занимались не менее шести русских рыболовецких судов[70]. С. Броневский указывает, что «произведения сальянской рыбной ловли» давали доход до 200 тыс. р.[71].

Если не считать торговлю рыбой, то торговый оборот Сальян был бы незначительным. Так, по данным Астраханской портовой таможни торговый оборот Сальян за три года — 1789— 1791 гг. составлял всего 43030 р. 55 к.[72].

На юго-западном побережье Каспийского моря местом стоянки русских судов служил также Ленкоранский порт.. Однако из-за неудобства его берегов большие торговые корабли заходили туда редко, и местные купцы поддерживали торговые связи с Россией в основном через Бакинский порт. Обычно перевозка товаров из Баку в Ленкорань и обратно производилась на киржимах и сандалах. Привозимые на этих судах товары из Ленкорани в Баку погружались на русские корабли и отправлялись в Астрахань. Именно этим и следует объяснить тот факт, что Ленкорань не упоминается в официальных ведомостях Астраханской портовой таможни,

где записывались не только перечень и цена товаров, но и указывалось, откуда были привезены эти товары[73]. Конечно, это обстоятельство в некоторой степени затрудняет изучение состояния торговли Ленкорани с Астраханью, но из сообщений русского консула М. Скибиневского узнаем, что только в 1795 г. из Ленкорани в Астрахань было отправлено на русских военных и торговых кораблях до 4000 пудов риса[74]. Кроме того, из Ленкоранского порта вывозились в Россию шелковые и полушелковые ткани и фрукты. Как явствует из источника, в том же году в Ленкорани было закуплено астраханским купцом всего 20 пудов шелка «добротою равного ряшинскому»[75]. В общем в 1795 г. из Ленкорани в Россию было вывезено товаров на 40 тыс. р.[76].

Следует отметить, что географическая близость Ленкорани к Ирану в некоторой степени влияла на ее торговые связи с Тебризом, Ардебилем, Энзели, Тегераном и Астрабадом, «откуда товары [могли] удобно приходить морским и сухим путем»[77]. Однако нормальному развитию торговли Ленкорани с этими городами помешало нашествие Ага-Мухаммед хана и вызванные этим беспорядки.

Определенная роль в азербайджано-русской торговле принадлежала и острову Сары, что находится в Кызылагачском заливе. Одно время у русских правящих кругов даже появилась мысль о том, чтобы превратить остров Сары в центр русской торговли на Каспии. Как отмечалось выше, в 1794 г. русское консульство, хоть и на короткий срок, было переведено из Баку на остров Сары[78].

Кроме названных портов в русско-азербайджанской торговле важное место занимали и внутренние города Северного Азербайджана. Связываясь между собой караванными путями, они вывозили свои товары в Россию в основном через Дербент, Баку и Сальяны. В 90-е годы XVIII в. в торговле Азербайджана с Россией, а также с Ираном, видное место занимали такие города, как Шемаха, Шеки, Гянджа, Куба, Ордубад, Нахичевань и др. Конечно, из-за малочисленности архивных данных и достаточных фактов невозможно показать конкретную роль этих городов в транзитной торговле, а также в товарообороте с Россией. Однако на основе исторической литературы и косвенных архивных документов можно составить общую картину торговли этих городов в рассматриваемый период.

Находясь на пересечении караванных дорог, Шемаха вела оживленную торговлю с Россией и связывалась с ней двумя путями: через Баку и через Дербент. Начиная от Шемахи караванный путь проходил через Шабран, Дербент и вдоль берега Каспийского моря до Астрахани[79]. В изучаемый период этот путь был менее популярен, так как Шемаха в основном имела связь с Россией через Баку. Современник пишет, что «разные шелковые и бумажные материи, бумагу, сорочинское пшено, марену вывозят караванами на верблюдах, лошадях и быках в г. Баку, оттуда ввозят железо, медь, олово, свинец, пеньку, разные европейские сукна, льняные полотна, сахар и мелкие подобные там европейские товары»[80]. Те товары, которые привозились в Шемаху из Баку, являлись русскими и европейскими и экспортировались из России через Астраханский порт.

В отличие от Шемахи торговые связи Шекинского ханства с Россией осуществлялись в основном сухопутно через Дербент. Это подтверждается свидетельством купцов, которые торговали шекинским шелком. В 1799 г. купец Саркис Авакимов в своем явочном объявлении Кизлярской таможне показал, что в «Нухе и Дчарых (Джары. — *Дж. М.)* астраханские и кизлярские жители... скупили там шелк и разные товары на немалую сумму»[81]. Как выясняется из показаний Авакимова, эти купцы постоянно пользовались сухопутной дорогой через Дербент.

В интенсивных торговых сношениях с Россией находилась и Куба. Этому способствовало и выгодное географическое положение, занимаемое городом: он находился между двумя портами — Дербентом и Баку. В одном из источников говорится, что из Кубинского ханства «шелк, марену, сорочинское пшено, хлопчатую бумагу привозят в Кизляр и через Баку в Астрахань»[82].

На рынках Гянджи, кроме товаров из восточных стран, можно было найти и русские товары: меха, мед, воск, сукна, бархат и пр.[83]. Наряду с Ираном из Ордубада товары вывозились в Москву и на Нижегородскую ярмарку[84].

Из южных ханств Азербайджана в Россию вывозились: шелк-сырец, шерсть, хлопок, ковры, скот, сыр, масло, кожа, фрукты и другие сельскохозяйственные продукты[85]. Однако в официальных ведомостях не встречается названий городов Южного Азербайджана. Видимо,

это объяснялось тем, что они в основном вывозили свои товары в Россию через Энзелийский порт Ирана.

Чтобы показать главную тенденцию азербайджано-русской торговли в последнем десятилетии XVIII в., надо рассмотреть и характер товарооборота.

В конце XVIII в. Азербайджан все еще являлся аграрной страной, и, естественно, основу его производства составляли сельскохозяйственные продукты. Этим определялась и его внешняя торговля. Основными предметами азербайджанского экспорта в Россию как ранее, так и в изучаемый период, являлись шелк-сырец, шелковые ткани, марена, хлопок, хлопчатобумажные изделия, бумажные и шелковые джеджимы, бумажные басма, шкуры овчинные, рис, фрукты, бязь бумажная, ковры, кожа, табак и пр.[86].

В зависимости от местных условий и занятий населения отдельные провинции Азербайджана поставляли производимые только ими товары. Так, в конце XVIII в. Кубинское ханство славилось своей мареной и коврами. В его экспорте в Россию названные товары занимали важное место. Из Бакинского ханства вывозились нефть и шафран; из Талышского — рис и шелк, из Сальян — рыба, икра и клей[87]; из Шекинского и Шемахинского ханства вывозился шелк-сырец[88]. В одном из источников, относящихся к началу XIX в., говорится, что в Шемахинском ханстве, особенно в г. Новая Шемаха, производится «знатный торг шелком»[89]. В торговле шелком активно участвовали русские купцы Как выясняется из письма шекинского Мухаммед-Гасан хана к астраханскому губернатору Сергею Брянчанинову, кизлярские и астраханские купцы являлись постоянными покупателями шекинского шелка[90].

Несмотря на то, что в 90-е годы XVIII в. шелководство так же, как и производство других видов продукции сельского хозяйства, сильно пострадало от разорительных нашествий иранских полчищ и междоусобиц, оно все еще оставалось основным предметом оживленной торговли. Большая часть азербайджанского шелка вывозилась в Россию главным образом через Каспий в Астрахань. В 1790 г. шелк составлял примерно 63% всего экспорта Азербайджана в Россию морским путем[91]. Это было обусловлено бурным развитием шелкоткацкой промышленности в России. В 1800 г. в России действовало 186 шелковых фабрик[92],которые работали за счет привозного сырья из восточных стран.

Критическая обстановка в Северном Иране сильно помешала вывозу шелка в Россию. В связи с этим нужды русских шелковых фабрик в сырье удовлетворялись в основном за счет азербайджанского шелка, что нашло свое отражение в таможенных книгах. Из данных Астраханского таможенного управления явствует, что если за четыре года (1778—1781) из азербайджанских портов в Россию было отправлено 6796 пудов 27 фунтов шелка[93], то уже через несколько лет, только за три года (1789—1791) экспортировался туда же 7171 пуд шелка»![94].

Шелк-сырец вывозился в Россию не только морским путем, но также сухопутно через Кизляр. В 1790— 1792 гг. через Кизляр было вывезено из Шеки и Шемахи 3446 пудов шелка-сырца[95].

Цены на шелк на русских рынках постоянно повышались, хотя, по данным таможенных ведомостей, это установить сравнительно трудно. Так, например, из некоторых данных этих ведомостей, выясняется, что в Астрахани пуд шелка-сырца в рассматриваемый период продавался в среднем по 60 р.[96]. А на самом же деле шелк продавался гораздо дороже. По сведениям акад. П. С. Палласа, в 90-е годы XVIII в. пуд шемахинского шелка, в зависимости от качества, продавался по 135—170 р.[97]. Такое повышение цен на шелк-сырец вызывает сомнение у О. Марковой[98]. Однако архивные документы — сведения самих купцов, выявленные нами из архивных фондов, в некоторой степени подтверждают данные П. С. Палласа. 24 декабря 1799 г. шекинский купец Атанес Захаров признался в Астрахани, что за каждый пуд своего шелка получал 140 р.[99] В 1799 г. шемхалом Тарковским было конфисковано 200 пудов шелка шушинских купцов на сумму 24 тыс. р.[100]. Здесь каждый пуд шелка был подсчитан из расчета по 120 р.

Большим спросом пользовалась у русских текстильных фабрик и азербайджанская марена, которая давала местным купцам огромные прибыли. Путешественник М. Биберштейн писал: «Самый богатый из... купцов, основавшийся в настоящее время в Дербенте, обязан своим богатством единственно торговле мареной»[101]. Количество

вывозимой в Россию через Дербент, Баку и Сальяны марены из года в год увеличивалось. По официальным данным, из Азербайджана в Астрахань было отправлено:

1789 г.	3922 пуда
1790 г.	6463 ---
1791 г.	5000 пудов
1792 г.	7559 ---
1793 г	6996 ---[102]

По сведениям очевидца, в 1794 г. в Астрахань было вывезено 25 тыс. пудов марены[103]. В большинстве случаев она доставлялась в Россию контрабандным путем, минуя таможенные заставы.

Большой спрос на марену в России за короткий срок поднял на нее цену. Если в 1781 г. пуд марены продавался по 3 р.[104], то уже в середине 90-х годов пуд корня этого красительного растения продавался по 12—15 р.[105].

В экспорте Азербайджана немаловажное значение имело так называемое «сорочинское пшено» — рис. По неполным данным официальных ведомостей, только за один 1790 год из Азербайджана в Астрахань было вывезено 8718 пудов риса, а за тот же год из Энзели было вывезено всего 735 пудов 20 фунтов[106].

Об усилении азербайджано-русских торговых отношений в 90-е годы можно судить и по данным торговли хлопчатобумажной пряжей и хлопком. За четыре года (1778—1781) экспорт хлопка и пряжи из азербайджанских портов распределялся следующим образом, из Баку — 3310 пудов 9 фунтов; из Дербента — 270 пудов 20 фунтов; из Сальян — 195 пудов 80 фунтов. За этот период из иранских городов вместе взятых вывезли всего 3067 пудов хлопка[107]. В последующий короткий период в экспорте пряжи и хлопка из Азербайджана и Ирана произошли существенные изменения. В начале 90-х годов экспорт хлопка и пряжи из азербайджанских городов еще более увеличился, а из иранских портов, наоборот, уменьшился. Об этом можно судить по данным таможенных книг Астраханского порта. За три года (1789—1791) было вывезено: из Баку — 4922 пуда 10 фунтов, из Дербента — 284 пуда 20 фунтов, из Сальян — 1241 пуд, тогда как из иранских портов — всего 483 пуда[108].

По данным официальных ведомостей пуд пряжи продавался по 10 р.[109]. Однако в действительности, ввиду большого спроса развивавшейся русской мануфактуры, в России пуд хлопка продавался гораздо дороже. В одном из документов коммерц-коллегии России, относящихся к 1794 г., говорится, что пуд пряденой бумаги никогда дешевле 50 р. не продается[110].

Таким образом, приведенные по внешней торговле данные еще раз подтверждают тот факт, что в конце XVIII в. азербайджано-русские торговые отношения являлись более тесными и стабильными, нежели русско-иранские.

В российском экспорте в Азербайджан ведущее место занимали промышленные товары. Основными предметами русского вывоза в Азербайджан являлись сукна, бархат (разный), краски, кошениль, пряности, сахар, атлас, шелковые и хлопчатобумажные товары, холст, писчая бумага, башмаки, мягкая рухлядь, юфть, сундуки, коробки, глиняная и хрустальная посуда и пр. Кроме этих товаров, в русском экспорте важное место принадлежало и таким ремесленным изделиям, как топоры, молотки, стремена, медные серьги, подсвечники, оловянные перстни, калмыцкие мерлушки[111].

Ходовым товаром в Закавказье, в том числе и в Азербайджане, были ножи, ножницы, швейные иглы, замки. Широкий спрос на эти товары позволял купцам привозить их большими партиями. Например, за три года (1789—1791) из России в Азербайджан было отправлено иголок 5756500 шт., ножниц — 969 дюжин, замков — 17710 шт., ножей — 4723 дюжины[112].

Большим спросом на рынках Азербайджана пользовались также разные сорта полотна. Такие сорта полотняной ткани, как пестрядь и холст привозились в Азербайджан тысячами аршин. В 1790 г. из Астрахани было привезено в Баку — 205 368 аршин, в Дербент — 18330 аршин, в то время, как в Мазендаран — 200 аршин, в Энзели — 12750 аршин разных сортов полотняной ткани[113].

В русском экспорте в Азербайджан важное место занимали железные изделия, сталь, а также олово. Россия имела на Урале богатые железные рудники, что позволяло ей выступать в роли крупного экспортера железа. Однако царское правительство при экспорте железа придерживалось двойственной политики. Если в европейские страны железо вывозилось

свободо и в большом количестве, то в восточные страны экспорт железа официально был запрещен. В то же время царскому правительству не удалось остановить вывоз железа из России в восточные страны, в том цисле и в Азербайджан. Следует отметить, что железо продавалось в Азербайджане по прибыльным ценам. Купцы, покупая его в Астрахани в среднем по 1 р. 30 к. за пуд, продавали в Азербайджане за 2 р. 20 к.[114]. Огромные прибыли, извлекаемые из торговли железом, стимулировали купцов преодолевать все трудности, связанные с запрещением вывоза железа из России в восточные страны. Русское правительство не было в состоянии пресекать тайный вывоз товаров, и запрет на вывоз железа, олова и стали к концу XVIII в. потерял силу. Так, сперва государство, монополизировав торговлю железом, сталью и оловом, стало отправлять их по Каспийскому морю в ограниченном количестве[115], а в дальнейшем право на торговлю железом, оловом и сталью постепенно перешло в руки частных людей, что позволило увеличить вывоз указанных товаров. В 1789 г. железа привозилось: в Баку — 4831 пуд, в Дербент — 990 пудов[116].

Начиная с 1790 г. по просьбе царя Картли-Кахетии Ираклия II русское правительство решило с определенным ограничением увеличить экспорт железа, олова и стали морем в прикаспийские города, чтобы затем перевезти их в Грузию. В указе Сената от 13 августа 1789 г. говорится, что «снисходя на прошение» грузинского царя, разрешается отпустить в указанные года «… по вольною ценою на наличные деньги олово по тысячи пуд на году, стали по пяти сот пуд, и железа двадцати тысяч пуд… безпошлинно в течение четырех лет»[117]. Чтобы регулировать отправку железа из Астрахани, туда был прикомандирован вверенный царя; Ираклия II Степан Хаджиминасов[118].

Открытое разрешение правительством на торговлю железом, оловом и сталью, хотя и в ограниченном виде, привело к сильному злоупотреблению этим. Во время расследования, проведенного в августе 1795 г., выяснилось, что вывоз названных металлов из России в восточные страны в несколько раз превышает установленные нормы. По свидетельству астраханского купца Никиты Калустова, в 1793 г. только за один рейс из Астрахани в Баку было отправлено 22500 пудов железа[119]. В 1795 г. русское правительство официально остановило экспорт названных металлов в Закавказье и Дагестан[120]. В одном из архивных документов, адресованных таможенным заставам, говорится, чтобы «они прописанных металлов никому и ни под каким видом не производили»[121].

Тем не менее, запрет на торговлю вышеназванными металлами был недолгим, так как это могло отразиться на влиянии России в указанном регионе, где чувствовалась острая нужда в русском железе. Железо нужно было и русским купцам, торговавшим в Иране и Закавказье. Чтобы не давать повода к недовольству закавказских правителей и русских купцов, кавказский генерал-губернатор выдвинул предложение о том, что железо нужно выпускать под строгим контролем в ограниченном количестве русским купцам и закавказским владетелям, которые находились в дружественных отношениях с Россией[122]. Видимо, именно это предложение лежало в основе закона 1799 г., который официально разрешил открытый отпуск восточным странам «железо полосное, сортовое, листовое, черное, галичное... товары слесарной и кузнечной работы, всякие инструменты и во всяком отливном мастерстве...» стали и пр.[123], с взиманием установленной пошлины по тарифу 1797 г.

По закону русского правительства не допускалась торговля всеми видами военных снаряжений, а также судостроительными материалами. Запрещалось вывозить из России в восточные страны, в том числе и в Азербайджан, ружья, ружейные стволы, паруса, пушки, бомбы и пр. Из свободного торгового оборота были изъяты порох, свинец, дробь и кремень[124], на которые имелся исключительный спрос в Закавказье. Несмотря, однако, на всякие запреты и преследования, купцам все же удавалось тайно вывозить указанные товары, так как торговля военными припасами, сырьем и снаряжением давала купцам огромную прибыль. В 1792 г. было обнаружено, что из Астрахани тайно вывезено пороха, дроби, олова, железа и кремня 4380 пудов[125].

К числу запрещенных товаров относились также золото, серебро, золотые и серебрянные монеты. Так как в азербайджанских ханствах почти не добывались золото и серебро, цена на них всегда была высокой. Делая отступление от главной темы, следует отметить, что щедро одаренный природными богатствами Азербайджан славился не только нефтью. В недрах страны имелись золото, серебро, медь, сера, свинец, железо, кварцевый камень и другие ценнейшие ископаемые, обусловившие возникновение и развитие в городах Азербайджана ремесел. Богатство страны было известно далеко за ее пределами, однако многие

рудники умышленно не эксплуатировались феодалами. Это происходило не только из-за отсутствия техники. Большой помехой в этом деле была боязнь местных властей грабительских нападений со стороны соседних ханств. Таким образом, богатство страны оставалось в недрах земли. В ЦГАДА по этому поводу имеется любопытный материал очевидца, который пишет, что «при жизни-Фетали хана, отца Ших-Али ханова, им самим открыты золотые, серебряные и свинцовые рудники, но из опасения от соседственных ему дагестанцев почел за полезное закрыть золотые и серебряные и завалил, по-прежнему, не оглашая в народе; свинец же поныне |нам подвластные Ших-али хану, так и прочие соседние народы получают всегда из вышеописанных свинцовых рудников![126]». «Судя по геологическому положению окрестностей города [Тебриза] поблизости должны быть превосходные медные и серебряные рудники, которые открылись, но никогда не разрабатывались как следует»[127].

В начале 90-х годов русский серебрянный рубль продавался в Бакинском ханстве по 1 р. 30 к.[128]. Благородные металлы нужны были как для чеканки собственных монет, так и для производства ювелирных изделий. Сильный спрос на золото и серебро удовлетворялся в основном за счет ввоза из России. В Азербайджане особенно высоко ценились голландские червонцы, которые привозились сюда в большом количестве через Россию. Во второй половине 90-х годов XVIII в. в Астрахани у поверенного шекинского Мухаммед-Гасан хана Хаджи Салеха было конфисковано «134 червонца российского чекана и... 780 голландских червонцев»[129].

Вывоз валюты из России в Закавказье был невыгоден для Русского государства и, чтобы его прекратить, правительство принимало различные меры, но существенного успеха не добилось. Периодические проверки караванов и морских судов показали, что купцы все еще продолжают вывозить из России монеты. Так, например, проверка одного купеческого судна в 1792 г. обнаружила тайный вывоз из России монет на сумму 36365 р. 60 к.[130].

В связи с походом русских войск в Азербайджан в 1796—1797 гг. было затрачено много драгоценного металла для закупки средств перевозки и продовольствия. Сложившаяся обстановка вынудила царское правительство принять более реальные меры для возвращения ценностей. Чтобы обеспечить возвращение вывозимой валюты из России, было решено взимать пошлину с восточных купцов только золотом и серебром[131]. В утвержденном докладе коммерц-коллегии от 19 мая 1797 г. говорилось: «По причине изобилия между персидскими и другими азиатскими купцами в золоте и серебре, которого они и при строгом наблюдении тайно вывозят за границу весьма знатное количество, собирать с них пошлину на прежнем золотою и серебряною монетою»[132].

В 90-е годы XVIII в., как и раньше, русско-азербайджанская торговля в некоторой степени носила транзитный характер. В ней значительное место занимали товары европейского происхождения. Купцы русские, азербайджанцы, армяне и индийцы часто выступали в роли посредников. Реэкспортные товары из Европы привозились русскими или иностранными купцами в Астрахань, а отсюда восточными купцами доставлялись в Азербайджан.

Товары заграничного происхождения успешно конкурировали с русскими товарами, постепенно вытесняя их с восточных рынков. Ассортимент заграничных товаров, которые привозились в Азербайджан, выгодно отличался от русского: бритвы, писчая бумага, зеркала, имбирь, иголки, ножи, нашатырь, атлас, олово, ртуть, парча, перец, хрустальная и фарфоровая посуда, тафта, янтарь. Отметим, что среди реэкспортных товаров, ввозимых в Азербайджан через Россию, особое место занимали товары немецкого происхождения. В 1789 г. в Азербайджан морским путем через Россию было привезено немецкого сахара и разных сортов краски на сумму 86719 р.[133].

Следует подчеркнуть, что торговля реэкспортными товарами не была выгодна для России, ибо, как видно из таможенных книг, эти товары не облагались пошлинами[134].

Торговля Азербайджана с Россией через Астраханский порт за три года распределялась следующим образом:

	1789 г	**1790 г**	**1791 г**
Привоз	269083 р.52 к.	350453 р.70 к.	288599 р. 70 к.
Вывоз	233409 р. 62 к.	308059 р. 02 к.	173608 р. 86 к.
Всего	502493 р. 14 к.	658512 р. 72 к.	462208 р. 51 к.

Как видно, в указанный период торговый баланс складывался не в пользу Азербайджана, что объяснялось феодальными междоусобицами, которые, в конечном счете, всегда отрицательно влияли на ход внешней торговли. Значительный ущерб экономике наносило беззащитное положение азербайджанских купцов, ибо интересы азербайджанского купечества в целом на внешних рынках никем не защищались, что являлось прямым результатом отсутствия централизованного государства. Отдельные ханы заступались за своих купцов только тогда, когда вопрос касался их прямых интересов[136].

В отличие от своего партнера, Россия, получавшая огромные прибыли от восточной торговли, зорко следила за торговыми операциями своих купцов. По условиям ранее заключенных Рештского (1732) и Гянджинского (1735) договоров русские купцы пользовались правом беспошлинного торга, как в Иране, так и в Азербайджане[137]. Однако после распада государства Надир-шаха обстоятельства в Иране и Азербайджане изменились не в пользу русского купечества. Самостоятельные правители отдельных провинций, в том числе и азербайджанские ханы, не признававшие верховную власть Ирана, стали принуждать русских купцов платить пошлину. А с образованием северо-восточных ханств Азербайджана вновь были созданы благоприятные условия для торговли русских купцов. Так, например, по приказу Фатали хана кубинского на подвластной ему территории русские купцы освобождались от уплаты пошлины[133]. Это было связано с тем, что правительство Фатали хана кубинского, имевшего дружественные отношения с Россией, было заинтересовано в усилении торговых связей.

В свою очередь освобождение русских купцов от уплаты пошлины способствовало усилению русского торгового капитала в Азербайджане. Кстати, такое положение носило односторонний характер, так как азербайджанские купцы не пользовались беспошлинной торговой связью в русских городах, несмотря на старания Фатали-хана противостоять этому. Царское правительство под разными предлогами отказывалось выполнять его просьбу, и пошлинами облагались даже те товары, которые принадлежали лично кубинскому правителю[139].

Во время русско-турецкой войны (1787—1791 гг.) Русское государство в своей таможенно-пошлинной политике было вынуждено пойти на смягчение этого положения, потому что в Дагестан и Азербайджан зачастили турецкие эмиссары, стараясь поднять местные народы на войну против России. Данное обстоятельство не могло не беспокоить царское правительство, и чтобы предотвратить создание союза азербайджанских и дагестанских владельцев с Турцией, оно решило пойти на некоторые уступки этим владельцам в области торговли[140].

В 1788 г. сын Фатали хана Ахмет бек обратился к кавказскому губернатору Петру Текеллию с просьбой «о пропуске через Кизляр... за проданный в Астрахани шелк вырученных тысяч рублев денег»[141]. «В рассуждении преданности сих владельцев ко всероссийскому престолу» губернатор решил удовлетворить его просьбу[142]. В следующем 1789 г. Ахмет хан, уже будучи кубинским ханом, просил у астраханского губернатора освободить принадлежащие ему товары от уплаты пошлины[143]. Просьба кубинского хана в 1790 г. была обсуждена в Государственном совете. В своем докладе в Совет астраханский губернатор предложил удовлетворить эту просьбу «хотя на то время пока кончится продолжающаяся война»[144].

Таким образом, купцы кубинского хана приобрели право на беспошлинную торговлю. Однако уступка пошлины для каждого владельца не должна была превышать 300 р. в год[145]. В принятой резолюции Государственного совета по этому поводу говорится: «Пропустить через Астраханскую и Кизлярскую таможни как в пределы российские, так и за оные, принадлежащие собственно тамошним заграничным владельцам вещи и товары, наблюдая, однакож, чтобы такая уступка пошлины не превосходила в год для каждого владельца трехсот рублей»[146].

При этом необходимо отметить, что достигнутый успех кубинского хана не распространялся на другие ханства Азербайджана и после успешного завершения русско-турецкой войны царское правительство отменило действие этого закона.

Вышеприведенные факты свидетельствуют о неравносильном характере русско-азербайджанской торговли, что являлось результатом гегемонической политики царизма. Одностороннее взимание пошлин вызывало недовольство среди азербайджанских купцов и на основе этого возникали разные конфликты, порою доходящие до вооруженных столкновений. В 90-е годы XVIII в. неприязненное отношение к русским купцам чаще всего наблюдалось в

Бакинском ханстве. Исполняющий обязанности консула актуариус Савва Матвеев в 1793 г. доносил, что бакинский Гусейн-Кули хан, взяв деньги в долг у русских купцов, их больше не возвращает, помимо этого хан под разными предлогами собирал деньги с русских судовладельцев[147]. В другом документе, составленном в том же году, говорится, что подвластные бакинского хана присваивают себе товары с потерпевших крушение русских торговых кораблей и, несмотря на неоднократные требования купцов, их не возвращают[148]. Справедливости ради надо отметить, что все эти документы были составлены русскими чиновниками, которые порой квалифицировали маленькие ссоры как большие конфликты.

Архивные документы свидетельствуют о том, что и азербайджанские купцы терпели злоупотребление и произвол таможенных чиновников в Астрахани. В 1796 г. шемахинские купцы Абдулла Аджи Муталлибов, Бабали Аджи-Багиров и бакинец Раджабали Миралиев заявляли, что чиновники Астраханской таможни |конфисковали их товары, не имея на то никакого основания[149]. В другом документе, относящимся к 1799 г., группа восточных купцов жаловалась на грубое обращение с ними цолнера Шкилева, который, по свидетельству тех же купцов, взимал с них пошлину сверх установленного, обращался с ними очень грубо[150]. После обсуждения жалобы восточных купцов в заседании коммерц-коллегии цолнер Шкилев был освобожден от занимаемой должности, а в предложении Астраханской таможне указывалось, что необходимо прекратить притеснения иностранных купцов, ибо эти притеснения приносят большой вред русской торговле[151].

Наконец, такие обоюдные притеснения купцов привели к вооруженному столкновению, поводом для которого послужил следующий инцидент. В 1798 г. у бакинских берегов потерпел крушение корабль купца Студенцова. Одновременно чиновниками Бакинского ханства был схвачен русский купец Ивохин, ранивший одного из местных надсмотрщиков в Бакинском порту и по этой причине содержавшийся под арестом в течение 20 дней[152]. Начальник русского военного флота на Каспийском море капитан-лейтенант Мочаков представил донесение, что, якобы, корабль Студенцова был разграблен по указу Гусейн-Кули хана. В отношении же Ивохина уверял, что в «продолжении сего времени, повторяя ежедневно побои, хан взял с него 10995 р. персидской монетой»[153]. Однако дальнейшее расследование этих двух факторов показало, что Мочаков сильно исказил факты и искусственно увеличил убытки, понесенные Ивохиным. Кроме того, выяснилось, что корабль Студенцова не подвергался грабежу, он потерпел крушение и был выброшен на берег волнами. Убытки же Ивохина не превышали 3069 р.[154]. Тем не менее, Мочаков прибегнул к оружию. 6 февраля г. Баку был обстрелян с фрегата «Кизляр», после чего Гусейн-Кули хан был вынужден признать себя виновным[155].

Для проведения переговоров с бакинским ханом в Баку был отправлен русский консул в Энзели Михаил Скибиневский. В переговорах, состоявшихся 21 февраля 1800 г., бакинский хан обязался: «строжайше запретить всем ему подвластным хуление православного христианского закона», «дать повеление обращаться с россиянами вежливо и на правилах справедливости». В 90-е годы обычно бакинские старшины или хан во время погрузки товаров на корабли требовали с судовладельцев третью часть провозных денег[156]. Бакинский хан обязался в переговорах отныне «нисколько денег за провоз не брать». Претензии местных жителей к российским купцам должен был решать представитель русского правительства. Заключенные договоры местных купцов с русскими купцами и владельцами кораблей должны были быть утверждены только представителями русских властей. Не утвержденный русским начальником договор считался недействительным. Спорные вопросы местных жителей с русскими купцами можно было решать только на основе «российских законов и объявлять всем его подвластным». За выполнением принятого обязательства должны были наблюдать бакинский хан и русский консул М. Скибиневский[157].

Весною того же года Гусейн-Кули хан отправил своего посла Мирза Гади бека в Петербург, как для прошения покровительства, так и для решения некоторых спорных вопросов в области торговли[158]. Прибыв в Петербург, посол представил русскому правительству письмо бакинского хана, в котором большое место отводилось вопросу урегулирования торговли Бакинского ханства с Россией[159].

К сожалению, нам не удалось выявить из архивных фондов подлинник или копию письма бакинского хана. О содержании этого письма мы можем судить лишь на основе ответного письма, составленного вице-канцлером Куракиным и состоящего из 12 пунктов. Мы остановимся только на тех пунктах письма, которые относятся к торговым отношениям.

Из четвертого пункта ответного письма вице-канцлера Куракина можно, например, сделать вывод о том, что хан сообщал ему о факте избиения купцами русского подданства бакинского купца Раджаб Али Бабаева и изъятия у него денег на сумму 14600 р. В ответ на эти претензии вице-канцлер писал, что это дело исследуется и скоро хан получит ответ

Как свидетельствуют пятый и шестой пункты ответного письма, Гусейн-Кули хан просил, видимо, возвратить его купцам товар и деньги, которые у них конфисковали в Астрахани. Вице-канцлер Куракин объясняет хану отказ русского правительства выполнить просьбу тем, что данные деньги и товары были отобраны у купцов хана как запрещенные для свободного оборота. Деньги же матери хана, также конфискованные в Астрахани, продолжает Куракин, «из уважения к ней» возместились от государственной казны.

Восьмой пункт письма был посвящен вопросу торговых пошлин. Известно, что в XVIII в. пошлинные деньги в каждом ханстве Азербайджана взимались со всех привозимых товаров, независимо от того, будут они продаваться в этом пункте или нет. Вероятно, в ответ на жалобы бакинского хана о том, что русский консул не разрешает сбор этих денег с русских купцов, Куракин писал, что «сбор оный, кои там продаваться имеют всемилостивейше позволен».

Во время обострения отношений бакинского хана с русскими купцами и чиновниками, бакинским купцам запрещалось нанимать русские суда для перевозки своих товаров. Десятая статья письма была посвящена решению этого вопроса, и после жалобы Гусейн-Кули хана царское правительство отменило это запрещение.

В одиннадцатом и двенадцатом пунктах письма указывалось, что некоторые русские купцы, взяв с местных жителей деньги и товары по векселю, более в Баку не возвращаются и не погашают векселя. На эти претензии бакинского хана Куракин ответил, что бакинские жители скоро получат свои деньги и товары от русских купцов.

Как видно из содержания ответного письма русского канцлера, Россия стремилась к нормализации своих торговых отношений с Бакинским ханством, так как Азербайджан был необходим для обеспечения русской промышленности привозным сырьем, а также емким рынком, где русская продукция находила широкий сбыт.

После удачного письменного диалога между Гусейн Кули-ханом и Куракиным, направленного на урегулирование торговли в Бакинском ханстве, Российское правительство решило пойти еще дальше. В этом отношении особое значение имело заключение в 1802 г. Георгиевского договора. В договоре, кроме России, участвовали только владельцы прикаспийских провинций Азербайджана и Дагестана, что не было случайным. С прикаспийскими провинциями Россия имела тесные торговые связи. Кроме того, как об этом говорилось выше, основные сухопутные и морские пути, которые связывали Россию со странами Востока, проходили через прикаспийские провинции. В переговорах от азербайджанских ханств участвовали только представители Кубинского и Талышского ханства. Представители Бакинского ханства, несмотря на приглашение, в заключении договора не приняли участия.

Заключенный договор состоял из 12 пунктов. Пять из них были посвящены урегулированию торговли, содержание которых приводится ниже.

Пятая статья договора предусматривала предотвращение грабежей при кораблекрушении «по берегам Каспийского моря». В случае крушения союзники обязались всеми способами содействовать спасению товаров и людей и без малейшего присвоения «спасенного» предоставлять их русским властям.

Согласно шестой статье владельцы обязаны были известить о случившихся кораблекрушениях русских консулов или военачальников.

Седьмая статья постановила, что хотя владельцы, «выполняющие вышеуказанные условия и имеют право на получение награды, «награды же за сбережение и спасение да будет (на всех сколько бы их ни было) четвертая часть спасенного, буде кораблю судно или товару или грузу или иной какой бы то ни было вещи учинилось несчастье людям или вещам, то шестая часть спасенного: и сию четвертую или шестую часть разделить на четыре доли, две доли отдать тем людям, кои спасли из воды спасенное, одну долю отдать людям, кои сберегли спасенное и одну долю отдать начальнику тому, кто распоряжал спасение и сбережение. Спасение же людей будет безденежно из одного человеколюбия». Следовательно, Россия стремилась создать материальную заинтересованность у правителей и населения прибрежных провинций ради предотвращения грабежей.

Восьмая статья установила величину пошлины, взимаемой с торговых товаров на территории союзников. Правила взимания пошлин определялись для всех одинаково следующим образом: «с таи связки шелку, из шести пудов состоящей, 1 р. 70 коп.; с таи сукна 5 р. 22 к., с бочки семени канцелярского[160], до шести пуд содержащей оного, также 5 р. 22 к., с бочки олова 2 р. 40 к.; с мешка брусковой краски в шесть пуд 5 р.22 к.; с двадцати пуд железа полосного 25 к.; с бумаги писчей 1 р. 5 к.; с таи холста 2 р. 89 к.; с таи юфта 2 р. 40 к.; с мешка чернильных орехов и марены в 8 пуд 20 к.; с сундука с товарами стальными или железными, или чем бы то ни было 1 р. 27 к.; с ящика свеч 60 к.».

В девятой статье речь шла о создании безопасного условия для развития сухопутной торговли. Каждый из союзников должен был заботиться «о безопасности проезда караванов и купцов» через их территорию. За ограбление караванов владетели несли полную ответственность.

По десятой статье союзники приняли обязательство защищать и покровительствовать русским купцам, проезжавшим через их территорию. Россия в свою очередь обещала создать такие же условия на своей территории для купечества союзников[161].

Заключение Георгиевского договора, несомненно, имело большое значение для развития торговых отношений в прикаспийских провинциях.

Таким образом, торговля между северными ханствами Азербайджана и Русским государством по сравнению с предыдущим периодом еще более усилилась. Эта торговля для обеих сторон имела огромное значение, так как она послужила развитию экономики. Кроме того, усиление торговых связей Азербайджана с Россией способствовало сближению азербайджанского народа с русским народом, что в свою очередь приводило к усилению русской ориентации среди народных масс.

Глава III

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ СЕВЕРНЫХ ХАНСТВ АЗЕРБАЙДЖАНА С РОССИЕЙ

В конце XVIII — начале XIX в. государства Западной Европы и Среднего Востока продолжали развивать свою колониальную политику по отношению к Закавказью. Особенно усилились притязания на Азербайджан, расположенный в бассейне Каспийского моря и имевший важное стратегическое, политическое и экономическое значение. Отсутствие централизованного государства на территории Азербайджана, который был разделен на ряд мелких государственных образований — ханств, создавало благоприятные условия для нашествия соседних государств, каковыми были Иран и Турция. В этой напряженной обстановке и царская Россия не прочь была приобрести земли за Кавказом, для чего привлекала на свою сторону феодальных правителей Азербайджана, желая при удобном случае добиться выгодного преимущества в этом крае. Каждая из этих держав стремилась к захвату Азербайджана и установлению здесь своего господства.

Османская империя, переживавшая период глубокого кризиса, пыталась найти .выход из него путем подчинения себе Азербайджана и других районов Закавказья. Эти попытки особенно усилились в годы второй русско-турецкой войны (1787—1791 гг.). Не получив практической помощи от своих западных подстрекателей[1], турецкое правительство через своих эмиссаров старалось побудить азербайджанских и дагестанских правителей к вооруженному выступлению против России. В 1789 г. турецкие эмиссары передали письма султана и великого везиря Турции шекинскому, шемахинскому, карабахскому ханам и дагестанским владетелям, в которых им предлагалось во время нападения турецких войск на Анапу принять участие соединенными силами в походе на Кизляр[2]. Однако азербайджанские ханы и дагестанские правители не вняли этим настоятельным требованиям, и турецкие войска во главе с Батал-паша потерпели поражение под Анапой[3].

Не только в годы русско-турецкой войны, но и после нее Турция продолжала засылать своих агентов в Азербайджан и Дагестан[4]. Однако поведение местных правителей свидетельствовало о том, что они не намерены выступать против России. К середине 90-х годов XVIII в. влияние Турции на Кавказе и Азербайджане сильно ослабло. В дальнейшем привлечение Россией Турции к войне против Французской буржуазной революции[5] временно отвлекло внимание последней от вмешательства во внутренние дела народов данного региона.

В конце XVIII в. особую опасность для Азербайджана представлял Иран. После смерти Керим хана Зенда в Иране развернулась ожесточенная борьба за центральную власть между Зендами и Каджарами, во главе которых стоял Ага-Мухаммед хан Каджар. Энергичный и в то же время жестокий Ага-Мухаммед хан за короткий срок смог подчинить себе северные провинции и фактически стал правителем страны[6]. К концу 80-х годов противниками Ага-Мухаммед хана оставались Джафар хан Зенд, а в дальнейшем его сын Лютф-Али хан. Однако Джафар хан не смог ему долго сопротивляться и в результате заговора был убит[7].

Упорное сопротивление Ага-Мухаммед хану оказал сын Джафар хана Лютф-Али хан. Укрепившись на юге Ирана, в Кирмане, Лютф Али-хан отказался признать власть Каджаров. В конечном итоге в этой борьбе победителем вышел Ага-Мухаммед хан[8].

Ага-Мухаммед хан вел борьбу не только с представителями династии Зендов. Ради установления своей верховной власти в Иране он жестоко расправился и со своими братьями. В источнике говорится, что «сей Ага-Мамет хан, большой брат Муртазы Кули хана, который одному из братьев своих глаза выколол, а другого убил»[9]. Упорное сопротивление оказал ему упомянутый в источнике Муртуза-Кули хан — правитель Решта и Гиляна. В борьбе против своего брата Муртуза-Кули хан опирался на помощь северо-азербайджанских ханов и России. После изгнания из своих владений Муртуза-Кули хан

приехал в Северный Азербайджан и просил помощи у кубинского, шекинского и талышского ханов.

Усиление Ага Мухаммед хана как правителя угрожало и самостоятельности азербайджанских ханств. Их владетели хорошо понимали, что Ага-Мухаммед хан, как и прежние правители Ирана, после уничтожения противников постарается распространить свою власть и на Закавказье. Поэтому они решили оказать помощь Муртуза-Кули хану. В помощь ему было выделено из Кубинского ханства 230, а из Талышского — 660 чел. Кроме того, ему содействовало одно русское военное судно, которое под командованием капитан-лейтенанта Аклечеева находилось в это время у южного побережья Каспийского моря[10]. Получив подкрепление, Муртуза-Кули хан в 1787 г. разбил войска Сулейман хана Каджара и овладел Рештом[11], откуда в 1788 г. был изгнан. Приехав в Шемаху, он вновь обратился к азербайджанским ханам за помощью[12]. В 1790 г. с помощью талышского Мир-Мустафа хана он вторично занял Решт, хотя и на этот раз ненадолго. В 1791 г. 12-тысячное войско Ага-Мухаммед хана заставило его отступить в Талыш. Однако здесь объединенные силы Муртуза-Кули хана и Мир-Мустафа хана талышского разбили войско Ага-Мухаммед хана и вытеснили его из Талыша[13] Тем не менее Муртуза-Кули хан уже не мог возвратиться в Гилян и Решт, а уехал в Астрахань и до конца своей жизни прожил там, надеясь с помощью России вернуть свои владения[14], что ему так и не удалось.

В 1792 г. Ага-Мухаммед хану покорились почти все южноазербайджанские ханы, а в 1794 г. он окончательно расправился с Лютф-Али ханом[15]. Таким образом, к середине 90-х годов XVIII в., уничтожив всех своих соперников, он подчинил себе весь Иран и Южный Азербайджан и стал готовиться к вторжению в Закавказье.

Честолюбивый Ага-Мухаммед хан мечтал восстановить границы прежней Сефевидской державы. Для достижения этой цели необходимо было покорить северо-азербайджанские ханства, а также Грузию. Ага-Мухаммед хан понимал, что закавказские правители добровольно ему не покорятся, так как Грузия, по условиям Георгиевского трактата (1783 г.), находилась под протекторатом России, и большинство азербайджанских ханов старалось последовать ее примеру. В борьбе за Закавказье русское правительство опиралось на местных феодалов, признавая их владетелями, чего не делали иранские правители. Распространение и усиление русской ориентации в Закавказье, особенно в Азербайджане, сильно озлобило Ага-Мухаммед хана.

Противниками усиления русской ориентации являлись не только Иран и Турция. Не в меньшей степени в этом были заинтересованы в укреплении здесь своих позиций Англия и Франция, которые и толкали на войну против России то Турцию, то Иран. В 1794 г. представитель Франции Ферьер-Собвеб даже пытался создать антирусский союз Ирана, Турции и Франции[16]. Однако из-за противоречий между этими государствами попытки Ферьера-Собвеба не увенчались успехом.

Другим претендентом на Закавказье являлась царская Россия, которая проводила здесь более умеренную и довольно разумную политику. Она старалась привлечь на свою сторону закавказских правителей путем переговоров с ними и поощрений. Чаще всего русский царизм скрывал свою колониальную политику под лозунгом защиты закавказских народов от иранской и турецкой агрессии. В определенной мере Россия действительно играла важную роль в освободительной борьбе азербайджанского, грузинского и армянского народов против иранотурецких поработителей.

В первой половине 90-х годов XVIII в. основное внимание русских дипломатов было обращено на борьбу против Французской буржуазной революции и на раздел Польши. В то же время кабинет Екатерины II никогда не упускал из виду и закавказский вопрос, которому он придавал важное значение. Усиление Ага-Мухаммед хана Каджара в Иране и стремление его покорить Закавказье весьма беспокоило правящие круги России. Русское правительство не могло допустить укрепления какого-либо государства в прикаспийских провинциях, ибо это угрожало бы его южным границам, подрывало бы его экономические позиции в указанном регионе.

В начале 90-х годов Россия в своей политике по отношению к Закавказью проявляла «тонкую осторожность». Основная задача русских дипломатов и консулов состояла в том, чтобы «помогая показывающим к России опыта большого усердия, не войти в войну с другими,

почитая лучше пользою не входя в предубеждение и пристрастие личного к тамошним владельцам»[17]. Россия ради обеспечения безопасности своих границ была готова принять в свое подданство прибрежные ханства Азербайджана, которые и сами желали этого[18], не вмешиваясь в их междоусобицы. В инструкции правительства генералу И. В. Гудовичу указывалось, что противники политики России в этом районе должны быть серьезно наказаны и ослаблены, используя чужие руки. К числу таких противников относился Ага-Мухаммед хан, как «не оказывающий никакого знака усердия к России»[19].

На первых порах Ага-Мухаммед хан открыто не проявлял своего враждебного отношения к России. В 1791 г. в рапорте генерала И. В. Гудовича к Екатерине о положении в прикаспийских провинциях говорилось, что Ага-Мухаммед хан «торгующим в Зинзилях (в Энзели. — *Дж. М.).* Вашего Императорского Величества подданным до сих пор никакого не делает притеснения»[20]. Этот рапорт в некоторой степени успокоил русские правящие круги, которые надеялись, что Ага-Мухаммед хан не осмелится напасть на Закавказье, большинство владетелей которого находилось в дружественных отношениях с Россией.

В действительности же положение дел в бассейне Каспийского моря обстояло иначе. Усиление Ага-Мухаммед хана было более реальной угрозой для самостоятельности азербайджанских ханств, постоянно враждующих между собой. Мысль о нападении иранского правителя наводила на них страх и ужас. «Каджарская опасность» заставляла азербайджанских ханов больше думать непосредственно о своей безопасности.

Карабахский Ибрагим хан стал выступать в роли организатора антикаджарской коалиции закавказских владетелей. Вначале он восстановил дружеские отношения с царем Картли-Кахетии Ираклием II. Войска его родственника Умма хана аварского с 1792 г. находились в Карабахе[21]. Антикаджарскую политику карабахского хана поддерживали хойский и урмийский ханы[22]. Как свидетельствует Мирза Джамал Карабаги, «тифлисский валий высокопоставленный Ираклий хан, правитель Эривана Мухаммед хан и правитель Талыша Мир Мустафа хан совместно с Ибрагим ханом поклялись не повиноваться Ага-Мухаммед-шаху, а быть союзниками и помогать друг другу»[23]. Таким образом, упомянутые азербайджанские ханы и Ираклий II пытались создать коалицию против иранской агрессии.

Большинство азербайджанских ханов, как и прежде, являлись сторонниками русской ориентации. В тяжелый для азербайджанского народа период многие феодальные правители, понимавшие политическое значение этой ориентации, обращали свои взоры к России, желая получить помощь и поддержку в борьбе против Ирана и Турции.

Традиционная политика кубинского Фатали хана, направленная на сближение с Россией, продолжалась и его преемниками, особенно Ахмет ханом. За короткий срок своего пребывания на ханском престоле Ахмет хан установил тесные связи с военачальниками русской армии на Северном Кавказе. В своем первом письме, отправленном в июне 1789 г. командующему русскими войсками на Кавказе генералу Тэкэллию, он извещал последнего о своем вступлении на ханский престол и выражал желание иметь с ним «дружественную переписку»[24].

Второе письмо было отправлено Ахмет ханом летом 1790 г. Екатерине II. За прошедший после первого его письма год положение в Кубинском ханстве сильно осложнилось. Как было сказано выше, Шемахинское ханство было отторгнуто от Кубинского, а в Бакинском ханстве и Сальянах увеличились сепаративные силы. Неопытный в управлении государством Ахмет хан в этих условиях особенно нуждался в помощи извне и надеялся получить ее у России. В своем письме Ахмет хан напомнил об услугах России, оказанных его дедом и отцом и просил помощи, считая его «в числе усердных и верных служителей» Российской империи[25]. Чтобы доказать русскому правительству свою верность, кубинский хан переправил Екатерине II письма ахалцихского Сулейман-паши, в которых ему предлагалось принять турецкое покровительство[26]. Письма эти были отправлены в Россию поверенным его отца Фатали хана Мирза Садыхом, который долгое время проживал в Кизляре и приложил много усилий для принятия Кубинского ханства под покровительство России.

В начале 1791 г. главнокомандующим русских войск на Кавказе был назначен генерал И. В. Гудович. После приезда в Георгиевск новый главнокомандующий начал вести оживленную переписку с азербайджанскими феодальными правителями. По данной ему от правительства инструкции И. В. Гудович должен был «обратить их на пользу России». В своем рапорте к императрице И. В. Гудович писал: «Я писал письма к ханам дербентскому и шемхалу тарковскому... что если они пребудут непоколебимы в верности и усердии своем к

величайшему престолу в. и. в., то могут надеяться на милостивое и надежное им покровительство»[22]. Однако Ахмет хану не удалось воспользоваться обещанным покровительством России, так как в марте 1791 г. он умер[29].

С приходом к власти малолетнего Шейх-Али хана обстановка в Кубинском ханстве еще более обострилась. Самостоятельности ханства начали угрожать и дагестанские владельцы. Вышеупомянутый Мирза Садых в своем письме от 3 июня 1791 г. уверял руководителя восточной политики России Г. А. Потемкина в том, что Кубинскому ханству грозит реальная опасность, что в этом он не видит ничего положительного для интересов России[30]. «Самое теперь лучшее время,— продолжал Мирза Садых, — покровительство сему народу и принять его под российское владение»[31]. Что же касается самого Шейх-Али хана, то он в начале своего | правления не проявил особого желания установить дружеские отношения с Россией. Он даже начал преследовать и притеснять Мирза Садыха. Тем не менее, нельзя утверждать, будто Шейх-Али хан был явным противником России и сторонником Ирана или Турции. Это подтверждает и письмо самого кубинского хана к И. В. Гудовичу, в котором объявляется о его готовности при помощи России оказать сопротивление Ага-Мухаммед хану[32].

В мае 1791 г. Шейх-Али хан отправил к генералу И. В. Гудовичу своего посланника Кадыр бека, прося переправить его в Петербург для признания покровительства. Однако приехавший в Георгиевск Кадыр бек заболел и вскоре умер[33]. Хан обещал отправить другого посла, но его намерение отложилось более, чем на два года.

Анализ архивных документов, служащих первоисточниками для исследования отношений Шейх-Али хана с Россией, позволяет констатировать, что эти отношения в большинстве случаев носили неискренний характер и устанавливались только тогда, когда хану угрожала опасность или возникала необходимость в военной поддержке России для приведения в зависимость непокорных ему владетелей. Ради сохранения своей власти кубинский хан в зависимости от обстоятельств лавировал между Ираном и Россией.

К началу 1793 г., укрепившись в основных районах Ирана, Ага-Мухаммед хан начал рассылать закавказским владетелям фирманы о подчинении[34], что побудило Шейх-Ахи хана вновь обратиться к России за покровительством. Для ведения переговоров о покровительстве везир Кубинского ханства Мирза Хасан в марте 1793 г. выехал в Россию[35]. Прибыв в Георгиевск в резиденцию И. В. Гудовича, Мирза Хасан от имени своего хана дал присягу верности России. В рапорте И. В. Гудовича Государственному совету сообщалось, что «присланный от дербентского Шейх-Али хана с полной доверенностью первейший чиновник его Мирза Хасан учинил е. и. в. именем хана своего полную подданническую присягу»[36].

Еще в апреле того же года И. В. Гудович получил повеление от Екатерины II принять под покровительство кубинского хана в случае уверенности его в преданности. Однако И. В. Гудович не спешил выполнять это повеление. Он отправил к Шейх-Али хану одного русского офицера с присяжным листом для личного письменного утверждения хана[37]. Хотя большинство чиновников уговаривало кубинского хана утвердить присягу, он от этого отказался. В знак своей верности Шейх-Али хан целовал коран и еще раз просил отправить его посланника в Петербург[38]. В ответ на это И. В. Гудович писал, что не отправит Мирза Хасана в Петербург, пока хан не подпишет присягу. Но хан настаивал на своём. В рапорте от 28 января 1794 г. И. В. Гудович подробно уведомлял императрицу о таком поведении Шейх-Али хана. В этом рапорте он также особо отметил, что, несмотря на колебания хана, все более растет тяготение местных жителей к России. Он писал: «Как посланный капитан, так и прочие доходящие ко мне известия уверяют, что все подвластные его (Шейх-Али хана. — *Дж. М.)* желают быть подданными вашего императорского величества»[139].

20 февраля 1794 г. рапорт И. В. Гудовича был обсужден в Государственном совете при императрице. В принятом постановлении Совета говорилось, что хотя Шейх-Али хан отказывается письменно утвердить присягу на подданство, можно довольствоваться и тем, что он целовал коран и послал письмо о своей верности России[40].

Правительство разрешило И. В. Гудовичу направить посла Шейх-Али хана в Петербург. В начале апреля И. В. Гудович отрапортовал об отправлении Мир-Хасана с его людьми «к высочайшему двору»[41].

Мирза Хасан прожил в столице России около двух лет, стремясь официально оформить принятие Кубинского ханства под покровительство России. Однако русское правительство откладывало удовлетворение просьбы Шейх-Али хана, в связи с тем, что стали известны отношения хана с Турцией и Ираном. Действительно, после отправления Мирза Хасана в

Петербург Шейх-Али хан направил другого своего посла в Стамбул, чтобы приобрести средства якобы для борьбы против России[42]. В Стамбуле к послу кубинского хана было проявлено весьма холодное отношение, и он с большим трудом вернулся на родину, так и не достигнув своей цели. В мае 1795 г. в Дербенд приехал посол Ага-Мухаммед хана, который был принят Шейх-Али ханом с большим уважением. Через него же было объявлено о покорности иранскому правительству[43]. Все это было известно генералу И. В. Гудовичу, который своевременно уведомлял об этих новостях петербургский двор.

Поддерживая связь с Ага-Мухаммед ханом, Шейх-Али хан в то же время продолжил переговоры с главнокомандующим русских войск. Цель этих переговоров как с Ага-Мухаммед ханом, так и с И. В. Гудовичем была ясна. Шейх-Али хану просто не хотелось терять свою самостоятельность, ради чего он и лавировал между Ираном и Россией. Вероятность нашествия Ага-Мухаммед хана толкнула кубинского хана вновь осенью 1795 г. обратиться к генералу И. В. Гудовичу за финансовой поддержкой для организации обороны. При этом он предупредил И. В. Гудовича, что если через десять дней после получения письма ему не будет дана «требуемая помощь», то он покорится Ага-Мухаммед хану[44]. И. В. Гудович обнадежил его оказанием помощи[45].

Таким образом, из-за неустойчивой политики Шейх-Али хана в первой половине 90-х годов XVIII в. Кубинское ханство не было принято под российское покровительство. В ноябре 1795 г. посол Мирза Хасан выехал из Петербурга и привез сопроводительное письмо графа Остермана к Шейх-Али хану. В письме говорилось, что обращение кубинского хана к России было принято Екатериной II доброжелательно и «без уважения оставлено не будет»[46]. О будущих решениях правительства, продолжал Остерман, хан будет информирован через генерала И. В. Гудовича[47]. Следует отметить, что в письме графа Остермана не было никакого намека на связи Шейх-Али хана с Ираном и Турцией. Видимо, русское правительство не хотело этим намеком оттолкнуть от себя Кубинское ханство.

В истории азербайджано-русских политических отношений особое место занимало Бакинское ханство. В начале 90-х годов взаимоотношения этого ханства с Россией были довольно сложными. Близорукая политика кубинского Шейх-Али хана в определенной степени повлияла на взаимоотношения его с Бакинским ханством и привела даже к вооруженному столкновению между ними. Именно к этому периоду относится первое послание Мухаммед-Кули хана к генералу И. В. Гудовичу, в котором он просил помощи и покровительства против Шейх-Али хана[48]. Несмотря на то, что в результате вмешательства России бакинский хан согласился на подчинение Кубинскому ханству, он все же осенью 1791 г. обратился с письмом к астраханскому губернатору, в котором просил оказать ему помощь для установления связей с царским двором[49]. Это было необходимо Мухаммед-Кули хану особенно потому, что он, во-первых, опасался Шейх-Али хана, и, во-вторых, старался нейтрализовать претензии на Бакинское ханство Мирза Мухаммед хана, который с помощью русских военных судов мог свергнуть его с ханского престола. Следует отметить, что во всех переписках и постановлениях русского правительства, относящихся к Бакинскому ханству, особое внимание уделялось выяснению взаимоотношений между Бакинским и Кубинским ханствами. Русскому правительству было важно выяснить, в действительности ли Бакинское ханство находится в подчинении кубинского Шейх-Али хана или же является самостоятельным.

Более оживленными политические связи Бакинского ханства с Россией стали ко времени правления Гусейн-Кули хана, утвердившегося на ханском престоле в начале 1792 г., хотя эти связи в отдельные периоды сопровождались обострением противоречий и конфликтов. Стараясь во что бы то ни стало избавиться от притязаний Шейх-Али хана, Гусейн-Кули хан вел переписку с астраханским губернатором С. А. Брянчаниновыч, генералом И. В. Гудовичем и через них с царским правительством. Баку часто посещали русские чиновники с поручениями добиться создания нормальных условий деятельности для русских купцов и собрать сведения о политической обстановке в бассейне Каспийского моря. Во всех своих переписках и переговорах с разными официальными лицами Гусейн-Кули хан стремился в первую очередь убедить их в том, что он действительно является самостоятельным владетелем Бакинского ханства. С целью укрепить это мнение он братился к Российскому престолу с прошением о покровительстве. В ответ на это обращение русское правительство через И. В. Гудовича сообщило ему, как и Шейх-Али хану кубинскому и Умма хану аварскому, что при его желании получить русское подданство ему необходимо прислать от себя полномочных для переговоров[50].

В декабре 1792 г. уполномоченный Гусейн-Кули хана Манаф бек в сопровождении двух русских казаков был отправлен в Россию[51]. Однако посол бакинского хана был задержан в Дербенте наибом Хыдыр беком и отправлен в Кубу в распоряжение Шейх-Али хана, который возвратил его обратно в Баку[52]. Шейх-Али хан приказал Манаф беку передать своему хану, что если он и «впредь возымеет намерение в Россию писать или посылать человека, наперед бы у него Шейх-Али хана истребовал повеление, что будет писать подробно бы ему обо всем отнесся!»[53]. Таким образом, Шейх-Али хан внушал бакинскому хану, что тот является подвластным Кубинского ханства и без его разрешения не имеет права на самостоятельную внешнюю политику.

Однако, как явствует из источников, Гусейн-Кули хан не намеревался прислушиваться к угрозам и запретам кубинского хана. Прапорщик Хастатов, отправленный в Баку для сбора сведений об обстановке в бассейне Каспийского моря, в своем рапорте от 23 февраля 1793 г. писал: «Бакинский Гусейн-Кули хан имеет непременное намерение быть подданным Ее императорского величества и желает отправить своего чиновника судном через Астрахань к... Гудовичу»[54]. Как выясняется из письма Гусейн-Кули хана к кавказскому наместнику Т. М. Скаржинскому, посол бакинского хана был отправлен намеченным путем и принят И. В. Гудовичем[55].

23 февраля 1795 г., по инициативе И. В. Гудовича, вопрос о принятии Бакинского ханства под покровительство России был вынесен на обсуждение Государственного совета[56]. В резолюции Совета говорилось, что принятие Бакинского ханства под покровительство России было бы выгодно для интересов государства. Далее отмечалось, что бакинский хан по притязаниям Шейх-Али хана является его вассалом. Учитывая это, Совет не мог прийти к единому выводу и принял неопределенное решение, если бакинский хан в действительности является вассалом Шейх-Али хана, который тоже желает «вступить в подданство е. и. в.», тогда Бакинское ханство следует принимать вместе с ним, а если нет, т. е. бакинский хан является самостоятельным правителем, «то должно их обоих принять порознь»[57].

В марте того же года в Георгиевск прибыло представительство бакинского хана во главе с тем же Манаф беком, который был уполномочен дать присягу от имени своего хана на верность России[58]. В письме, адресованном Екатерине II, Гусейн-Кули хан напомнил о роли Бакинского порта в русской торговле, еще раз просил не отказать ему в принятии ханства под русское покровительство[59].

Наконец, в сентябре 1795 г. последовало долгожданное согласие Екатерины II о принятии Бакинского ханства под русское покровительство отдельно от Кубинского ханства. Новый представитель бакинского хана Магомет-Селим бек присягнул от имени Гусейн-Кули хана и 5 декабря был отправлен в Петербург для утверждения присяги русским правительством[60]. Бакинский хан взял на себя перед Россией следующие обязательства:

1) бакинские ханы и их преемники должны быть утверждены русским правительством;

2) без согласия главнокомандующего русскими войсками на Кавказе хан не имел права войти в связь с соседними правителями, которые не являлись русскими подданными;

3) на территории ханства для деятельности русских купцов должны создаваться нормальные условия;

4) при кораблекрушении русских торговых судов, их не грабить, предоставлять товары в целости русским властям;

5) в бакинском порту должен был находиться русский военный корабль;

6) спорные вопросы в торговле решать вместе с русским консулом;

7) продолжать уплачивать дань кубинскому Шейх-Али хану[61].

Как видно из условий присяги, власть бакинского хана существенно ограничивалась, тогда как Россия прочно укрепляла свои позиции в Бакинском ханстве. Однако эта присяга русским правительством не была утверждена. Видимо, этому помешало приготовление русских войск к подходу в Закавказье, который начался весной 1796 г.

В рассматриваемый период одним из последовательных сторонников России в Азербайджане являлся правитель Талышского ханства Мир-Мустафа хан, чему в преобладающей степени способствовали неоднократные нашествия войск Ага-Мухаммед хана Каджара в пределы Талышского ханства. Каждое из этих нашествий сопровождалось разорением и грабежом ханства. Особенно жестокому разорению подверглись Жители Талышского ханства в 1791 г. во время нападения иранских войск и с моря 50 киржимов. Большинство населения разбежалось и скрывалось в недоступных вражеским солдатам горах.

Мир-Мустафа хан со своим другом Муртуза-Кули ханом удалился в Сальяны. Иранская армия подвергла жестоким преследованиям мирных жителей ханства, не успевших скрыться[62], днако иранским войскам не удалось надолго удержать в своих руках талышские земли. Собрав новые войска, Мир-Мустафа хан напал на них и выгнал их из Талыша[63].

Несмотря на этот успех, Мир-Мустафа хану было ясно, что собственными силами он не сможет долго противостоять нашествиям Ага Мухаммед хана и в борьбе с последним необходимо опереться на помощь одной из внешних держав. Такой державой могла быть Россия[64].

В 1792 г. вместе с другими ханами Азербайджана Мир-Мустафа хан талышский отправил в Георгиевск к генералу И. В. Гудовичу своего посла с прошением направить того в Петербург. Цель посольской миссии состояла в том, чтобы в условиях усиления «каджарской опасности» получить от России помощь и добиться перехода ханства под ее покровительство[65]. В отличие от Шейх-Али хана кубинского Мир-Мустафа хан в своем желании покровительства России был непоколебим, одна из веских причин чего заключалась в том, что самостоятельность ханства находилась под реальной угрозой. Он был явным и непримиримым врагом Ага-Мухаммед хана. Это подтверждает его совместные с Муртуза-Кули ханом выступления против Ага-Мухаммед хана. Современник сообщает, что талышский хан «неоднократно относился Муртузе-Кули хану, если он предпримет какое намерение противу Ага-Магомет-хана, то, как и прежде, вспомоществовать ему войсками на завоевание Гилянской провинции не отречется»[66].

Мир-Мустафа хан поддерживал тесные связи с прапорщиком С. Хастатовым, надеясь через него быстрее добиться осуществления своих планов. Однако русское правительство не торопилось с решением этого вопроса. Принятие под русское покровительство Талышского ханства, как и других ханств Азербайджана, затягивалось. Царское правительство относилось недоверчиво к признаниям верности мусульманскими владетелями и потому не спешило удовлетворить их желание о принятии в Российское подданство.

Между тем приготовления Ага-Мухаммед хана к подходу в Закавказье заставили русское правительство предпринять действенные меры по отношению к азербайджанским ханам. В постановлении Государственного совета от 28 мая 1795 г. И. В. Гудовичу было поручено приверженных к России владетелей «содержать в единомыслии и благонамеренности» для совместного отражения нападения Ага-Мухаммед хана. Там же указывалось, что этого можно достичь с помощью Мир-Мустафа хана, «принятием его в вечное подданство» России[67].

Осенью 1795 г. в Россию одно за другим было отправлено два посольства талышского хана во главе с Заман-беком и Кербалаи Асадулла беком. Последний имел полномочие решать все вопросы от имени своего хана[68]. Однако в связи с предстоящим походом русских войск в Азербайджан переговоры с послами уже не имели смысла и поэтому были приостановлены.

Как отмечалось выше, в 1792 г. южные ханства Азербайджана признали верховную власть Ага-Мухаммед хана и тем самым лишили себя самостоятельной внешней политики.

К середине 90-х годов XVIII в., победив основных своих противников, Ага-Мухаммед хан начал готовиться к походу в Закавказье. Ему были известны переговоры азербайджанских ханов с Россией о покровительстве последней. Претворение в жизнь замыслов азербайджанских ханов было бы большим ударом по планам Ага-Мухаммед хана, касающимся завоевания Закавказья. Встревоженный распространением русской ориентации в Закавказье Ага-Мухаммед хан в 1793 г. отправил в Тебриз Сулейман хана Каджара, задачей которого являлось призвание к повиновению северо-азербайджанских ханств. Однако миссия Сулейман хана в Азербайджан не имела успеха. Большинство азербайджанских ханов не проявило никакого желания вести с ним переговоры. Ибрагим хан карабахский не только не принял предложения посланника иранского правителя, но даже не пожелал признать Ага-Мухаммед хана иранским правителем[69]. Примеру Ибрагим хана последовали Мустафа хан шемахинский и Мир-Мустафа хан талышский[70]. Это еще более восстановило Ага-Мухаммед хана против азербайджанских владетелей.

В 1794 г. иранские войска через Худаферинский мост вступили в Карабах. На помощь карабахцам пришли грузинские вооруженные отряды под предводительством царевича Александра. Войско Ага-Мухаммед хана было разбито в теснинах Карабахских гор и оттеснено за Аракс. Несмотря на эти неудачи, Ага-Мухаммед хан продолжал интенсивно готовиться к вооруженному походу в Закавказье. Тебриз и Ардебиль, были объявлены сборными пунктами иранских войск. Здесь находились склады с продовольствием.

Закавказье оказалось перед реальной угрозой нашествия иранских войск. В этой обстановке большинство закавказских и дагестанских правителей вновь обратились за помощью к России, правительство которой все еще надеялось на лояльность Ага-Мухаммед хана. На запрос генерала И. В. Гудовича от 8 мая 1792 г., как быть, если Ага-Мухаммед-хан вступит в пределы Закавказья, русское правительство отвечало, что такая опасность пока еще не предвидится. В то же время И. В. Гудовичу предписывалось призвать закавказских правителей к совместному выступлению против Ага-Мухаммед хана[71]. Не получил И. В. Гудович определенной инструкции от правительства и на рапорт от 7 мая 1795 г., где указывалось о намерении Ага-Мухаммед хана напасть на Грузию[72].

В июле 1795 г. в Георгиевск к И. В. Гудовичу прибыли два чиновника Ага-Мухаммед хана. Они заявили, что присланы для «освобождения находящегося у Муртуза-Кули хана пленного Аббас хана», близкого человека Ага-Мухаммед хана. Возможно, что это посольство имело и другие цели, а именно: 1) разведать, имеются ли на Кавказской линии русские войска, готовые оказать помощь закавказским владетелям; 2) укрепить в правящих кругах России мнение о том, что Ага-Мухаммед хан не имеет намерения напасть на Закавказье. Правда, у посланников не было полномочий от своего правителя, предоставившего им право на ведение переговоров. А потому И. В. Гудович, не признав посланников официальными представителями Ирана, отказался отправить их в Петербург, о чем доносил Екатерине II[73].

Наконец, 4 сентября 1795 г. русское правительство послало инструкцию генералу И. В. Гудовичу, по которой он и должен был действовать[74]. В ней указывалось на необходимость укрепления царя Ираклия II двумя батальонами пехоты. Большая часть ее была посвящена обеспечению безопасности прикаспийских провинций от нападений Ага-Мухаммед хана. «Взирая равнодушно на положение персидских южных провинций, — писалось в инструкции, — мы не можем не иметь особенного внимания на край Азербайджанский и на области, к морю Каспийскому прилегающие»[75]. И. В. Гудович, по предписанию правительства, должен был склонить Ага-Мухаммед хана отказаться от притязаний на прикаспийские провинции, подкрепляя свои предложения тем, что с этим в свое время согласился и Али-Мурад хан исфаханский[76]. Как видно из инструкции, Россия не желала уступать прикаспийские провинции Азербайджана Ирану. «А как в рассуждении означенных областей приморских и к западу лежащих наши предположения суть непременны»[77].

И. В. Годувичу предписывалось объявить Ага-Мухаммед хану следующее: если он хочет, чтобы Россия признала его шахом Ирана, то ему не следует претендовать «на области к Каспийскому морю прилегающие», называя в их числе Дербентское, Бакинское, Талышское и Карабахское ханства Азербайджана[78]. Одновременно И. В. Гудовичу предлагалось «с крайнею деликатностью внушать, что Ага-Магомет хан всего удобнее может обратиться к стороне Багдада и к другим турецким владениям», при этом он может надеяться на поддержку России[79].

Не получив удовлетворительного ответа на свою просьбу, иранские посланники покинули Георгиевск и прибыли в Кубу, откуда доносили Ага-Мухаммед хану о результатах переговоров с И. В. Гудовичем.

Вышеуказанная инструкция была получена И. В. Гудовичем только, тогда, когда войска Ага-Мухаммед хана после разгрома Тифлиса уже входили в пределы Азербайджана[80]. Как свидетельствует содержание инструкции, Россия имела твердые планы в отношении Закавказья, в том числе и Азербайджана. Инструкция может свидетельствовать и о другом: русское правительство не имело ясного представления об обстановке, сложившейся к этому времени в Закавказье.

Получив точные сведения о том, что Россия не намерена в ближайшее время посылать в Грузию свои войска, Ага-Мухаммед хан не замедлил с вторжением в Закавказье. На исходе июля 1795 г. его войска в количестве около 85 тыс. чел. вторглись в Азербайджан[81]. После неудачной осады Шушинской крепости и разгрома Тифлиса Ага-Мухаммед хан остановился на зимовку в Муганской степи с намерением привести в покорность северные ханства Азербайджана, одновременно отправляя против них карательные отряды[82].

В это время в стране развернулась всеобщая народная борьба против иранских завоевателей, которая была особенно упорной в Карабахском и Шемахинском ханствах, где действовали партизанские отряды. В одном из источников говорится, что «жители сея провинции (Ширвана. — Дж. М.), вооружаясь, имели к ним отряженным корпусом сражения, и, разбив оных, принудили на некоторое расстояние ретироваться»[43].

Особенно большие потери иранцы несли от неустрашимых карабахских вооруженных отрядов под предводительством Ибрагим хана. Они нападали на врага неожиданно, разбивали отдельные отряды, отнимали у них оружие и пленников. В одном неофициальном архивном документе, датированном январем 1796 г., описывается одно из таких сражений, закончившихся полной победой карабахцев. Автор этого документа писал: «Тамошний Ибрагим хан, имеющий при себе довольное число лезгин, к нему присоединившихся, по поводу родства его с их владетелем, на довольное расстояние его преследовал (отряд иранских войск. — *Дж. М.)* и отбил у него до 8000 обоего пола пленных, захваченных войсками Ага-Мухаммед хана в Грузии»[34].

Ага-Мухаммед хан находился в Азербайджане до февраля 1796 г. Вести о продвижении русских войск в Закавказье и волнения в Иране заставили его поспешно покинуть Азербайджан. Вооруженные отряды Карабахского и Шемахинского ханства, преследуя отступающего врага, захватили множество верблюдов, лошадей и мулов[85].

Разгром Ага-Мухаммед ханом Тифлиса и действия его войск в Карабахе и Ширване вызвали тревоги и страх среди некоторых более нерешительных азербайджанских ханов. Вахмистр Абдулла Садыков, присланный И. В. Гудовичем в Дербент для ведения переговоров с Шейх-Али ханом, писал, что «тамошний народ находится в великой опасности по взятии Тифлиса»[86]. Не желая навлечь на себя гнев Ага-Мухаммед хана, кубинский Шейх-Али хан и бакинский Гусейн-Кули хан отметили взятие Тифлиса пушечной пальбой, так как посланник иранского правителя все еще находился в Кубе, ожидая дальнейшего распоряжения своего хана[87].

В то же время нахождение войск Ага-Мухаммед хана в Азербайджане в целом не могло ослабить здесь русскую ориентацию, имевшую широкую популярность в народных массах. Наоборот, зверства и разнузданность захватчиков все больше убеждали население, азербайджанских ханов в том, что их крепким союзником и защитником может быть только Россия. Об этом свидетельствуют и записки полномочного Абдуллы Садыкова, не заставшего в Дербенте Шейх-Али хана и самостоятельно изучавшего настроения местных жителей, просивших, кстати, передать И. В. Гудовичу, «что они весьма желают быть верноподданными России, а к Ага-Мухаммед хану приверженности не имеют»[88].

Вторжение Ага-Мухаммед хана в Закавказье, разгром им Тифлиса вызвали в России большое возмущение. Утверждение иранского владычества в Закавказье было бы серьезным ударом по планам России, так как не только могло бы подорвать ее экономические позиции в Закавказье, ограничить ее политическое влияние, но и создало бы прямую угрозу для безопасности ее южных границ, препятствовало бы развитию торговли России со странами Востока. Таким образом, Россия не могла допустить перехода Закавказья под власть Ирана.

Чтобы предотвратить вторичный разгром Тифлиса и усилить положение Ираклия II, русское правительство решило вначале послать в Грузию один отряд своих войск. По предписанию Екатерины II в конце ноября 1795 г. генерал И. В. Гудович отправил через Дарьяльское ущелье под командованием полковника Сырохнева два батальона пехоты с шестью полевыми орудиями, которые прибыли туда в начале декабря[89].

Активные действия Ага-Мухаммед хана в Ширване, его намерение овладеть Дербентом и Баку и выйти к берегам Каспийского моря заставили Россию отправить в Закавказье и другой отряд под командованием генерала И. Савельева, который состоял из трех батальонов пехоты, одного эскадрона казачьей легионной команды, 300 казаков и 500 калмыков с шестью полевыми орудиями[90]. Конечно, силы небольших отрядов Сырохнева и И. Савельева были явно недостаточными для претворения в жизнь обширных планов России по отношению к Закавказью. Русское правительство спешило наказать Ага-Мухаммед хана за разорение Тифлиса, но больше всего оно стремилось укрепиться в бассейне Каспийского моря и во всем Закавказье. Однако для достижения этой цели требовалось многочисленное, хорошо вооруженное войско. Успешное завершение польской компании и заключение окончательного договора о разделе Польши развязали руки России и дали возможность выделить для похода в Закавказье значительные силы и средства. Екатерина II

приказала генералу И. В. Гудовичу готовиться к этому походу, который должен был начаться весной 1796 г.

К намеченному времени русские войска, предназначенные для участия в походе, начали собираться в Кизляре. Сначала командование армией было поручено А. В. Суворову, но в последний момент он отказался от этого[91]. Тогда главнокомандующим войсками был назначен генерал-поручик В. А. Зубов. Генерал И. В. Гудович, надеявшийся возглавить поход, к его большому сожалению, был оставлен на линии для обеспечения войска продовольствием и военными припасами[92].

19 февраля 1796 г. был издан рескрипт Екатерины II генералу В. А. Зубову, где излагалась основная цель и план действия похода[93]. В нем также указывалось, что основная цель похода состоит в обеспечении безопасности русской торговли по Каспийскому морю, которой очень вредил Ага-Мухаммед хан. «Восстановление спокойствия и порядка в Персии, — говорилось в рескрипте, — откроет нам богатый торг не только при берегах Каспийского моря, но и внутри пределов Персидских областей»[94]. Кроме того, с помощью этого похода Екатерина II мечтала создать условия и для прямой торговли с Индией.

Экспедиционная армия В. А. Зубова состояла не из трех, как это утверждают О. П. Маркова[96] и Х. М. Ибрагимбейли[96], а из двух корпусов: Каспийского и Кавказского[97]. Названные авторы ошибочно считают отдельным корпусом отряд генерала Булгакова, оставленный В. А. Зубовым в Кубинском ханстве для обеспечения безопасности тыла Каспийского корпуса. Между прочим, такие отряды были оставлены в ходе похода также в Дербенте и Баку[98].

Следует подчеркнуть, что в отношении определения численности русских войск, участвовавших в походе, в исторической литературе единой точки зрения не имеется. Так, по сведениям генерала И. В. Гудовича, общая численность русских войск, считая и отряды Сырохнева в Грузии и И. Савельева под Дербентом, доходила до 37 тыс.[99] В работе Н. Дубровина, описавшего поход В. А. Зубова, точное число русских войск не указывается[100]. Советский историк В. Н. Левиатов отмечает, что численность этих войск достигала тыс. чел.[101] Другие советские исследователи О. П. Маркова, Х. М. Ибрагимбейли и Г. А. Галоян, ссылаясь на официальный документ из ЦГВИА СССР, утверждают, что общая численность русских войск, выступивших в поход, достигла 21 тыс. чел[102]. Однако, по нашему мнению, и эту цифру нельзя считать окончательной, так как она относится лишь к первой половине 1796 г. Как свидетельствуют архивные документы, особенно официальные рапорты В. А. Зубова, русское войско, предназначенное для участия в походе, не было отправлено сразу в полном составе, Например, Кавказский корпус прибыл в Шемаху только 7 октября 1796 г.[103]. Несмотря на то, что вышеприведенный документ был составлен 1 ноября 1796 г., в нем указана численность русских войск, выступивших в поход в первой половине года.

Более подробные и достоверные сведения о численности русских войск приводятся в другом архивном документе, составленном в виде официального отчета[104]. На его основании можно указать более точное количество человек в отрядах полковника Сырохнева (1853) и генерала И. Савельева (4178)[105]. По сведениям, приводимым в этой официальной ведомости, в первой половине 1796 г. в походе участвовало 22305 чел., в том числе 12777 чел. пехоты, 9528 чел. конницы[106].

Начиная с июля месяца в Азербайджан прибыло 10734 чел., из которых 7686 составляли пехоту, 3048 конницу[107]. Таким образом, общая численность русских войск, участвовавших в течение всего 1796 г. в этом походе, составляла 33039 чел.[108]

Поход русских войск 1796 г. в Азербайджан нас интересует только с точки зрения отношения к нему населения Азербайджана. Однако выявленные нами некоторые архивные материалы позволяют сделать определенные дополнения по этому вопросу, о которых будет сказано ниже.

Со 2 мая русские войска начали штурм Дербента, русские пушки беспрерывно стреляли по городским стенам, подготавливая проломы в них. Наконец, 8 мая передовая башня была взята штурмом. 10 мая с утра город был обстрелян с двух сторон с северо-запада и с юга, и в этот же день под давлением народных масс ворота города были открыты[109]. После занятия Дербента В. А. Зубов начал допрос чиновников Шейх-Али хана, пытаясь разузнать причины упорного сопротивления города. В ходе произведенных допросов выяснилось, что молодой Шейх-Али хан был окружен сторонниками иранской ориентации, которые напугали хана тем, что Ага-Мухаммед хан готовится к походу на Дербент[110]. Все это оказало влияние на действия

молодого хана. Чтобы не подвергать свои владения разорению Ага-Мухаммед ханом, Шейх-Али хан решил оказать сопротивление русским войскам. Однако в источниках имеется и другая версия, совершенно противоположная тем выводам, к которым пришел В. А. Зубов в ходе произведенных допросов. В. Бакунина в своих воспоминаниях пишет, что «персы (имеются в виду дербентцы. — *Дж. М.)* еще накануне предлагали сдать город на тех же условиях коим отказали в этом: наше начальство желало во что бы то ни стало бомбардировать город и наделать как можно больше шума: мне думается, право, что если бы первый штурм башни не посбил с нас спесь, то мы захотели бы взять Дербент приступом, несмотря на то, что (дербентцы) готовы были сдаться без боя»[111].

Версия В. Бакуниной в определенной степени подтверждается и письмами армянского архиепископа Иосифа Аргутинского, назначенного русским правительством советником В. А. Зубова, который еще в Астрахани встретился с И. Аргутинским и обсудил вопрос о взятии Дербента. Последний посоветовал В. А. Зубову, как он сам об этом пишет, «если даже Дербент сдадут добровольно, то не соглашаться, а взять его силою, и это по двум причинам: 1) доказать [дербентцам] пустоту их самохвальства — что Дербент никем не может быть взят и 2) нагнать страх и на другие города, чтобы знали, что после взятия Дербента они сопротивляться не могут»... и т. д.[112] Другое письмо И. Аргутинского еще более очевидно показывает, что взятие Дербента штурмом было заранее запланированным, независимым от того, добровольно сдадут город или нет. Так, И. Аргутинский 13 мая 1796 г., еще не получив известие о взятии Дербента, в одном из своих писем писал: «Граф Валериан мая 1 выступил противу Дербента, а 10 должен был взять его штурмом: теперь я думаю уже взяли»[113]. Таким образом, если предположить достоверность вышеприведенных фактов, то в данном случае можно констатировать, что взятие Дербента силой оружия не было поводом преднамеренного сопротивления местных жителей, а прежде всего, результатом честолюбия В. *А.* Зубова и двойственной политики Шейх-Али хана. Ограниченный и в то же время высокомерный В. А. Зубов хотел показать себя «великим» полководцем. Недаром самохвальство В. А. Зубова и распространение ложных слухов о его подвигах подверглись в свое время жестокой критике А. В. Суворова[114].

После занятия Дербента, русское войско пребывало здесь около двух недель. 6 июня передовые отряды Каспийского корпуса подошли к Кубе, где местное население приняло русские войска доброжелательно. Кубинский наиб в сопровождении знатных старейшин вручил ключи города В. А. Зубову и просил присоединить ханство к России. 9 июня прошение жителей и городские ключи были отправлены в Петербург[115].

После трудной переправы через р. Самур В. А. Зубов получил известие о приготовлении бакинского Гусейн-Кули хана к обороне города. Поводом для этого послужило обращение вышеупомянутого И. Аргутинского. Дело в том, что И. Аргутинский после приезда в Дербент без позволения командующего обратился с посланием к карабахским меликам, уверяя их в том, что, якобы, русская армия выступила в поход с главным намерением освободить армян от ига мусульман»[116]. Эта весть произвела большое замешательство среди мусульманских владетелей Закавказья. Узнав об этом раньше всех, Гусейн-Кули хан бакинский осведомил других азербайджанских ханов. Однако, по донесению одного из русских военнослужащих с острова Сары, намерение бакинского хана о сопротивлении держалось в строгой тайне. Хан и его приближенные не осмеливались, как об этом писалось в донесении, «сие намерение обнаружить перед своим собственным народом»[117], так как бакинцы были явными сторонниками России»[118]. Это обстоятельство впоследствии и вынудило хана отказаться от своих намерений.

По приглашению В. А. Зубова 13 июня Гусейн-Кули хан прибыл в лагерь русских войск, расположенный около Атачая, где был принят довольно радушно. В тот же день генерал Г. Рахманов с тремя пехотными батальонами и одним полком казаков при четырех орудиях полевой артиллерии был отправлен для занятия Баку. Наконец, 16 июня в Баку прибыл Гусейн Кули хан, и вместе с отрядом Рахманова они вошли в город. Русские войска «были встречены пушечной пальбой и жителями, вышедшими из ворот на форштат с лицом и криком радость изъявляющим»[119]. Гаврила Рахманов в рапорте от 17 июня писал, что город занят «благополучно и без малейшего замешательства»[120].

После занятия Кубинского и Бакинского ханства 19 июня русские войска двинулись в сторону Шемахи. В это время, воспользовавшись ослаблением внимания стражи, неожиданный побег совершил Шейх-Али хан[121], вместо которого в дальнейшем кубинским ханом был назначен Гасан бек, другой сын Фатали хана кубинского.

В начале июля 1796 г. передовые отряды русских войск вступили на территорию Шемахинского ханств,: и расположились в Куртбулакском урочище. Пытаясь обосновать выгодность движения войск через территорию Шемахинского ханства, В. А. Зубов мотивировал это и добрым расположением Мустафа хана. В рапорте от 18 июня 1796 г. В. А. Зубов писал: «Мустафа хан прислал ныне ко мне первого своего чиновника с прошением о вступлении в его земли, буде то для нас выгодно извещая, что нам приготовляется выехать на встречу»[122].

Однако в исторической литературе все еще не получило должного освещения отношение как Мустафа хана шемахимского, Селим хана шекинского, так и Ибрагим хана карабахского к походу русских войск. Выражая интересы царизма, русские дворянские историки подходили к фактам односторонне, порою сознательно обходили историческую действительность. Например, историк Н. Дубровин, осветив недоверие Мустафа хана к русским войскам, почему-то «не заметил» его бескорыстного отношения к отдельным русским военачальникам, в частности, к И. В. Гудовичу, И. Савельеву и, наконец, самому В. А. Зубову[123]. По мнению Н. Дубровина, все правители прикаспийских провинций, в том числе и Мустафа хан в своих отношениях к России были «неискренними» и в любой момент могли бы ей изменить. Он писал: «Хотя Мустафа и пригласил Зубова в свои владения, но делал это не из искреннего расположения»[124].

Исходя из этого, конечно, нельзя утверждать, что отношение Мустафа хана к русским войскам на всех этапах их подхода было недоверчивым. Наоборот, архивные данные свидетельствуют о том, что недоверчивость в отношениях Шемахинского хана появилась только после распространения в Азербайджане демагогического обращения И. Аргутинского. Таким образом, анализ архивных источников позволяет условно разделить отношение Мустафа хана к походу русских войск на два периода. В первом периоде наблюдается приверженность Шемахинского хана русской ориентации, когда он был сторонником прихода в ханство русских войск. Как выясняется из письма хана к генералу И. Савельеву, весть о прибытии русских войск под Дербент поощрила его к активным действиям против Ага-Мухаммед хана. «Через сие выступление войск е. и. в. воспользовался, — писал он, — получа удобнейший случай, победил Ага-Мухаммед хана сердоров[25]. Чтобы доказать свою преданность, хан выражал желание участвовать в осуществлении планов России», «...чтобы и мы б через то душевно были обрадованы»[126]. Главнокомандующий похода В. А. Зубов неоднократно характеризовал Шемахинского хана, как «не колеблющегося в преданности е. и. в ». Из архивных документов явствует, что В. А. Зубов в начале похода видел в Мустафа хане своего надежного союзника для приведения в покорность Шейх-Али хана. Когда русская армия осадила Дербент, В. А. Зубов предложил ему ликвидировать своим войском связь Шейх-Али хана с Бакинским ханством, откуда тот мог получить помощь[127].

Учитывая сведения, выявленные нами в источниках, трудно согласиться с выводом советского историка В. Левиатова о том, что «Мустафа хан шемахинский с большим недоверием относился к главнокомандующему В. А. Зубову[128]. Это не соответствует тем событиям, которые происходили в первой половине 1796 г. В. А. Зубов не только не имел каких-либо подозрений в отношении шемахинского хана, но был далек от мысли отстранить его от управления ханством.

Заметные колебания обнаружились у Мустафа хана во втором периоде, когда он узнал о действиях И. Аргутинского «через подсылки и подущение Бакинского хана»[129]. Однако эти колебания были непродолжительными. Присланный к Мустафа хану подполковник Акличеев смог убедить хана, что распространяемый Гусейн-Кули ханом слух не имеет основания, так как Россия не намерена лишать его власти. Во время той же встречи Мустафа хан и его приближенные присягнули на верноподданство России. Клятвенное обещание шемахинского хана (как в виде подлинника, так и в переводе на русский язык) сохранилось в архивных фондах[130].

7 июля 1796 г. Мустафа хан в сопровождении своих знатных вельмож прибыл в лагерь русских войск. Встреча шемахинского хана с В. А. Зубовым, как выясняется из записок последнего, проходила в дружественной обстановке[131]. Мустафа хан выразил свою благодарность за принятие его под русское покровительство и просил передать Екатерине II свои заверения о верноподданическом отношении к России. После этого Мустафа хан неоднократно бывал в лагере русских войск[132].

Примеру шемахинского хана последовал и шекинский Селим хан. 7 июля было передано В. А. Зубову письмо шекинского хана, где он изъявлял покорность России и просил главнокомандующего прислать к нему одного человека для принятия от него и подвластного ему народа присягу на верноподданство[133]. Просьба хана была удовлетворена. В рапорте от 25 июня 1796 г. В. А. Зубов известил Екатерину II о принятии Селим хана шекинского в русское подданство, отправив при этом в Петербург присяжный лист шекинского хана[134].

Примерно в это же время в лагерь русских войск прибыл с приветствием посланник Ибрагим хана карабахского. Именно после этого события усилилась недоверчивость Мустафа хана шемахинского и Селим хана шекинского к русским войскам. Дело в том, что вышеупомянутое послание армянского архиепископа И. Аргутинского не могло остаться неизвестным Ибрагим хану карабахскому. Усилила беспокойство карабахского хана и угроза Ираклия II. Известно, что осада Гянджи Ибрагим ханом и Ираклием II после первого похода Ага-Мухаммед хана в начале июля для Ираклия II успеха не имела. Раздраженный этим, картли-кахетинский царь, по выражению В. А. Зубова, «упустил несколько слов, означавших якобы православные силы (т. е. русские войска. — *Дж. М.)* обращены в сей пределы единственно на усиление его высочества (Ираклия II. — *Дж. М.)* порабощением ему онаго Ибрагима и иных магометанских владельцев»[135]. Конечно, все это не могло не подействовать на отношения названных владетелей к русским войскам. Они же пытались организовать заговор против русских, который окончился неудачей[136].

Однако названные ханы внешне сохранили спокойствие, и даже Ибрагим хан отправил своего сына Абуль-Фетх хана с многочисленной свитой в лагерь русских войск. Несмотря на то, что В. А. Зубову были известны сомнения Ибрагим хана, он оказал торжественный прием его сыну[137].

Несмотря на внешнее спокойствие названных ханов, русскому главнокомандующему было ясно, что доверие к нему сопредельных правителей уже потеряно. Это было невыгодно для развертывающихся военных действий, так как в ближайшем будущем предполагалось совершить поход в Иран, а недовольство азербайджанских ханов могло бы создавать опасность в тылу русских войск. По этой же причине В. А. Зубов старался во что бы ни стало усмирить и успокоить вышеупомянутых правителей, доказать необоснованность их подозрений. 30 сентября 1796 г. В. А. Зубов отправил письмо Мустафа хану. Как видно из содержания письма, оно было ответным[138]. В письме главнокомандующий благодар шемахинского хана за сведения о намерениях Ага-Мухаммед хана и намекнул на необоснованность его опасений за свою власть. В. А. Зубов писал: «Никто из обитателей здешних не может упрекнуть нас, чтобы мы кого-либо притесняли или бы малейшую обиду кому-нибудь причинили»[139]. Стараясь восстановить прежние дружественные отношения, В. А. Зубов предлагал шемахинскому хану присоединить свои войска к русским и совместно продвигаться против Ага-Мухаммед хана[140].

Однако дальнейший ход событий показал, что Мустафа хан не отреагировал на письмо В. А. Зубова и отклонил его предложение. Тогда В. А. Зубов с целью обеспечения безопасности своего тыла во время предстоящего похода решил отстранить Мустафа хана от управления ханством и заменить его другим, более преданным интересам России человеком. На эту должность еще с начала 90-х годов претендовал Касим хан, двоюродный брат Мустафа хана. Скрываясь от преследований Мустафа хана, он долгое время жил в Шекинском ханстве и ждал удобного момента для вступления на ханский престол. Намерения Касим хана были известны В. А. Зубову, решившему назначить его шемахинским ханом. В конце октября Касим хана пригласили в лагерь русских войск. Здесь он принес присягу на верность России, после чего 2 ноября был объявлен шемахинским ханом[141].

Еще в конце июля В. А. Зубов получил письма от Мир-Мустафа хана талышского и сальянского наиба, где указывалось, что по распространенным слухам Ага-Мухаммед хан готовится к нападению на их территории. Опасаясь нашествия, население Талышского ханства и Сальян собиралось покинуть свои земли. Письма указанных правителей еще раз свидетельствуют о том, что даже слухи о приготовлении иранского властелина к нападению вызывали ужас среди азербайджанского народа. Чтобы предотвратить уход населения и успокоить его, правители указанных ханств просили прислать к ним отряд русских войск[142]. Действуя по инструкции Петербурга, В. А. Зубов приказал контр-адмиралу Федорову высадить небольшой десант на территории Талышского ханства и Сальян, что в дальнейшем было выполнено[143].

В начале октября русские войска покинули лагерь при Куртбулакском урочище и подступили к Новой Шемахе. 7 октября туда прибыли основные силы Кавказского корпуса, а 21

числа того же месяца под командованием генерала Римского-Корсакова были отправлены для занятия Гянджи[144]. 13 декабря 1796 г. Кавказский корпус достиг Гянджи.

Джават хан вышел из города и преподнес городские ключи Римскому-Корсакову. После отправления Кавказского корпуса к Гяндже основные силы русских войск выступили из Новой Шемахи и 21 ноября остановились в районе слияния рек Аракса и Куры. Было решено, что до весны следующего года войска останутся здесь на зимовку. По своему расположению лагерь находился в удобном месте, так как по р. Куре на киржимах нетрудно было доставлять в лагерь продовольствие из Баку и с о. Сары. Кроме того, отсюда легко было поддерживать связь с окрестными владетелями, что имело немалое значение. Таким образом, за короткий срок русская армия заняла почти все прикаспийские провинции Азербайджана. Столь быстрый успех оказался возможным вследствие благожелательного отношения азербайджанского народа к русской армии. Сопротивления русским войскам фактически не было оказано нигде, не считая Дербента. Более того, свидетельствовали сами военачальники, местное гаселение с радостью встречало их и оказывало помощь русским войскам.

Официальные документы говорят о том, что правительство России намеревалось закрепить за собой занятые провинции Азербайджана. Для этой цели было выдвинуто несколько проектов и принят ряд мероприятий. Еще в середине июня 1796 г. была создана новая должность при действующей армии — поверенный в делах России в занятых провинциях, на которую был назначен полковник Коваленский[145]. По данным инструкциям Коваленский должен был выполнять обязанности дипломатического представителя России. Задача его в основном заключалась в установлении связей с местными правителями, в окончательном привлечении их на сторону России[146].

Кроме того, для обеспечения «безопасного между Кизляром и Бакою сообщения» предполагалось построить три специальных пункта в Тарках, Руссей-Булаке и Баку[147]. В составленном проекте особое место отводилось перестройке Бакинского порта. В предписании Екатерины II В. А. Зубову по этому поводу указывалось: «В Бакинском порте магазины и прочее портовое строение устроить без излишества сообразно тамошнему местоположению и климату, по образу жителей»[148]. В целях обслуживания действующей армии и удовлетворения ее первостепенных нужд в продовольствии намечалось построить здесь продовольственные склады и госпиталь. Для выполнения работ были наняты мастера и отпущено 283859 р. После всех перестроек Бакинский порт должен был подчиняться Астраханскому[149]. Приступили к работам по укреплению Бакинского порта и в военном отношении. По решению правительства в Казани для перевозки десанта и припасов начали строительство 12 судов, которые к весне 1797 г. были уже готовы к эксплуатации[150].

6 октября 1796 г. в связи с предстоящим продвижением войск в Иран состоялся военный совет экспедиционной армии под командованием В. А. Зубова. Новые обстоятельства потребовали некоторых изменений в инструкции, данной В. А. Зубову 19 февраля того же года. По поручению В. А. Зубова майор А. Серебров-Джульфинский подготовил примерный план изменений, котрый обсудил в военном совете[151]. Первое изменение заключалось в том, что при осуществлении предполагаемого похода Ираклия II на Эревань выдвигалось необходимым условием участие в нем и русского отряда, что в прежней инструкции строго запрещалось под предлогом опасения вызвать недовольство Турции. По новому плану вместо соединения Кавказского корпуса с Каспийским после занятия Гянджи предусматривалось объединение Кавказского корпуса с азербайджанскими правителями и их совместное продвижение через Карабахское ханство за Аракс[152]. Подвергся изменению и план действия Каспийского корпуса. Продвигаясь вдоль берега Каспийского моря, он должен был занять сначала Энзели, а затем Астрабадский порт. В выполнении этих операций активное участие отводилось Мир-Мустафа хану талышскому и туркменским кочевникам. После занятия Астрабада, по мнению майора А. Сереброва, для продвижения войск на юг уже не могло возникнуть каких-либо серьезных препятствий[153], что должно было создать в будущем благоприятные условия для свободной торговли России с Ираном, Средней Азией и Индией.

План майора А. Сереброва получил одобрение Военного совета, и 8 октября майор А. Верагин отправился в Петербург[154] для его утверждения.

Однако русскому правительству и военному командованию экспедиционной армией не удалось осуществить намеченный план. 6 ноября 1796 г. умерла Екатерина II. Вступивший на престол новый император Павел I (1796—1801) приказал остановить действия русских войск в Закавказье и вернуться на Кавказскую линию. В. А. Зубов был отстранен от командования

войсками, и главнокомандующим русских войск на Кавказской линии снова был назначен генерал В. И. Гудович[155]. Ассигнования на перестройку Бакинского порта были отменены[156]. Построенные для нужд Бакинского порта 12 судов были отданы в распоряжение Астраханского порта[157].

Несмотря на незавершенность Россией военной кампании в Закавказье, она имела огромное значение для Азербайджана. В результате этого похода азербайджанский народ еще раз убедился в преимуществе для себя правления России по сравнению с Ираном и Турцией. Действуя в духе «Манифеста» Екатерины II, русская армия во время похода строго соблюдала личную имущественную безопасность местного населения и тем самым завоевала его симпатии. После этого похода азербайджанский народ имел возможность наглядно сравнить его с походом Ага-Мухаммед хана, сопровождавшегося гибелью жителей и жестоким разорением страны. Все это способствовало увеличению числа приверженцев России, расширению русской ориентации как среди населения, так и среди правителей ханств. Поход, несомненно, оставил добрые воспоминания в памяти азербайджанского народа. Он в значительной степени подготовил и ускорил присоединение Азербайджана к России.

Узнав о возвращении русских войск, Ага-Мухаммед хан, уже объявивший себя иранским шахом, стал готовиться к вторжению в пределы Азербайджана. Он вновь разослал своих гонцов к правителям Закавказья с требованием безусловной покорности. Больше всего он грозил Ибрагим хану карабахскому: если тот хочет остаться в живых, то, оставив на престоле своего сына, должен поехать в Мекку на поклонение[158].

В начале весны 1797 г. передовые отряды иранских войск под командованием Али-Кули хана через Нахичевань напали на Ереванское ханство. Нахичеванскяй Келб-Али хан подвергся жестокой пытке. Ереванское ханство было разорено, его население ограблено и большинство переселено в Иран[159].

Как и в первом походе, основные силы иранских войск под личным командованием Ага-Мухаммед шаха готовились к вторжению в Азербайджан через Карабахское ханство. Этот маршрут был выбран Ага-Мухаммед шахом не случайно. В 1795 г. ему не удалось покорить Шушинскую крепость, и он решил отомстить за это Ибрагим-хану.

Экономическое положение Азербайджана в этот период было нелегким. Во многих ханствах, и особенно в Карабахе, в результате трехлетней засухи и первого нашествия Ага-Мухаммед шаха в 1795 г. свирепствовал сильный голод. В стране господствовала дороговизна. Мирза Джамал Карабаги свидетельствовал о том, что «цены на зерно настолько возросли, что четверть пшеницы по тогдашним ценам с трудом можно было купить за сорок пять рублей»[160]. Большинство жителей Карабахского ханства оставили свои жилища и в поисках хлеба перебрались в другие ханства Азербайджана[161]. В такой сложной обстановке Ибрагим хану карабахскому было трудно организовать оборону Шушинской крепости.

В мае 1797 г. войска Ага-Мухаммед шаха приблизились к Шушинской крепости и с помощью предателей овладели ею[162]. Ибрагим хан покинул Шушу и со своим семейством отправился в Дагестан к своему родственнику Умма хану. Ага-Мухаммед шах послал вслед за ним вооруженный отряд, который настиг его при переправе через р. Куру. Однако отряду не удалось захватить Ибрагим хана[163].

Войска Ага-Мухаммед шаха расположились в окрестностях города. Шах начал жестокую расправу со своими противниками. Тысячи людей были казнены или брошены в тюрьму. В лагерь иранских войск прибыл Джават хан гянджинский. Под стражей был доставлен Гусейн-Кули хан бакинский. Ага-Мухаммед шах угрожал им смертью за то, что они не оказали сопротивления русским войскам. И все же Ага-Мухаммед шаху не удалось долго господствовать в Шуше. В результате заговора, который был организован спустя четыре дня после его вступления в Шушинскую крепость, т. е. 5 июня, он был убит[164]. Иранские войска, оставшись без военачальника, в панике покинули Карабахское ханство и удалились в Иран. Джават хан гянджинский и Гусейн-Кули хан бакинский вернулись в свои владения. Через некоторое время вернулся в свое ханство из Дагестана и Ибрагим хан карабахский.

Таким образом, в 90-е годы XVIII в. попытка иранского шаха завоевать Азербайджан потерпела провал, разрозненные азербайджанские ханства продолжали существовать самостоятельно. Несмотря на это, поход иранских войск еще раз подтвердил назревшую необ-.ходимость серьезных политических перемен. Как верно отметил Г. Б Абдуллаев, «беспрестанные нашествия и набеги персидских и турецких захватчиков, в результате которых

истреблялись десятки тысяч людей, подрывали производительные силы страны»[165], постоянно угрожая ее независимости.

Несмотря на безуспешное завершение попыток Ага-Мухаммед шаха распространить свою власть на Азербайджан, опасность, угрожавшая самостоятельности азербайджанских ханств, все еще оставалась. После смерти Ага-Мухаммед шаха на шахском престоле в Иране утвердился его племянник Баба-хан-Фатали шах (1797—1834), с приходом которого к власти в Иране вновь началась феодальная смута[166]. Новый правитель Ирана в первые годы своего правления в основном был занят усмирением непокорных ему феодалов и не проявлял особой активности в покорении Закавказья, в том числе и Азербайджана. Не имея возможности прибегнуть к военной силе, он вынужден был довольствоваться лишь формальным признанием его шахом со стороны некоторых феодальных правителей Азербайджана. На исходе XVIII в. Фатали шаху все же удалось усмирить своих непокорных феодалов. Укрепившись на престоле, он тут же «обратил внимание свое на край Азербайджанский, где ханы областные, не все и не совсем еще его власть над собой признавали»[167].

В то время, как персидские нашествия вызывали возмущение у населения Азербайджана, увеличивалось число сторонников русской ориентации. Этому способствовало, как было отмечено выше, и недавнее пребывание русских войск в Азербайджане. Русская ориентация, имевшая давние глубокие корни, в рассматриваемый период достигла своей кульминации, предрешая в ближайшем будущем историческую судьбу азербайджанского народа. «Русская ориентация, — пишет Г. Б. Абдуллаев, — пройдя путь длительного исторического развития, в конце XVIII века превратилась в могучую политическую силу, отображавшую коренные интересы исторического развития Азербайджана»[168].

Стремление азербайджанского народа к переходу под русское покровительство отвечало и планам русского царизма. В Азербайджане он мог бы приобрести помимо стратегического плацдарма еще один важнейший и разнообразный источник сырья и выгодный рынок для сбыта своих товаров. В конце XVIII в. русское правительство, ввиду устремления Ирана, подстрекаемого то Англией, то Францией, еще больше активизировало свою политику в Закавказье, в том числе и в Азербайджане. И хотя недавний поход русских войск под командованием В. А. Зубова в Азербайджан не был успешно завершен, тем не менее русские правительственные круги не отказывались от своих планов занять богатейшие прикаспийские области Азербайджана. Вступивший на престол Павел I, несмотря на обострение международной обстановки в Европе, считал необходимым уделить внимание и прикаспийским провинциям, стараясь держать азербайджанские ханства под влиянием России без применения военных сил. Он даже хотел создать под покровительством России федерацию азербайджанских и дагестанских феодалов против Ирана[169]. Однако из-за вражды между феодальными правителями указанного региона эта попытка не увенчалась успехом.

В 1798 г. правитель Ирана Фатали шах отправил своих дипломатов в Петербург, пытаясь уладить отношения с Россией[170] и гарантировать безопасность Закавказью от так называемого «русского вмешательства». Во время переговоров с посланниками Фатали шаха, касавшихся вопросов урегулирования торговли, ему было предложено отказаться от своих притязаний на Закавказье[171]. Кроме того, учитывая реальную угрозу со стороны Ирана, согласно Георгиевскому трактату (1783 г.) в 1799 г. в Грузию были введены русские войска. 12 сентября 1801 г. был обнародован манифест о присоединении Грузии к России[172]. Тем самым был совершен исторический акт присоединения и некоторых азербайджанских провинций к России, ибо вместе с Грузией в состав России вошли также Казахское и Шамшадильское султанства Азербайджана, которые некогда были предоставлены иранским шахом грузинским валиям.

Пребывание русских войск в Грузии одновременно вдохновляло сторонников русской ориентации во всем Закавказье, в том числе и в Азербайджане. Русский консул М. Скибиневский по этому поводу писал, что «кубинцы и дербентцы, будучи разорены междоусобными враждами и не имея доброго начальника... ревнуют жребию Грузии»[173].

В конце XVIII — начале XIX в. почти все азербайджанские ханы, находившиеся в той или иной связи с Россией, стали обращаться к ней с просьбой о покровительстве. Российское правительство и отдельные его представители на Кавказе, заинтересованные в упрочении своих позиций на западном побережье Каспийского моря, создавали в свою очередь благоприятные

условия для таких прошений. Это подтверждает и рескрипт, данный статскому советнику Коваленскому, в котором подчеркивается желание «умножить число владельцев, к престолу рассийскому склонность оказующих[174].

Талышский Мир-Мустафа хан, кубинский Шейх-Али хан, бакинский Гусейн-Кули хан, карабахский Ибрагим хан и многие другие поддерживали постоянную переписку с представителями правящих кругов России. Российскому правительству приходилось в разное время неоднократно принимать посланников того или другого хана,

В одной из записок Азиатского департамента России имеются ценные сведения об отношении талышского Мир-Мустафа хана к России[175]. Здесь приводится суть пяти писем талышского хана за указанный период российскому двору. Благодаря этому выясняется характер взаимоотношений Талышского ханства с Россией, а также с Ираном.

Известно, что Талышское ханство, расположенное на юго-западном побережье Каспийского моря, имело важное стратегическое значение, как для Ирана, так и для России. В 90-е годы XVIII в. это ханство подвергалось неоднократным нашествиям и разорениям со стороны войск Ага-Мухаммед хана. Однако каждый раз Мир-Мустафа хан с помощью русских военных судов, находившихся в то время на о. Сары, отражая натиск врага, сохранял свою независимость[176].

Новый правитель Ирана Фатали-шах продолжал агрессивную политику своего предшественника по отношению к Азербайджану, в том числе и к Талышскому ханству. Сначала шах решил урегулировать отношения путем так называемой «брачной дипломатии». Он предложил Мир-Мустафа хану выдать свою дочь за его сына. Однако последний отказался породниться с ним, после чего отношения между ними еще более обострились. Тогда Фатали шах решил напасть на Талышское ханство, как говорится в источнике «сухим путем и морем и разорить его владения».

Усиление иранской угрозы с юга поторопило Мир-Мустафа хана талышского обратиться за помощью и покровительством к Русскому государству. В своих письмах к правительству хан уверял в своей верности к России и настаивал на присылке ему военной помощи против Ирана[177]. В одном из таких писем он писал: «...клянусь перед всемогущим и святым богом, великим пророком Магомедом и святым его Кораном в том, что хочу и пребуду с потомками моими... и с подвластным моим народом в точном владении моим находящимся всероссийскому императорскому престолу верным подданым»[178].

После смерти Екатерины II Мир-Мустафа хан обратился с такими же прошениями к Павлу I. В 1797 г., сразу же после ухода русских войск из Азербайджана, Мир-Мустафа хан, опасаясь вторжения Ирана, отправил в Россию своего посла Мирза Магомед бека, который вел переговоры о принятии Талышского ханства под покровительство России[179]. Наконец, посольство Мирзы Магомед бека в 1800 г. добилось успеха. Не находя никакого повода, чтобы «не удовлетворить его желание» и ради безопасности русской торговли на Каспийском море, русское правительство решило принять Талышское ханство под свое покровительство. Павел I направил с Мирза Магомед беком «собственноручным подписанием грамоту к означенному талышскому владельцу Мир-Мустафа хану»[180].

Результаты переговоров были оформлены как официальное согласование. Россия брала на себя обязательство оказать помощь в случае нападения на Талышское ханство извне. По указу от 14 февраля 1800 г. «было повелено содержать у о. Сары во всякие времена одно военное судно» (а с 1801 г. уже два) для охраны талышских пределов от внешней угрозы[181]. Мир-Мустафа хан в свою очередь обязался быть вечно верноподданным России и «впредь всероссийских подданных от всех неприязненностей защищать»[182]. Это соглашение фактически являлось первым дипломатическим актом о присоединении Талышского ханства к русскому государству.

На исходе XVIII в. в постоянных взаимоотношениях с Россией находилось также Кубинское ханство. Однако, как и прежде, отношение кубинского Шейх-Али хана к России не было последовательным. Как известно, в целях сохранения своей власти он лавировал между Ираном и Россией, а во вермена похода русских войск в Азербайджан в 1796 г. он оказал им сильное сопротивление и обратился за помощью к Ага-Мухаммед хану. В то же время, после ухода русских войск из Азербайджана, он отправил посла в Петербург.

Именно это посольство, отправленное в 1798 г.[183], должно было урегулировать отношения кубинского хана с Россией. Кубинский посол Медед бек, принятый благожелательно Павлом 1, просил от имени своего хана следующее: 1) вернуть на родину подданых Шейх-Али хана, которые были отосланы в Астрахань во время занятия Дербента

русским войском в 1796 г.; 2) отпустить беспошлинно и безденежно для личного потребления Шейх-Али хана 4000, а также для подвластного ему народа 2000 пудов железа; 3) принять Кубинское ханство в российское подданство[184].

Все просьбы хана были удовлетворены. В указе Павла I, данном им 1 сентября 1799 г. на имя Шейх-Али хана, отмечалось: «Мы охотно приемлем Вас и всю область Вашу в прежнее подданство и покровительство, коим она имела счастье пользоваться»[185]. Посольство, благополучно выполнив поручение Шейх-Али хана, возвратилось на родину с богатыми подарками[186].

Как видим, царское правительство охотно приняло Кубинское ханство под свое покровительство. Это объяснилось и тем, что город Дербент, являвшийся резиденцией кубинских ханов, был не только «ключом Персии» с военной точки зрения, но и имел важное торговое значение. Караванные пути, связывавшие Россию с Закавказьем и Ираном, проходили через территорию Кубинского ханства[187]. В Дербентский порт заходили русские торговые корабли.

Однако близорукая внутренняя и внешняя политика Шейх-Али хана в результате которой Кубинское ханство потеряло прежнее могущество, в конечном счете отразилось и на связях с Россией. Сильное недовольство местного населения Дербента Шейх-Али ханом завершилось тем, что в Дербенте была установлена власть упомянутого Гасан хана. Опасаясь нападения Шейх-Али хана, Гасан хан обратился к русскому правительству, прося помощи против своего брата. Его посланник Гаджи Таги просил также о принятии Дербента под покровительство России, как отдельного ханства. Вскоре и Шейх-Али хан обратился к русскому двору с просьбой прислать в его распоряжение шеститысячное войско, с помощью которого он хотел не только возвратить себе Дербент, но и подчинить Бакинское ханство и Сальяны. Однако никому из них — ни Гасан хану, ни Шейх-Али хану — не удалось получить ожидаемой помощи от правительства России. И пока их представители находились в России, братья помирились. Этот мир был одобрен и российским правительством. Россия, стремившаяся не обострять своих отношений ни с одной из сторон, приняла компромиссное решение. Жалованной грамотой от 28 августа 1801 г. она утверждала Гасан хана правителем в Дербенте, а Шейх-Али хана в Кубе[188].

Продолжало поддерживать тесные политические связи с Россией и Бакинское ханство, которое служило «узловым пунктом транзитной торговли для европейских стран, в том числе и для России»[189]. Не случайно, что при занятии прикаспийских провинций Азербайджана русскими войсками (1796—1797 гг.) царское правительство составило план преобразования Бакинского порта в военно-торговый пункт России на Каспийском море[190]. Однако, как было отмечено ранее, с вступлением на престол Павла I были отложены все намеченные мероприятия его матерью. Кроме того, как дают основание предполагать источники, после возвращения русских войск из Азербайджана, отношения Бакинского ханства с Россией резко ухудшилось. Основной причиной явилось то, что при отходе русских войск из Баку Гусейн-Кули хану и некоторым влиятельным феодалам был нанесен серьезный материальный ущерб[191]. После этого инцидента бакинский хан стал притеснять русских купцов. В отместку русские чиновники в Астрахани начали притеснять бакинских купцов. Наконец, все это в начале 1800 г. привело к военному столкновению[192].

Однако, опасаясь еще в большей степени очередного нашествий иранских полчищ, Гусейн-Кули хан в том же году направил своего посланника Мирза-Гади бека в Петербург с прошением о принятии Бакинского ханства под покровительство России[193], которое и было удовлетворено русским правительством. В жалованной грамоте Павла I на имя бакинского Гусейн-Кули хана указывается: «Приемля Вас и всех Вам подвластных... в высокое покровительство, надеемся, что и на верность Вы обязаны учинить присягу»[194]. Все же, несмотря на это, отношения с Бакинским ханством по ряду причин не улучшились и оставались напряженными вплоть до последовавшего уже гораздо позже окончательного его присоединения к России.

В рассматриваемый период под покровительство России было принято также Карабахское ханство. Ибрагим хан карабахский, отразивший натиск Ага-Мухаммед шаха во время его первого похода и 1795 г., в начале 1797 г. отправил своего посланника Мирза Мамед-Кули бека в Петербург с просьбой о принятии Карабахского ханства под

покровительство России. Русское правительство встретило посольство Мирза Мамед-Кули бека также доброжелательно[196] и отправило его на родину «с грамотами на принятие в покровительство и подарками»[197].

Однако на исходе XVIII в. положение в ханстве осложнилось. После нашествия Ага-Мухаммед хана экономика ханства сильно ослабла. В это же время правитель Ирана Фатали шах предпринял ряд мер для покорения Закавказья, в том числе и Карабахского ханства. Иранские войска под командованием Пир-Кули хана покорили Ереванскую крепость и угрожали самостоятельности Карабахского ханства[198]. По отношению к Карабахскому ханству Фатали шах также решил применить «брачную дипломатию»: он предложил Ибрагим хану выдать его дочь за него замуж. Не желая обострять, отношений с Ираном, хан уклонился от прямого ответа, искусно затягивая решение этого вопроса. Одновременно он обратился к русскому министру в Грузии Коваленскому за помощью против Ирана, однако на его просьбу Коваленский, не имея на этот счет указаний из Петербурга, ответил неопределенно[199]. Не получив от России действенной помощи, Ибрагим хан, опасаясь стать жертвой вооруженного нападения Ирана, вынужден был согласиться с предложением шаха и направить свою дочь в шахский гарем[200].

В такой довольно сложной обстановке шекинский Магомед-Гасан хан, шемахинский Мустафа хан, нахичеванский Келб-Али хан обратились к Русскому государству с просьбой о покровительстве, ведя интенсивные переговоры с разными должностными лицами царского правительства на Кавказе[201]. Россия в свою очередь поощряла их прошения и обнадеживала всех, ищущих высокого покровительства и защиты»[202]. В инструкции Александр I к Кнорингу указывалось на необходимость «стараться приумножить число приверженных к России, особенно же привлекать ханов ереванского, гянджинского, шекинского, бакинского над коими власть Баба хана еще не утвердилась»[203]. Астраханский генерал-губернатор Кнорринг старался, чтобы местные владетели с прошениями о покровительстве обращались непосредственно к новому императору — Александру I[204].

В 1801 г. бакинский, кубинский, дербентский и талышский ханы направили в Петербург своих послов для поздравления Александра I с вступлением на престол. Во время этого визита новый император обнадежил их обещаниями о помощи и посоветовал им в случае нападения извне объединиться и отражать его собственными силами. В ходе переговоров русское правительство вновь подняло вопрос о создании федерации азербайджанских и дагестанских феодалов. В отличие от Павла I, Александр I принял энергичные меры для создания этой федерации. По этому поводу он писал генерал-лейтенанту Кнорингу: «Из доставленных к Вам по волей моей, копий с ответных к ханам кубинскому, дербентскому, бакинскому и талышскому, отправленных ныне бывшим здесь посланцем их... Вы могли усмотреть мое намерение, что к распространению торговли в Азии, я положил установить между помянутыми ханами и горскими владетелями, для общего их народов блага, твердый союз и дружеское под верховным моим покровительством»[205]. Как видно, создание такого союза преследовало не только политические, но и экономические цели.

В сентябре 1802 г. в Георгиевске начались переговоры между представителями России и некоторыми дагестанскими и азербайджанскими владетелями, которые завершились 26 декабря подписанием коллективного договора[206]. Некоторые статьи договора были направлены против иранской угрозы, создавая в то же время благоприятные условия для развития торговли. Союзники должны были выполнять все требования договора под покровительством России. Они обязались быть всегда в согласии и дружбе, не нападать на территорию своих союзников. Все спорные вопросы и притязания владетелей должен был решать третейский суд. В договоре нашли отражение и важные экономические вопросы, которые были освещены во II главе настоящей работы.

Значение Георгиевского договора было огромно. Он способствовал установлению мирных условий жизни, как в Закавказье, так и в Азербайджане и содействовал дальнейшему усилению в этом регионе русской ориентации.

Как видно, в изучаемый период большинство североазербайджанских ханств находилось в тесных связях с Россией. Посольства отдельных ханов неоднократно направлялись в Россию с прошениями о принятии их под покровительство. В результате в 1797— 1801 гг. Карабахское, Кубинское, Дербентское, Талышское и Бакинское ханства Азербайджана были приняты под протекторат России. Принятие покровительства выражалось в

жалованной грамоте и не влекло за собой вмешательства России во внутренние дела ханства. Россия обязалась оказывать помощь в случае опасности извне. В свою очередь, местные правители должны были обеспечить безопасную торговлю российских купцов. Несмотря на отдельные конфликты, имевшие место в Бакинском и Кубинском ханствах, в целом в Азербайджане наблюдалось усиление русской ориентации. А это в свою очередь объективно отвечало чаяниям широких слоев народных масс и создавало благоприятную почву для присоединения Азербайджана к России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе изложенных в монографии материалов можно сделать следующие краткие выводы:

1. На рубеже XVIII—XIX вв. территория Азербайджана все еще оставалась разделенной на ряд мелких феодальных владений — ханств, постоянно враждовавших между собой. С распадом объединений северо-восточных ханств Азербайджана в начале 90-х годов XVIII в. в стране с новой силой разгорелись междоусобные войны, отрицательно влиявшие на развитие хозяйства, ремесла и торговли и создававшие благоприятные условия для происков внешних врагов. Относительный хозяйственный подъем, наблюдавшийся в Азербайджане в 60—80-х годах XVIII в., в изучаемый период сменился застоем, что было прямым результатом не только внутренних неурядиц, но и неоднократных разорительных походов иранского правителя Ага-Мухаммед хана.

2. Благодаря богатым естественным ресурсам, исключительно важному военно-стратегическому положению Азербайджан оставался «яблоком раздора» между иностранными державами, в частности Ираном, Турцией и Россией.

3. В изучаемый период наблюдается дальнейшее усиление русской ориентации в Азербайджане. В этом важную роль сыграли и тесные торговые связи азербайджанских ханств с Россией. Полное перемещение в изучаемый период центра русско-восточной торговли из Ирана в Азербайджан в связи с англо-русской конкуренцией, притеснениями русского купечества со стороны Ага-Мухаммед хана и относительно благоприятными условиями в самих ханствах способствовали еще большему развитию этих взаимоотношений.

4. В изучаемый период азербайджано-русские торговые отношения носили более стабильный характер. Азербайджан, получавший из России готовые мануфактурные изделия, в то же время был поставщиком сырья, в особенности шелка-сырца для русской промышленности.

5. Тесное торговое сотрудничество было стимулом к развитию политических и дипломатических взаимоотношений между Азербайджаном и Россией. На рубеже XVIII—XIX вв. азербайджано-русские политические отношения можно разделить на два этапа.

Первый этап охватывает период с 1789 по 1796 г.; второй — с 1797 по 1803 г., т. е. до начала процесса присоединения Азербайджана к России. На первом этапе, связанном с распадом объединений северо-восточных ханств Азербайджана (1789 г.) и походом русских войск в Азербайджан (1796 г.), эти отношения носили в некоторой степени выжидательный характер. Большинство азербайджанских ханов в целях сохранения своей власти, хотя и обращались к России за помощью и покровительством, однако они не все и не всегда были последовательными в своих отношениях. Примечательно, что в большинстве случаев владетельные правители обращались к России только тогда, когда их самостоятельности угрожала «каджарская опасность» из Ирана. В свою очередь и русское правительство не спешило с удовлетворением их просьбы и хотело окончательно убедиться в их преданности России. Так, обращение азербайджанских ханов неоднократно обсуждалось на Государственном совете, который долгое время не мог принять окончательного решения. Это было связано прежде всего с тем, что Россия избегала риска идти на открытый конфликт из-за Азербайджана с Ираном и Турцией, а также с западно-европейскими державами. Поэтому в первом периоде ни одно из азербайджанских ханств не было принято под протекторат России.

6. В 1795 г. в Азербайджан вторгся иранский правитель Ага-Мухаммед-хан, что принесло немало бед азербайджанскому народу. В стране разгоралась всенародная борьба против иранских полчищ. Однако азербайджанскому народу, разрозненному на мелкие феодальные владения, было не под силу противостоять сильному врагу. В этот трудный для страны момент он вновь обратил свои взоры к России, откуда мог получить помощь и покровительство. На помощь России рассчитывали и азербайджанские правители, не раз обращавшиеся с прошением в русский кабинет Екатерины II.

7. В 1796 г. по просьбе закавказских владетелей, а также исходя из стремления не допустить утверждения Ирана в Закавказье, был организован поход русских войск в Азербайджан. В отличие от иранских полчищ, русские войска своим лояльным поведением вызывали симпатию населения, так как получили приказ Екатерины II вести себя по отношению к местному населению согласно распространенному «Манифесту», по которому строго запрещались всякие грабежи и разорения. Вот почему русские войска за короткий срок заняли Дербент, Кубу, Баку, Шемаху, Гянджу и другие города Азербайджана.

8. После похода русских войск в Азербайджан в 1796 г. в азербайджано-русских политических взаимоотношениях начинается новый, второй этап. В этот период отношения азербайджанских ханов к России носили более последовательный характер и были направлены только к одной цели — принятию русского покровительства. Последовательная ориентация азербайджанского народа и большинства феодальных правителей, усиление опасности со стороны Ирана вынудили русское правительство к решительным мерам. В течение 1797—1801 гг. Карабахское, Кубинское, Дербентское, Талышское и Бакинское ханства Азербайджана юридически были приняты под покровительстзо России.

9. Осложнение международных отношений в конце XVIII — начале XIX в. показало, что принятие азербайджанских ханств под протекторат России не могло полностью обеспечить безопасность азербайджанских земель. Под давлением и при поддержке Англии и Франции Иран еще более усилил свои притязания на Закавказье, в том числе и на Азербайджан. Чтобы не допустить завоевания прикаспийских провинций Ираном, Россия выступила инициатором заключения Георгиевского договора (1802 г.), в котором участвовали Кубинское и Талышское ханства Азербайджана. По этому договору стороны взяли на себя обязательства в случае военной опасности со стороны Ирана объединить свои силы и совместно отразить натиск врага. Георгиевский договор имел огромное значение и был еще одним шагом в сторону процесса присоединения Азербайджана к России, который начался непосредственно после его заключения.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

[1] Постановление ЦК КПСС о 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик. Правда, 1982. 21 февр.

[2] Программа КПСС. М. 1973. С. 16.

[3] *Левиатов В. Н.* Очерки из истории Азербайджана в XVIII в Баку: Изд-во АН АзССР. 1948: Абдуллаев Г. Б. Из истории северо-восточного Азербайджана в 60—80 гг. XVIII в. Баку: Изд-во АН АзССР. 1958; Абдурахманов А. А. Азербайджан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана. Баку, 1964; Гцлиев А. Из истории азербайджано-русских отношений в XV—XVIII вв. Баку. 1958; Алиев Ф. М. Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII века. Баку. 1975; Он же. Миссия посланника Русского государства А. П. Волынского в Азербайджане (1716—1718 гг.). Баку: Элм. 1979; Мамедов С. А. Исторические связи азербайджанского и армянского народов (вторая половина XVII — первая треть XVIII века). Баку: Элм. 1977.

[4] *Арунова М., Ашрафян К.* Государство Надир-шаха Афшара М. 1958; Григорян 3. Т. Присоединение Восточной Армении к России в начале XIX века. Ереван. 1959; Магомедов Р. М. Общественно-экономический строй Дагестана в XVIII—начале XIX вв. Махачкала. 1961; Игамбердиев М. А. Иран в международных отношениях первой трети XIX века. Самарканд. 1961: Гасанов М. Р. Из истории Табасарана XVIII—начала XIX вв. Махачкала. 1978.

[5] *Петрушевский И.П.* Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI-начале XIX вв. Л. 1949; *Левиатов В.Н.* Очерки из истории Азербайджана в XVIII в.; *Симбатзаде А., Исмаилов М.* и *Мехтиев Г.* Присоединение Азербайджана к России и его прогрессивные последствия в области экономики и культуры. Баку. 1955; *Иоаннисян А.И.* Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ереван. 1958; *Смирнов Н.А.* Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках. М., 1958; *Алиев Ф.М.* Города Северного Азербайджана во второй половине XVIII в. Баку. 1960. На азерб. яз.;: Фадеев А.Ф. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М. 1960; *Маркова О.П.* Россия. Закаваказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966; *Мильман А.Ш.* Политический строй Азербайджана в XIX-нач. XX вв. Баку. 1966; *Ибрагимбейли Х.М.* Россия и Азербайджан в первой трети XIX в. М. 1969; *Галоян Г.А.* Россия и народы Закавказья. М. 1976.

[6] *Альтман М.* Гянджа с 1604 по 1804 г. НАИИ АН АзССР. Инв. 1691; *Ашурбейли С. Б.* Очерки истории средневекового Баку. Баку. 1964; *Мустафаев М. М.* Экономика Карабахского ханства в конце XVIII и первой трети XIX в.: Автореф. дис… канд. ист. наук. М. 1953; *Исхаги Н. А.* Исторический очерк Макинского ханства: Автореф. дис... канд. ист. наук. Баку. 1966; *Далили Г. А.* Исторический очерк Урмийского ханства (II пол. XVIII в. — первая четверть XIX в.). Автореф. дис… канд. ист. наук. Баку. 1968, *Сулейманов Р. Д.* Торговые связи Азербайджана с центральной Россией в первой половине XIX в.: Автореф. дис… канд. ист. наук. Баку, 1975.

[7] *Асадов Ф.С.* История Талышского ханства и его связи с Россией: Автореф. дис. канд.ист. наук. Баку. 1966; *Багирова М.М.* История Шекинского ханства и присоединение его к России: Автореф. дис. канд. ист. наук. Баку. 1980; *Искендерова М.С.* Бакинское ханство и его присоединение к России. Автореф. дис. канд. ист. наук. Баку. 1983.

[8] *Мустафаев Т. Т.* Усиление русской ориентации в Азербайджане в первой половине XVIII века. Автореф.: дис… канд. ист. наук. Баку.1979.С. 14.

[9] *Мамедова Г. Н.* Русские консулы об Азербайджане (20—60 е годы XVIII века): Автореф. дис… канд. ист. наук. Баку. 1980. С. 22.

[10] ЦГВИА, ф. 41, оп. 200, д. 614а, 629.

[11] *Там же, д*. 614 а.

[12] ЦГАДА, ф. 1261, оп. 6, д. 945, 948, 949.

[13] *Там же,* д. 1433, 1434, 1436.

[14] ГААО, ф. 476, оп 3, д. 341.

[15] *Там же,* д. 251, л. 17—17об.

[16] *Там же,* ф. 435 оп. 1, д. 2487, д. 2799, л. 12—12 об; ф. 476, оп. 1, д. 402.

[17] *Там же,* ф. I, оп.10, д. 240, л. 11—12об

[18] АВПР, ф. СРП, оп. 77/6, д. 477, л. 349—349об, д.473, л. 80— 82 б; д. 15, л. 168—178 об.

[19] Использованные нами материалы АВПР хранятся в НАИИ АН АзССР.

[20] История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. М. 1958; Архив Государственного совета. Спб. 1869. Т. I, Ч. 2. Спб.1888 Т.2;Полное собрание законов Российской империи, Спб., 1830; Т. 23—27; Акты Кавказской археографической комиссии/ Под ред. А. Берже. Тифлис. 1866. Т. 1, 1868. Т. 2; Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии/ Под ред. А. Цагарели. Тифлис. 1902. Т. 2. Вып. 2.

[21] *Симонович Ф. Ф.* Описание Южного Дагестана…; *Дренякин И. Т.* Описание Ширвана…;*Серебров А. Г* Историко-этнографическое описание Дагестана…; *Бутков П. Г.* Сведения о Кубинском и Дербентском владениях; *Ахвердов А. И.* Два рапорта о Дагестанских делах…; *Кремский А. А.*

Выдержки из описания Дагестана и Ширвана//Сб. История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв (далее:ИГ и ЭД). М, 1958.

[22] *Скибиневский М.* Краткое изображение российской торговли с Персией//Архив Государственного совета Спб. 1888. Т. 2.

[23] Авторство М. Скибиневского установлено А С Семеновым (Новое об источниках по истории экономических связей России и Востока первой четверти XIX в.//Вест. ЛГУ. Сер. истории, языка и литературы. 1958. № 8. Вып. 2. С. 165) С.: *Маркова О.*Россия, Закавказье и международные отношения. С 81.

[24] ПСЗРИ Т. 23. С. 876—879.

[25] *Там же.* Т. 24. С. 613.

[26] *Там же.* Т. 25. С. 780—781.

[27] *Там же. Т 26. С.* 764—767.

[28] *Бакунина В. И.* Персидский поход в 1796 г.//Русская старина. 1887. Т. 53.

[29] Письма архиепископа И. Аргутинского о Грузии (1795— 1796 гг.)//Кавказская старина.1872 №2.

[30] *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. Спб. 1869. Ч. 2—3.

[31] *Дубровин Н. Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Спб. 1886.Т. 3; *Он же.* Георгий XII, пооедний царь Грузии и присоединение ее к России. Спб. 1867.

[32] *Потто В. А.* Исторический очерк Кавказских войн от их начала до присоединения Грузии. Тифлис. 1899.

[33] *Ленин В. И.* Карл Маркс//Полное собр. Соч., т. 26, с. 57.

[34] *Бакиханов А.* Гюлистан—Ирам. Баку, 1926.

[35] *Мирза Адигезал бек.* Карабахнаме. Баку. 1950

[36] *Мирза Джамал Карабаги.* История Карабаха. Баку. 1959.

[37] *Керим ага Фатех.* Краткая история шекинских ханов.//Кн. Из истории Шекинского ханства. Баку. 1958.

[38] *Хаджи Сеид Абдулгамид.* Родословная шекинских ханов и их потомков.//Кн.: Из истории Шекинского ханства. Баку. 1958.

[39] *Абдуллаев Г. Б.* Азербайджан в XVIII веке и взаимоотношения его с Россией. Баку. 1965. С. 4.

[40] *Левиатов В. Н.*Очерки из истории Азербайджана…

[41] *Маркова О.* . Россия, Закавказье и международные отношения

[42] *Далили Г. А.* Южные ханства Азербайджана. Баку. 1979. На азерб. яз.

Глава I

[1] *Маркс К*. и *Энгельс* Сочинения, изд. 2, т. 21, с. 409.

[2] *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России//Полн. собр. соч. Т. 3. С. 381.

[3] *Абдуллаев Г. Б.* Азербайджан в XVIII веке… С. 117; *Алиев Ф.* Города Северного Азербайджана… С. 15.

[4] *Петрушевский И. П.* Очерки по истории феодальных отношений… С. 86.

[5] *Серебров А. Г.* Историко-этнографическое описание Дагестана… С. 179.

[6] *Мирза Джамал Карабаги.* Указ соч. С. 83.

[7] *Симонович Ф. Ф.* Указ. соч. С. 143.

[8] *Бурнашев С. Д.* Картина Грузии или описание политического состояния царства Карталинского и Кахетинского. Тифлис. 1896 С. 4.

[9] *Дренякин И. Т.* Указ соч. С. 1631

[10] *Там же.*

[11] АВПР, ф. СРП, оп.77/6, д. 473, л. 111.

[12] Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия... С. 170.

[13] *Мирза Джамал Карабаги* Указ. соч. С. 130. В торговой хлебной мере четверть равнялась 24 пудам. см.: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М 1955. Т 4. С. 601.

[14] *Мирза Джамал Карабаги.* Указ. соч. С. 64— 65.

[15] *Дренякин И. Т.* Указ. соч. С. 164.

[16] АКАК, т. 2, д.1192, с. 597.

[17] *Мирза Джамал Карабаги.* Указ. соч.С.104.

[18] *Там же.*

[19] *Симонович Ф. Ф.* Указ. соч. С. 143.

[20] *Шопен И.* Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи. Спб.1852.С.483.

[21] *Далили Г. А.* Южные ханства Азербайджана… С. 51.

[22] *Биберштейн М.* Описание провинций расположенных на левом бсрегу Каспийского моря между реками Терек и Кура/Пер. С. Б. Ашурбейли. НАИИ АН АзССР. Инв. № 466. С. 35.

[23] ЦГВИА, ф. ВУА,д. 18474, л. 19—20.

[24] *Биберштейн М.* Указ. соч. С. 38.

[25] Из истории шелководства в России/Ввод. ст. А. Чернова. Красный архив 1941 № 3 (106). С. 96—97.

[26] *Шаврова Н.* Очерки шелководства в Закавказье/СМИЭБГКЗК Тифлис. 188. Т. 4. Т. 140.

[27] *Петрушевский И. П.* Азербайджан/Кн. Очерки истории СССР XVIII в. II половина. М., 1956. С. 758.

[28] *Серебров А. Г.* Указ. соч. С. 179.

[29] *Шопен И.*Указ. соч. С. 483.

[30] Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20—60-х гг. XIX века /Под. ред. И. П. Петрушевского. М. 1936. Ч. 1, с. 410—433.

[31] Восточные известия, 1815. № 37. С. 290.

[32] ГААО, ф. 476, оп. 1, д. 251, л. 9 об, *Биберштейн.* Указ. соч. С. 14.
[33] ЦГИА АзССР, ф. 24, оп. д. 155, л. 36.
[34] *Броневский С. Б.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М. 1823. Ч. 2. С. 449.
[35] *Серебров А. Г.* Указ. соч. С. 179.
[36] *Гейдаров М. Х.* Города и городское ремесло Азербайджана XIII—XVII вв., Баку, 1982, с. 153—165.
[37] *Алиев Ф. М.* Города Северного Азербайджана… С. 82.
[38] *Броневский С. Б.* Указ. соч. С. 381.
[39] *Далили Г. А* Южные ханства Азербайджана…С. 103.
[40] *Альтман М. М.* Исторический очерк города Ганджи. Баку. 1949. Ч. 1. С. 47.
[41] *Алиев Ф. М.* Города Северного Азербайджана…С. 27.
[42] *Альтман М. М.* Указ. соч. С. 47.
[43] ЦГАДА, ф. 276, д. 319, л. 12—13, *Алиев Ф. М.* Города Северного Азербайджана. С. 34.
[44] *Шопен И. У*каз. соч. С. 837—838; *Абдуллаев Г. Б.* Азербайджан в XVIII веке… С. 131.
[45] *Шопен И.* Указ соч. С. 838.
[46] *Гмелин С. Г.* Путешествие по России для исследования всех трех царств природы. Спб. 1785. Ч. 2. С. 71.
[47] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18474, л. 30—31.
[48] АВПР, ф. СРП, д. 483, л. 316.
[49] *Дренякин И. Т.* Указ. соч. С. 171.
[50] *Серебров А. Г. У*каз. соч. С. 177.
[51] *Шопен И.* Указ. соч. С. 480.
[52] *Шавров Н.У*каз. соч. С. 144.
[53] ЦГИА АзССР, ф. 24, оп. 1, д. 72, л. 3.
[54] *Биберштейн М.* Указ. соч. С. 17.
[55] *Там же.* С. 117.
[56] *Симонович Ф Ф Указ.* соч. С. 144.
[57] ЦГВИА, ф. 41, оп. 200, д. 614а, л 257 об.
[58] *Там же,* с. 265.
[59] *Дренякин И. Т.* Указ. соч. С. 168.
[60] *Серебров А. Г.* Указ. соч. С. 178.
[61] *Алиев Ф. М* І орода Северного Азербайджана С 44—45
[62] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18474, л. 18.
[63] *Шопен И.* Указ. соч. С. 478.
[64] О населении городов Северного Азербайджана подробно см.: *Алиев Ф. М.* Города Северного Азербайджана… С. 36—54.
[65] *Егиазаров С. А.* Административно-экономический строй сельской общины в Эриванской губернии/СМИЭБГКЗК. Тифлис. 1887. Т. 1. Ч. 3. С. 2.
[66] *Мильман А. Ш. У*каз. Соч. С. 41—42.
[67] *Абдуллаев Г. Б.* Азербайджан в XVIII веке… С. 110—111.
[68] *Мильман А.Ш.*Указ. соч. С. 44.
[69] .Статистическое описание Нахичеванской провинции. Тифлис. 1833. С. 52.
[70] *Бутков П. Г.* Сведения о Кубинском и Дербентском владениях… С. 210.
[71] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18486. Этот документ, касающийся политической жизни северо-восточного Азербайджана во II половине XVIII в., выявлен покойным проф. Г. Б. Абдуллаевым и опубликован в приложении к его книге «Из истории севсро-восточного Азербайджана в 60—80 гг. XVIII в.» Баку. 1958. С. 200—210.
[72] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18486, см.: *Абдуллаев Г. Б.* Азербайджан в XVIII веке…С. 200—210.
[73] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18486, см.: *Абдуллаев Г. Б.* Азербайджан в XVIII веке…С. 200—210.
[74] *Там же.*
[75] *Бакиханов А.* Указ. соч. С. 139.
[76] *Там же*
[77] *Там же*
[78] *Там же.*
[79] *Броневский С. Б.* Указ. соч. С. 429.
[80] *Алкадари Г. Э.* Асари-Дагестан. Махачкала. 1929. С. 90.
[81] *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа… Ч. 2 С. 140.
[82] *Бакиханов А.* Указ. соч. С. 140.
[83] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18474, л. 54.
[84] *Бакиханов А.* Указ. соч. С. 141.
[85] *Алкадари Г. Э.* Указ. соч. С. 90.
[86] *Бакиханов А.* Указ. соч. С. 140.
[87] АВПР, ф. СРП, оп. 77/6, д. 483, л. 261.
[88] *Там же.*
[89] *Там же.*
[90] ЦГВИА. ф. ВУА, д. 18486, см.: *Абдуллаев Г. Б.* Из истории северо-восточного Азербайджана… С. 207.
[91] *Там же.* С. 205.
[92] *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа… Ч. 2. С. 280.
[93] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18486, см.: *Абдуллаев Г. Б.* Из истории северо-восточного Азербайджана. С. 206.
[94] *Там же; Бакиханов А.* Указ. соч. С. 140; *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа… Ч. 2. С. 280.
[95] *Ашурбейли С. Б.* Указ. соч. С. 296.

[96] Материалы для истории Северною Кавказа 1787—1792 гг.
Кавказский сборник. Тифлис. 1897. Т. 18. С. 384.
[97] ЦГАДА, ф. 1261, оп. 1, д. 1447, л. 20об.
[98] ГААО, ф. 476, on. 1, д. 25, л. 11 об.
[99] *Там же.*
[100] Неизданные документы академика Буткова. Донесения генерал-аншефа Гудовича от 7-го ноября 1791 года. Кавказский сборник. — Тифлис. 1897. Т. 18. С. 417; *Ашурбейли С. Б.* Указ. соч. С. 298.
[101] *Там же.*
[102] Астраханский порт с 1783 по 1827 год/Морской сборник. Спб. 1851. № 1. Т. 5. С. 2.
[103] *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа... Ч. 2. ...с. 293; *Ашурбейли С. Б.* Указ. соч. С. 298.
[104] Подробно об этом см: *Ашурбейли С. Б.* Указ. соч. С. 298— 300.
[105] ГААО, ф. 476, оп. 1, д. 484, л. 86 об.
[106] *Там же.*
[107] Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа... Ч. 2.... С. 297.
[108] Нам не удалось установить точную дату этого похода, хотя в сообщениях названных чиновников, показавших только подготовку к нему, фигурирует дата февраль 1793 г. А. Бакиханов утверждает, что данный поход состоялся в 1794 г. *(Бакиханов А.* Указ. соч. С. 141.). У П. Буткова, участника похода в Азербайджан в 1796—1797 гг., указано, что осада Новой Шемахи упомянутыми ханами произошла весною 1795 г. *(Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа... Ч. 3... с. 351.). Мы придерживаемся датировки, данной П. Бутковым, так как он был ближе к событиям и мог быть более осведомленным.
[109] *Алкадари Г. Э.* Указ. соч. С. 91.
[110] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18486. См.: *Абдуллаев Г. Б.* Из истории Северо-восточного Азербайджана... с. 207.
[111] *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа... Ч. 2. С. 297.
[112] *Ашурбейли С. Б.* Указ. соч. С. 300.
[113] Об этом речь пойдет в III главе настоящей работы.
[114] *Сегаль И.* Елизаветпольская губерния (впечатления и воспоминания) /Кавказский вестник. 1902. № 1. Кн. 15. С. 78.
[115] *Гаджи Сеид Абдулгамид.* Указ соч С. 60.
[116] Там же.
[117] *ЦГВИА,* ф. ВУА, д. 18586, см,: *Абдуллаев Г. Б.* Из истории Северо-восточного Азербайджана... С. 208.
[118] *Керим Ага Фатех.* Указ. соч. С. 51.
[119] *Маркова О. П.* Указ. соч. С. 291.
[120] *Бакиханов А.* Указ. соч. С. 147.
[121] Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия... С. 155.
[122] *Дубровин Н. Ф.* Поход графа В. А. Зубова в Персию в 1796 г./Военный сборник. 1874, № 2—6. С. 16.
[123] ЦГВИА, ф. 41, оп. 200, д. 614а, л. 207—207об.
[124] Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия... С. 152.
[125] Письма архиепископа Аргутинского о Грузии... С. 31.
[126] Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия... С. 152.
[127] *Дубровин Н. Ф.* Поход графа В. А. Зубова в Персию... С. 16; *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа.., Ч. 2. С. 346— 347; *Гамидова Ш. П.* Из истории азербайджано-грузинских отношений (80—90-е годы XVIII в).. Автореф. дис... канд. ист. наук. Баку. 1973. С. 28.
[128] *Хаджи Сеид Абдулгамид.* Указ. соч. С. 61.
[129] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18486; см.: *Абдуллаев Г. Б.* Из истории северо-восточного Азербайджана... С. 210.
[130] *Керим Ага Фатех.Указ.* соч. С. 52—53; *Сегал И.* Указ. соч. С. 78.
[131] ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, д. 319, л. 17об.
[132] *Бакиханов А.* Указ. соч. С. 149.
[133] *Ахвердов А. И.* Два рапорта о дагестанских делах. Кн.: История, география и этнография Дагестана XV11I—XIX вв. М. 1958.
[134] *Ашурбейли С. Б.* Указ. соч. С. 305.
[135] *Ахвердов А. И.* Указ. соч. С. 230.
[136] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1672, л. 10.
[137] АКАК, т. 1, д. 894, с. 643.
[138] *Алкадари Г. Э.* Указ. соч. С. 101.
[139] ПСЗ. Спб. 1830. Т. 26. С. 763.
[140] *Ахвердов А.* И. Указ. соч. С. 230.
[141] *Там же.*
[142] *Там же.*
[143] АКАК, т. 1, д. 1269, с. 633.
[144] *Ахвердов А. И.* Указ. соч. С. 230.

Глава II

С. 418.
[59] *Там же.*
[60] *Зубов В. А.* Указ. соч. С: 886:
[61] *Там же.*
[62] *Броневский С. Б.* Указ. соч. С. 458.
[63] Восточные известия. 1815. № 36. С. 2

[1] *Бартольд В. В.* Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925. С. 34.
[2] *Уляницкий В. А.* Русские консульства за границей в XVIII в. М. 1899. С. 632.
[3] *Зубов В. А.* Общее обозрение торговли с Азией/Русский архив. 1873. Вып. 5. С. 883.
[4] *Уляницкий В. А.* Указ. соч. Ч. 2. Прилож. С. 116.
[5] *Там же.* С. 631.
[6] *Маркова О. П.* Указ. соч. С. 97.
[7] *Уляницкий В. А.* Указ. соч. Ч. 2. С. 632.
[8] Восточные известия. 1815. № 36. С. 283; № 37. С. 294.
[9] ЦГАДА, ф. 1261, оп. 6, д. 949, лл. 85—122 об.
[10] *Уляницкий В. А.* Указ. соч. Ч. 2. С. 634.
[11] ГААО, ф. 476, оп. 1. д. 484, л. 51.
[12] Восточные известия. 1815. № 40. С. 315.
[13] ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, д. 654, лл. 13—13 об.
[14] Каспийская торговля. Библиотека для чтения. Спб. 1834. Т. 8.
[15] *Чулков М. Д.* Историческое описание Российской коммерции. М. 1785. Т. 2. Ч. 2.
[16] ГААО, ф. 1, оп. 10, д. 251, лл. 36—36 об.
[17] *Там же.* Л. 16.
[18] *Игамбердиев М. А.* Указ. соч. С. 45.
[19] *Зубов В. А.* Указ. соч. С. 884.
[20] Общая протяженность сухопутной дороги от Астрахани до Шемахи составляла около 1000 км и преодолевалась купцами в течение 25—27 дней *(Фехнер М. В.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. М., 1956, С. 32).
[21] ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, д. 2896.
[22] Каспийская торговля... С. 88.
[23] *ГААО,* ф. 1, оп. 10, д. 240, л. 15.
[24] ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, д. 235, л. 1.
[25] *Уляницкий В. А.* Указ. соч. Ч. 2. С. 633.
[26] ГААО, ф. 1, оп. 10, д. 240, лл 11—12.
[27] *Там же.*
[28] *Там же.*
[29] *Там же.*
[30] *Там же.* С. 15.
[31] Архив Гос. Совета. Т. 2. С. 696.
[32] *Там же.*
[33] АКАК. Т. 2, д. 1622, с. 789.
[34] ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 93, л. 27.
[35] АКАК. Т. 2, д. 1622, с. 789.
[36] АКАК. Т. 2 д. 1629, с. 793.
[37] ПСЗ. Спб. 1830. Т. 27. С. 107.
[38] *Там же.*
[39] *Маркова О. П.* Русско-иранская торговля в последние десятилетия XVIII века/Уч. зап. ИВ АН АзССР. 1959. № 1. С. 108.
[40] ГААО, ф. 476, оп. 1, д. 484, л. 48; АВПР, ф. СРП, оп. 77/6, д. 473, гл. 233 и др.
[41] Каспийская торговля... С. 87.
[42] Архив Гос. Совета. Т. 2. С. 691.
[43] *Там же.*
[44] *Гасанов М. Р.* Указ. соч. С. 80.
[45] *Симонович Ф. Ф.* Указ. соч. С. 144.
[46] ОРВЗК. Спб. 1836. Ч. 4. С. 181.
[47] ЦГАДА, ф. 1406, оп. 1, д. 319, л. 10.
[48] *Кремски А. А.* Указ. соч. С. 234.
[49] Архив Гос. Совета. Т. 2. С. 692.
[50] ЦГАДА, ф. 1261, оп. 6. д. 949, лл. 63—84 об.
[51] *Там же,* д. 1436, лл. 37—42об.
[52] Восточные известия. 1815. № 37. С. 294.
[53] Архив Гос. Совета. Т. 2. С. 691—692.
[54] ЦГАДА, ф. 1261, оп. 6, д. 949, лл. 85—123об.
[55] Архив Гос. Совета. С. 692.
[56] Каспийская торговля... С. 106.
[57] *Березин И. П.* Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань. 1849. С. 228—229.
[58] *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа. Ч.2. 82—283.
[64] *Дренякин И. Т.* Указ. соч. С. 170.
[65] ЦГАДА, ф. 1261, оп. 6, д. 945, 948, 949.
[66] Восточные известия. 1815. № 37. С. 294.
[67] *Абдуллаев Г. Б.* Азербайджан в XVIII в... С. 351—352.
[68] *Серебров А. Г.* Указ. соч. С. 177.
[69] Архив Гос. Совета. Т. 2. С. 969.
[70] *Там же.*

[71] *Броневский С. Б.* Указ. соч. С. 458.
[72] ЦГАДА, ф. 1261. оп. 6, д. 945, 948, 949.
[73] *Кафенгауз Б.* Таможенные книги XVIII в./Археографический ежегодник за 1957. М. 1958. С. 134—135.
[74] Архив Гос. Совета. Т. 2. С. 697.
[75] *Там же.*
[76] *Там же.*
[77] Каспийская торговля... С. 109.
[79] *Алиев Ф. М.* Города Северного Азербайджана...С. 87.
[80] *Дренякин И. Т.* Указ. соч. С. 170.
[81] ЦГАДА, ф. 276, оп. 7, д. 667, л. 2об.
[82] *Симонович Ф. Ф.* Указ. соч. С. 139.
[83] *Альтман М. М,* Указ. соч. С. 48.
[84] *Шопен И.* Указ. соч. С. 483.
[85] *Далили Г. А.* Указ. соч. С. 95.
[86] ЦГАДА, ф.1261, оп. 6, д. 949, лл. 63—84 об.
[87] *Архив Гос.* Совета. Т. 2. С. 691—697.
[88] ЦГАДА, ф. 1261, оп. 6, д. 1436, лл. 41—42.
[89] Новейшая география Российского государства в нынешнем его состоянии, с присоединенными к оному землями. М 1819. Ч. 2. С. 499.
[90] ГААО, ф. 476, оп. 1, д. 339, л. 1.
[91] ЦГДА, ф. 1261, оп. 6, д. 948, лл. 115—139 об.
[92] *Любомиров П. Г.* Очерки по истории русской промышленности. М. 1947. С.564.
[93] *Маркова О. П.* Россия, Закавказье и международные отношения… С. 84.
[94] ЦГАДА, ф. 1261, оп. 6, д. 945, лл. 259 об—260; д. 948, лл. 127 об, 138, д. 949, лл. 82 об—83.
[95] *Там же.*
[96] *Там же.*
[97] Цит. по: *Маркова О. П.* Указ. соч. С. 85.
[98] *Там же.*
[99] ГААО, ф. 1. оп. 10, д. 251, л. 17.
[100] ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, д. 667, л. 2.
[101] *Биберштейн М.* Указ. соч. Л. 35.
[102] ЦГАДА, ф. 1261, оп. 6, д. 945, лл. 249об.—250; д. 948, лл. 115 об. — 116; д. 949, лл. 37об.—38; *О. П. Маркова.* Указ соч. С. 86.
[103] *Маркова О. П.* Указ. соч. С. 86.
[104] *Там же.*
[105] *Биберштейн М.* Указ. соч. Л. 35.
[106] ЦГАДА, ф. 1261, оп. 6, д. 948. лл. 136 об.—137.
[107] *Маркова О. П.* Указ. соч. С. 86.
[108] ЦГАДА, ф. 1261, оп. 6, д. 945, лл. 241 об.—242; д. 948, лл. 118 об — 119; д. 949, лл. 65об.—66.
[109] *Маркова О. П.* Указ. соч. С. 86.
[110] ЦГАДА ф. 276, оп. 1, д. 575, л. 53.
[111] Архив Гос. Совета. Т. 2. С. 693.
[112] ЦГАДА, ф. 1261, оп. 6, д. 945, лл. 270—280об; д. 948, лл. 150об., 151, 158об.—160; д. 949, лл. 96—98об., 10—108 об.
[113] *Там же,* ф. 1261, оп. 6, д. 948, лл. 160об.—161.
[114] ГААО, ф. 435, оп. 1, д. 2799, лл. 12—12об.
[115] *Абдуллаев Г. Б* Азербайджан XVIII в...С. 437-438.
[116] ЦГАДА, ф. 1261, оп. 6, д. 945, лл. 261об.—268.
[117] ГААО, ф. 476, оп. 1, д. 402, л. 11; ф. 435, оп. 1, д. 2847, л: 1; О. П. Маркова пишет, что разрешение на отпуск из России железа, олова и стали было отдано на 10 лет. Указ. соч. С. 88
[118] ГААО, ф. 476, оп. 1, д. 402, л. 11.
[119] *Там же,* ф. 435, оп. 1, д. 2799, л. 13.
[120] *Там же,* ф. 476, оп: 1, д. 196, лл. 1—1об.
[121] *Там же.*
[122] ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, д. 655, лл. 5—боб.
[123] *Там же,* оп. 3, д. 576, лл. 1, 10.
[124] *Там же,* ф. 1261, оп. 6, д. 954, л. 4 об.
[125] *Там же.*
[126] *Там же,* ф. 1406, оп. 1, д. 319, оп. 1, лл. 12, 13.
[127] *Диттель В.* Очерк путешествий по Востоку/Библиотека для чтения. Т. 95. Ч. 1, с. 7.
[128] ГААО, ф. 1, оп. 10, д. 240, л. 34об.
[129] *Там же,* ф. 476, оп. 1, д. 339, л. 5.
[130] ЦГАДА, ф. 1261, оп. 6, д. 954, л. 4об.
[131] ПСЗ. Спб. 1830. Т. 24. С. 613.
[132] *Там же.*
[133] ЦГАДА, ф. 1261, оп. 6, д. 945, лл. 264 об.—265, 273 об.—274, 287об.—288.
[134] *Там же.*
[135] Таблица составлена по данным Астраханской таможни. См.: ЦГАДА ф. 1261, оп. 6, уд. 945, 948, 949.
[136] ГААО, ф. 476, оп. 1, д. 335, лл. 5—5об; ф. 1, оп. 10, д. 329, л. 12.

[137] *Юзефович Т.* Договоры России с Востоком, политические и торговые. Спб. 1869. С. 194—202.
[138] *Абдуллаев Г. Б.* Азербайджан в XVIII в.... С. 394—395.
[139] *Там же. С.* 400—403.
[140] Архив Гос. Совета. Спб. 1869. Т. 1, Ч. 2. С. 706:
[141] ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 516, к. 3.
[142] *Там же.*
[143] ГААО, ф. 476, оп. 3, д. 341, л. 1.
[144] Архив Гос. Совета. Т. 1. Ч. 2. С. 306.
[145] *Там же.*
[146] *Там же:* ЦГАДА, ф. 1261, оп. 1, д. 736, лл. 12—14 об.
[147] ГААО, ф. 476, ф. 476, оп. 1, д. 484, лл. 56—57 об.
[148] *Там же,* лл. 48—49 об.
[149] ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, д. 654, лл. 5—6 об.
[150] *Там же*, ф. 276, оп. 3, д. 1546, лл. 5—8 об.
[151] *Там же.*
[152] АВПР, ф. СРП, оп. 77/6, д. 473, лл. 233—237.
[153] *Там же.*
[154] *Там же.*
[155] Астраханский порт с 1783 по 1827 гг./Морской сборник. 1851. Т. 5. С. 5.
[156] Архив Гос. Совета, Т. 1. С. 695.
[157] ЦГАДА, ф. 276, оп. 1 д. 656, лл. 1 об—2.
[158] АКАК. Т. 2, д. 886, с. 640.
[159] ПСЗ. 1830. Т. 26. С. 765—766.
[160] Искаженное название кошенили.
[161] *Дубровин Н. Ф.* Закавказье от 1803—1806 года/Прилож. №12. Спб. 1866. С. 488—490.

Глава III

[1] *Жигарев С.* Русская политика в восточном вопросе. М. 1896, Т. 1. С. 235.
[2] Копии с письма татарского, присланного от тарковского шамхала Бамата.../Кавказский сборник. Тифлис. 1899. Т. 20. С. 391.
[3] Рапорт графа де-Бальмена кн. Потемкину-Таврическому/ Кавказский сборник. Тифлис. 1899. Т. 20. с. 443.
[4] *Магомедов Р. М.* Указ. соч. С. 360; *Смирнов Н. А:* Указ: соч. С. 166; ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 93, лл. 23—24.
[5] *Юзефович Т.* Указ. соч. С. V; *Гаджиев В.* Роль России в Истории Дагестана. — М., 1965. С. 173
[6] История Ирана. М. 1977. С. 215.
[7] ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 516, л. 110 об; *Пигулевская Н. В., Якубовский Н. Ю., Петрушевский И. П.* История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. М., 1958. С. 327.
[8] ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/199, д. 267, л. 58; ЦГАДА, ф. 1261, оп. 1, д. 1095, л. 1 об.
[9] ЦГАДА, ф. 1261, оп. 1, д. 1447, л. 5об.
[10] ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194; д. 481, л. 221.
[11] ГААО, ф. 476, оп. 1, д. 67, л. 11.
[12] ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 516, л. 55.
[13] ЦГАДА, ф. 1261, оп. 1. д. 1447, л. 5об.
[14] *Риза-Кули-хан* Роузет-ус-Сафа /Пер. Ад. Т. Берже//Русская старина. 1879. Т. 24. Янв. С. 167.
[15] *Потто В. А.* Указ. соч. С. 256—257.
[16] *Титанян Р. Т.* Армянские источники о нашествии Ага-Мухаммед хана в 1795—1797 гг.: Автореферат канд. дисс. Ереван. 1974.
[17] ЦГАДА, ф. 1261, оп. 1, д. 1447, л. 1.
[18] Архив Гос. Совета. Спб, 1869. Т. 1.Ч. 2. С. 793.
[19] ЦГАДА, ф. 1261, оп. 1, д. 1447, л. 2об; Неизданные документы академика Буткова.... С. 417.
[20] *Там же.*
[21] ЦГАДА, ф. 1261, оп 1,. д. 1095, л. 1об.
[22] ЦГВИА, ф. 52, оп. 2/203, д. 93, л. 24.
[23] *Мирза Джамал Карабаги.* Указ. соч. С. 79.
[24] ЦГВИА, ф: 52, оп. 1/194, д. 516, л. 104.
[25] АВПР, ф. СРП, д. 483, лл. 77—79.
[26] Кавказский сборник. Тифлис. 1899. Т. 20. С. 392—393.
[27] ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 516, л. 162об.
[28] ЦГАДА; ф. 1261, оп. 1, д. 1447, лл. 1—1об.
[29] ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 408, ч. 2, л. 26.
[30] *Там же,* л. 26об.
[31] *Там же.*
[32] *Там же,* ф. 52, оп. 2/203, д. 93, л. 23об.
[33] *Там же.*
[34] ГААО ф. 476, оп. 1, д. 484, л. 86.
[35] *Там же,* д. 757, л. 8.

[36] Архив Гос. Совета. Т. 1.Ч. 2. С. 796.
[37] НАИИ АН АзССР, д. 3612, л. 31.
[38] *Там же,* л. 32.
[39] *Там же,* л. 33.
[40] *Там же*, л. 38.
[41] *Козубский Е. И.* История Дербента. Темирхан-Шура 1906. С. 107.
[45] *Там же.*
[42] *Дубровин Н. Ф.* Георгий XII, последний царь Грузии …С.10.
[43] Архив ЛОИИ АН СССР. ф. 99, оп 2, д. 14, л. 13.
[44] *Там же*
[46] НАИИ АН АзССР, д. 3612, л. 88.
[47] *Там же,* л. 89.
[48] Кавказский сборник. Т. XVIII С. 384.
[49] ГААО, ф. 476, оп. 4, д. 67, л. 30.
[50] Архив 1 ос. Совета. Т. 1. Ч. 2. С. 794.
[51] ГААО, ф 476, оп. 1, д. 484, л. 20об.
[52] *Там же, л.* 75
[53] *Там же.*
[54] ГААО, ф. 476, оп. 1, д. 484, л. 86.
[55] *Там же,* д. 757, л. 2.
[56] Архив. Гос. Совета. Т. 1. Ч. 2. С. 795.
[57] *Там же.*
[58] *Там же;* АВПР, ф. СРП, оп. 77/6, д. 473, л 82.
[59] *Там же.*
[60] Архив. Гос. Совета. Т. 1. Ч. 2. С. 793.
[61] *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа. Ч. 2. с. 296.
[62] ГААО, ф. 476, оп. 4, д. 67, лл. 46—46об.
[63] ЦГВИА, ф 52, оп 2/203, д 93, л 24.
[64] *Гусейнзаде А.* Родословная талышских ханов /Докл. АН АзССР, 1960. Т. 16. № 8. С. 810.
[65] Архив Гос. Совета. Т. 1. Ч. 2. С. 790, 793.
[66] ГААО, ф. 476. оп. 1, д. 484, л. 78
[67] Архив Гос. Совета. Т. 1. Ч. 2. С. 798.
[68] *Асадов Ф. С.* Указ. соч. С. 15.
[69] *Дубровин Н. Ф.* История войны и владычества русских…С. 8.
[70] Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия… С. 87.
[71] *Потто В. А.* Указ. соч. С. 257, *Маркова О. А.* Указ. соч. С. 287.
[72] СИРИО. Спб. 1875. Т. 16 С. 304—305.
[73] Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия… Т. 2. Вып. 2. С. 102.
[74] Архив ЛОИИ АН СССР, ф. 99, оп. 2, д. 14, с. 128—132.
[75] *Там же.* С. 130.
[76] *Там же.*
[77] *Там же.* С. 132.
[78] *Там же.*
[79] *Там же.*
[80] СИРИО. Т. 16. С. 306.
[81] О вторжении войск Ага Мухаммед-хана в Азербайджан подробно см.: *Левиатов В. Н.* Указ. соч,; *Сумбатзаде А, Исмаилов М. и Мехтиев Г.* Указ. соч.
[82] ЦГВИА, ф. 41, оп. 200, д. 614 а, л. 213.
[83] *Там же,* ф. ВУА, д. 299, л. 8.
[84] *Там же, лл.* 61— 61об.
[85] Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия… с. 155.
[86] Архив ЛООИ АН СССР, ф. 99, оп. 2, д. 14, л. 55.
[87] *Там же,* л. 56.
[88] *Там же.*
[89] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 295, л. 289 об, *Бобровский П. О* История 13-го лейб-гренадерского Эриванского Его Величества полка за 250 лет. Спб. 1893. Ч. 3. С. 52.
[90] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 295, л. 289об.
[91] *Маркова О. П.* Указ. соч. С. 291; *Нерсисян М. Г.* Из истории русско-армянских отношений. Ереван, 1956. Кн. первая. С. 75.
[92] Архив ЛОИИ АН СССР, оп. 2, д. 14, лл. 167—268.
[93] ЦГАДА, ф. 1406, оп. 1, д. 399, лл. 3об—29об.
[94] *Там же,* л. 3об:
[95] *Маркова О. П.* Указ. соч. С. 291.
[96] *Ибрагимбейли Х. М.* Указ. соч. С. 54.
[97] Копия с рескрипта генерал-поручику графу Зубову. ЦГАДА, ф. 1406, оп. 1, д. 339, лк. 6—7об.
[98] ЦГВИА, ф. 41, оп. 200, д. 614а, лл. 151, 252об.
[99] Списки населенных мест Российской империи. Тифлис. 1870 г.,С.80.
[100] *Дубровин Н. Ф.* История войны и владычества русских…
[101] *Левиатов В. Н.* Указ. соч. С. 177.

[102] *Маркова О. П.* Указ. соч. С. 291; *Ибрагимбейли Х. М.* Указ. соч. С. 54 *Галоян Г. А.* Соч. С. 112.
[103] ЦГВИА, ф. 41, оп. 200, д. 614 а, лл. 1—1об.
[104] *Там же,* д. 629, лл. 10—12об.
[105] *Там же.*
[106] *Там же.*
[107] *Там же.*
[108] *Там же*
[109] *Бакунина В. И.* Указ. соч. С. 355.
[110] ЦГВИА, ф. 41, оп. 200, д. 614а, лл. 170—170об.
[111] *Бакунина В.* Указ. соч. С 356.
[113] Письма архиепископа Иосифа Аргутинского о Грузии… С. 32.
[113] *Там же.*
[114] Письма А. В. Суворова (вводная статья П. Никольской / Красный архив. 1941. №3 (106). С. 163.
[115] *Там же.* ЦГАДА, ф. 5, д. 87, ч. 4, л. 234.
[116] *Дубровин Н. Ф.* История войны и владычества русских. Т. 3. С. 147-148.
[117] ЦГВИА, ф. 41, оп. 200, д. 614а, лл. 199—204об.
[118] *Там же.*
[119] *Там же,* л. 164.
[120] *Там же,* ф. 41, оп. 200, д. 614а, л. 169об.
[121] *Потто В. А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Спб. 1887. Т. 1. Вып. 1. С. 289.
[122] ЦГВИА, ф. 41, оп. 200, д. 614а, л. 204.
[124] *Дубровин Н. Ф.* Поход графа В. А. Зубова в Персию в 1796 г… С. 12.
[125] ЦГВИА, ф. 41, оп. 200, д. 614а, лл. 73—73об.
[126] *Там же.*
[127] *Там же,* л. 70.
[128] *Левиатов В. Н.* Указ. соч. С. 182.
[129] ЦГВИА, ф, 41, оп. 200, д. 614а, л. 245об.
[130] *Там, же,* л. 248—249об.
[131] *Там же,* л. 316.
[132] Жизнь Артемия Араратского, уроженца селения Вагаршапат близ горы Арарат, написанные и переведенные им самим с армянского на российский. Спб., 1813. Ч. 2. С. 155.
[133] ЦГВИА, ф. 41, оп. 200, д. 614а, л. 316 об.
[134] *Там же,* лл. 242—244 об.
[135] *Там же, .л* 359.
[136] Об этом подробно см.: *Левиатов В. Н.* Указ. соч. С. 183.
[137] *Мирза Адигезал бек.* Указ. соч. С 83.
[138] ЦГВИА, ф. 41, оп. 200, д. 614 а, лл. 231—232об.
[139] *Там же.*
[140] *Там же.*
[141] Жизнь Артемия Араратского… С. 158; *Григорян З. Т.* Присоединение Восточной Армении к России… С. 413.
[142] ЦГВИА, ф. 41, оп. 200, д. 614а, лл. 331—332об.
[143] *Там же.*
[144] *Там же,* д. 628, лл. 1—1об.
[145] ЦГАДА, ф. 5, д. 87, Ч. 4, л. 241.
[146] Инструкция отправленному в Персию поверенным в делах полковнику Коваленскому. *Там же,* лл. 243—246 об.
[147] АВПР, ф. СРП, оп. 77/6, д. 473, лл. 91—96.
[148] *Там же.*
[149] *Там же.*
[150] Материалы для истории русского флота. Ч. 14. С. 117.
[151] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2801, лл. 1—14об.
[152] *Там же*
[153] *Там же.*
[154] *Там же*
[155] Русская военная сила; Очерк развития выдающихся военных событий от начала Руси до наших дней, М., 1890, с. 121.
[156] ПСЗ. Т. 24. С. 506.
[157] Материалы для истории русского флота. 1898. Ч. 16. С. 117.
[158] Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия… Т. 2. Вып. 2. С. 163.
[159] *Там же.*
[160] *Мирза Джамал Карабаги.* Указ. соч. С. 83.
[161] *Левиатов В.* Указ. соч. С. 190.
[162] История Азербайджана (краткий очерк). Баку. 1979. С. 90.
[163] *Мирза Джамал Карабаги.* Указ. соч. С. 283—284.
[164] Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия… С. 283—284.
[165] *Абдуллаев Г. Б.* К вопросу о предпосылках присоединения Азербайджана к России. См.: Тр. объединен. научной сессии по обществ. наукам. Баку. 1954. С. 129.

[166] История Ирана… С. 217.
[167] *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа. Ч. 2. с. 513.
[168] *Абдуллаев Г. Б. Из* истории северо-восточного Азербайджана… С. 149.
[169] *Козубский Е. И.* Указ. соч. С. 125.
[170] ГАОО, ф. 1, оп. 1, д. 330, л. 3, ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, д. 654 л. 9об.
[171] *Левиатов В.* Указ. соч. С. 194; ЦГАДА, ф. 276, оп. 11, д. 654, лл. 13—16 об.
[172] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 332, л. 2; *Сургуладзе А.* Прогрессивные последствия присоединения Грузии к России. Тбилиси. 1982. С. 41.
[173] АКАК, т. 1, д. 863, с. 887.
[174] Там же, д. 34, с. 36.
[175] АВПР, ф. СРП, оп. 77/6, д. 15, лл. 162—176 об.
[176] Восточные известия, 1815, № 37. С. 290—291.
[177] АВПР, ф. СРП, оп. 77/6, д. 15, л. 170 об.
[178] НАИИ АН АзССР, 1795(1), л. 31.
[179] АВПР, ф. СРП, оп. 77/6, д. 15, лл. 162—178 об.
[180] ГААО, ф.1, оп.10, д.341, л.4.
[181] Астраханский порт с 1783 гг… С. 5.
[182] АВПР, ф. СРП, оп. 77/6, д. 15, л. 129об.
[183] *Козубский Е. И.* Указ. соч. С. 129.
[184] ГААО, ф. 1, оп. 10, д. 330, л. 2 об; ПСЗ. Т. 25. С. 781.
[185] ПСЗ.Т. 2. С. 780.
[186] ГААО, ф. 1, оп. 10, д. 330, л. 1.
[187] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1772, лл. 1-15об.
[188] ПСЗ. Т. 26. С. 726-765.
[189] *Алиев Ф. М.* Торговые пути Азербайджана во второй половине XVIII в.//Докл. АН АзССР. 1957. № 8. С. 940.
[190] АВПР, ф. СРП, оп. 77/6. д. 473, лл. 91—96.
[191] ПСЗ. Т. 26. С. 764.
[192] АКАК, Т. 1, д. 885, с. 639.
[193] *Там же.*
[194] ПСЗ. Т. 26. С. 764—765.
[195] *Там же.*
[196] АКАК, Т. 2. доп. С. 1144.
[197] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4258, л. 104.
[198] АКАК. Т. 1, д. 34, с. 124:
[199] *Там же,* с. 121:
[200] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 332, л. 26; *Берже Ад.* Фатали-шах и его дети//Русская старина. 1886, Т. 50. С. 553.
[201] АКАК. Т. 1, д. 868, с. 630.
[202] *Там же.*
[203] Присоединение Восточной Армении к России./Сб. документов 1801—1813. Ереван. 1972. Т. 1. С. 65.
[204] Цит. по: *Козубский Е. И.* Указ. соч. С. 127.
[205] Дубровин Н. Закавказье от 1803—1806 гг. С. 481—491.